

JAMES ALDRIDGE
ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

- [Джеймс Олдридж](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

Джеймс Олдридж МОРСКОЙ ОРЕЛ

Нис защищал Мегару, когда в страну вторгся Минотавр. Его сводный брат задумал захватить Мегару в свои руки, как только Нис одолеет Минотавра. Нис проник в его замысел и рассказал о нем Зевсу. Зевс превратил сводного брата в рыбу, а Нису дал власть по желанию превращаться в морского орла, чтобы в этом образе преследовать сводного брата и наблюдать за действиями врагов.

Официальная война закончилась с уходом эсминцев. Они вывезли то, что уцелело от Новозеландской дивизии, и потрепанные остатки английских и австралийских полков. После этого было объявлено, что Крит эвакуирован.

Тогда-то оно и началось. Все то, что было потом.

Эсминцы возвращались еще несколько раз, и многих, кто дожидался на южном берегу, им удалось забрать. Но долго на южном берегу нельзя было оставаться, потому что немецкие самолеты сбрасывали один парашютный десант за другим. И пришлось уходить в горы отрядами, порой довольно большими.

Весь Крит — сплошные горы, крутые и неприступные, так что прятаться было не трудно. И критяне очень охотно укрывали и кормили *инглези* и младших *инглези*. «Младшими *инглези*» они называли австралийцев и новозеландцев, когда распознавали их среди английских солдат. Иногда целые месяцы проходили, прежде чем немцы добирались до такого отряда младших *инглези* и уничтожали его.

Но рано или поздно до них добирались, и долго еще после окончания официальной эвакуации в горах шла война. Она шла до тех пор, пока существовали большие отряды. Но большие отряды было легче обнаружить и уничтожить, и в конце концов от австралийских войск остались только мелкие разрозненные группы.

Мелкие группы уходили в ту часть острова, где горы дики и почти пустынные. Они бродили взад и вперед и время от времени предпринимали короткие стремительные вылазки на побережье, в надежде достать лодку или другим каким-нибудь способом добраться до Египта.

Немцы истребляли и мелкие группы. Это было труднее, но для того чтобы выбраться к морю, австралийцам приходилось спускаться с гор и выходить на равнину. Тут их и ловили. Кроме того, немцы иногда устраивали облавы в горах, так что скоро стало опасно держаться вместе даже мелкими группами, и младшие *инглези* шли дальше, рассыпавшись по двое, по трое, и многие гибли или попадали в плен. Но все же в горах было сравнительно безопасно. Оттого безопасно, что даже теперь — два или три месяца спустя после окончания войны на Крите, — лишь в немногих городах и деревнях были немцы.

Однако чтобы бежать с острова, необходимо было пробраться к югу и выйти на открытое место. А бежать младшие *инглези* пытались беспрестанно. Но и тогда, когда приходилось выжидать, укрываясь в горах, они все время двигались, переходя из деревни в деревню при первом появлении немцев или при первом слухе о том, что немцы близко. Кое-где сами критяне оказывали организованное сопротивление или по крайней мере готовились к этому. Правда, такие места редко попадались на пути.

Так они бродили по Криту. То вверх, то вниз. Все время в движении — еще и потому, что ведь приходилось промышлять себе пищу, а это всегда было связано с риском, несмотря на то, что критяне охотно делились всем, что имели.

И покуда вы оставались в горах, вы все время двигались, переходили с места на место. И ждали, когда придет время для стремительной вылазки на юг, к

Средиземному морю, и можно будет спуститься с гор и отважиться выйти на изрезанное дорогами побережье. Только бы туда, на юг, и достать лодку, и выбраться отсюда, и добраться до Египта, и начать опять все сначала.

Но вы никогда не задумывались о том, как все будет, когда вы доберетесь до Египта. Вы думали только об одном: что вот придет день, и вы спуститесь с гор и выйдете на южный берег. А до тех пор важно не попасть в руки к немцам или итальянцам, которых все прибавлялось на Крите, и для этого надо все время двигаться с места на место, точно уходя от погони.

Хорошо, если удавалось набрести на такую деревню, которую еще не нашли, не облюбовали и не заняли немцы. Но рано или поздно оказывалось, что они уже близко или скоро будут близко, и нужно было снова уходить.

И так все время. С места на место.

Так два австралийца пришли в Сан-Ксентос, винодельческую деревушку, прилепившуюся к горе Юктас. В тени самой Иды. Но далеко от Иды и на такой высоте, где еще могли расти маслины. И виноградники, неровными рядами лоз исчертившие красные склоны.

Два австралийца спустились в Сан-Ксентос по узкой тропе, прорезавшей склон. Оба были в простых широких рубахах из бумажной ткани, какие носят крестьяне Крита. Штаны на них были какого-то неопределенного цвета, но европейского, некритского покроя. У одного, повыше ростом, штаны ниже колен были заправлены в толстые шерстяные носки, на критский манер. Но от этого он был похож не столько на критянина, сколько на велосипедиста викторианской поры.

Второй, плотный, круглый, с бледными тонкими губами и взъерошенной шевелюрой, видимо, меньше заботился о маскировке. Его широкие, обтрепанные внизу брюки свободно болтались над когда-то коричневыми башмаками австралийского армейского образца.

Круглый шел впереди и напряженно смотрел вниз, туда, где сплошным пятном белели строения Сан-Ксентоса. Он высматривал дорогу, ведущую в эту нелепую деревушку. Дороги нигде не было видно. Только узкие тропы тянулись с разных сторон сквозь дымку кустарника, совсем пурпурного сейчас, под отвесными лучами солнца.

— Ну, что? — спросил высокий.

— Никаких дорог, — сказал круглый. — Но в последней деревне тоже не было дорог, а все-таки они добрались туда.

— Я так голоден, что мне все равно. Пойдем, — сказал высокий.

Круглый, у которого нос, подбородок, щеки, все лицо было точно вздернуто кверху, уже начал спускаться по узкой тропе, Энгес Берк — так его звали — весь напряженно подобрался, когда тропа вдруг выровнялась и подошла вплотную к глинобитным хижинам окраины Сан-Ксентоса.

— Смотри, не видно ли мотоциклов, — сказал он. — На них всюду можно наткнуться.

— Зря ты не подвернул брюки, — сказал высокий.

— Я до того оброс, что и так сойду за грека.

Они с минуту постояли там, где тропа выходила на ровное место. Они были теперь на уровне грязно-белых домишек и внимательно искали каких-нибудь признаков немецкой или итальянской оккупации. Это всегда была самая неприятная минута, когда вот так, постепенно, приближаешься к деревне и есть до того хочется, что идешь на риск; но нервы напряжены, и не можешь совладать со страхом.

Это всегда была критическая минута.

Они медленно двинулись по засыпанной здесь песком тропинке, которая сворачивала к каменному дому на сваях, потом вдруг круто огибала его и шла дальше между двумя рядами глинобитных хижин. Стали попадаться навстречу собаки, женщины с детьми, потом мужчины в мешковатых критских штанах; а в воздухе стоял

острый запах не то уксуса, не то вина; так и ударяло в нос.

Энгес Берк наметил себе одного. Он стоял и смотрел на двух незнакомцев, которые приближались, шагая между рядами белых каменных домов. Высокий все еще озирался кругом, в поисках следов немецких или итальянских оккупантов. Но Берк шел словно по улице родного города. Он остановился, когда они поравнялись с критянином, который весь был облеплен виноградной кожурой и пахнул, как перегонный завод.

— *Калимера*, — произнес Энгес Берк греческое приветствие.

— *Калимера*, — ответил критянин.

— Мы бы хотели поесть, — сказал Энгес Берк по-английски.

Критянин посмотрел на него, потом на что-то за его спиной. И Энгесу Берку захотелось повернуться и тоже посмотреть, но он этого не сделал.

— *Таи*, — сказал Берк. Это было критское производное от «овес» и «пища», и означало оно всякую вообще еду.

Тогда критянин спросил:

— *Инглези?*

Энгес Берк медленно покачал головой, потом повернулся и посмотрел туда, куда смотрел критянин, но увидел только молодую девушку, которая засмеялась и убежала в дом.

— *Австралос*, — сказал Энгес Берк. — Младшие англичане. — От сказал это по-гречески.

— Ага. — И протяжно: — *Австралос*.

— *Нэ*. — Непостижимое греческое «да». Произнес его высокий.

— Привет вам, — сказал критянин.

Слова эти были хорошо знакомы Энгесу Берку, и сковывавшее его напряжение немного ослабело. Критянин улыбнулся обоим. Потом повернулся и сделал им знак идти за ним.

— Энгес, — сказал высокий. — Эта охота за жратвой меня доконает.

— Тебе еще долго придется этим заниматься, — равнодушно отозвался Берк.

Следуя за критянином, они стали взбираться по крутой каменистой улочке, посреди которой бежал темный ручей. Виноградная кожура всюду, все стены облеплены ею. Ручей натекал из отверстий в стенах на уровне земли. Это были давальни, здесь давили виноград.

Они вошли в низенький глинобитный сарай, стоявший в стороне. Там громоздились высокие кучи нарезанных и высушенных виноградных лоз и стояли деревянные козлы, на которых растягивали и выпрямляли лозы перед тем, как нарезать. Перед входом было навалено много корзин, сплетенных из этих лоз.

Критянин усадил их на скамью. При свете, падавшем из отверстия в соломенной крыше, он налил белого вина в черепяную флягу. Потом положил на деревянную тарелку кусок овечьего сыру и круглый плоский арабский хлебец и подал им.

— Вот вам, — сказал он по-гречески.

Энгес Берк поблагодарил его по-английски, и они тотчас же принялись за еду, намазали сыром похожий на лепешку хлеб, разломали его пополам и усердно стали

жевать. Критянин подложил на тарелку еще сыру и деликатно отвернулся, чтобы не смотреть им в рот.

— Верно, это все, что у него есть, — сказал высокий, но тем не менее продолжал жевать.

— Достанет себе, — сказал Берк. Он отпил белого вина из фляги. Вино было серебристое и холодное, потому что фляга была из глины.

— Белое, — сказал он о вине.

— Отчего это одни вина бывают белые, а другие красные? — спросил высокий.

— Если виноград давят до брожения, получается белое вино, а если после — красное, — сказал Берк. — Или наоборот, я точно не знаю.

Высокий — его звали Рид — допил до дна и сплюнул осадок, подивившись его горечи. Он скорчил гримасу и поспешил растереть плевков ногой. При этом он покосился на критянина — не заметил ли тот.

— Надо и с собой что-нибудь захватить, — сказал Энгес Берк.

— А может быть, подождать здесь до вечера и выйти, когда стемнеет? Мы уже очень близко от дорог, Энгес. Вот-вот очутимся на равнине.

— Слушай, — сказал Берк. — Раз уж мы двинулись на юг, времени терять нельзя. Сколько раз я тебе это говорил. Когда выйдем на равнину, тогда будем делать переходы только по ночам. А здесь еще большой опасности нет.

— Как бы не так, — сказал высокий, Рид. — Именно здесь у них на каждом шагу патрули.

— Будем держаться подальше от тропок.

— От тропок. Скоро уже дороги пойдут.

— Пока их не видно.

— Зачем рисковать?

— А ты думал, что выберешься отсюда без всякого риска? — спросил Энгес Берк, глядя на Рида. Он спросил это так, как будто ему в сущности мало дела до того, выберутся ли они отсюда, и до Рида, и даже до самого себя. Тон у него был довольно циничный. Риду он показался очень циничным.

— Не стоит спорить, — сказал Рид, слегка пожав плечами.

— Я и не спорю, — сказал Берк. Он встал. Критянин услышал и повернулся к ним. Он был седой, почти старик, а когда улыбался, вот как сейчас, то становился похож на молодого медведя.

— Спасибо, — еще раз сказал ему Берк.

Потом он занялся сложной мимикой: указывал на хлеб, затем на свои карманы, оттопыривая их, как будто они полны, — все для того, чтобы попросить немного еды на дорогу. Седой критянин понял и закивал головой, повторяя: «Нэ, нэ». Он подошел к мешку из небеленого холста, развязал его и достал четыре черствых арабских хлебца. Он подал их Берку, который для приличия немного поломался, но седой критянин сунул хлеб ему в руки; потом долил вина в флягу и подал высокому, Риду; потом дружески протянул каждому руку, и они так же дружески ее пожали. После этого все трое вышли из сарая.

— Это я понесу, — сказал Берк, указывая на вино.

— Какого черта, Энгес...

— Давай, давай. Ты все вылакаешь. — Берк отдал Риду хлеб, а сам взял флягу.

Они пошли по деревне дальше. Седой критянин всем соседям рассказывал про *австралос*. Встречные мужчины спешили торжественно пожать им руки. Это было довольно неудобно, потому что руки у Энгеса Берка и Рида были заняты хлебом и флягой с вином. Наконец они еще раз попрощались с седым критянином, отчетливо выговаривая: «Спасибо, спасибо», и, выйдя из Сан-Ксентоса, стали спускаться по склону Юктас медленно, потому что руки у них по-прежнему были заняты хлебом и флягой с вином.

Еще винно-уксусный запах Сан-Ксентоса стоял у них в ноздрях, когда вдруг внизу, прямо под ними, открылась долина между Идой и Юктас, вся в пестрых пятнах полей и невысоких холмов, и густых каштанов на фоне белого известняка, и обширных фруктовых садов, и высоких желтых тополей. Казалось, она совсем, совсем близко и слишком густо населена.

— Ну вот тебе, — сказал высокий Рид. — Смотри на эти дороги.

— Смотри себе под ноги лучше, — сказал ему Берк.

И они продолжали спускаться по каменистому склону вниз, в долину. Но она была еще далеко. Они решили, что не пойдут туда прямо. Они будут держаться отрогов Юктас, тянувшихся к югу. Они постараются обойти деревушки предгорья, прячась среди кустарника и чахлого сосняка.

Под вечер они вышли к предгорью Юктас. Деревни лепились здесь одна возле другой, и хоженных троп кругом было так много, что уклоняться от них становилось все труднее. Узкие извилистые критские тропинки, разбегающиеся во все стороны, куда только заблагорассудится свернуть.

Берк знал, что здесь опаснее всего. Местность все еще была дикая и скалистая, и идти приходилось словно вдоль ската крыши. Немецкие патрули сновали повсюду, потому что хоть это были горы, но не те уединенные и полные опасностей горы, куда они не очень любили углубляться.

И здесь, в расположенных у подошвы деревнях, они подстерегали англичан и австралийцев, спускавшихся с гор. Над многими деревнями были пулеметные гнезда. И кое-где у придорожных колодцев тоже. Обозленные немцы задерживали множество греков и тратили много времени, выясняя, греки они или нет.

Энгес Берк и высокий Рид попали сюда слишком рано. Торопливость Берка испортила дело. Ночью, в темноте, можно было пройти через эти деревни благополучно или миновать их. Но Берк вышел сюда еще до наступления темноты, и это не могло привести к добру.

Они продвигались вперед со всей возможной осторожностью, неуклонно спускаясь под гору, но при этом используя каждый перелесок, и только там выходя на тропу, где иначе нельзя было пройти. Кругом были разбросаны небольшие деревушки, зачастую просто горсточки домов, как это обычно бывает в низменной части Крита. Повсюду виднелись дома и люди, копошившиеся среди виноградников, в эту пору года уже оголенных.

Патруль из трех человек встретился им посреди неширокой горной тропы. Берк и

Рид шли по ней потому, что это был единственный путь вниз среди отвесных круч. Немцы шли по ней потому, что это был единственный путь вверх. Берка удивило, что это случилось так скоро — раньше, чем они успели дойти куда-нибудь. Всегда ведь ждешь, что это случится. Рано или поздно наткнешься на патруль. Но не сегодня. Не сейчас, что-то уж слишком скоро. И все-таки вот они, Энгес, голубчик, поднимаются прямо навстречу тебе, по той же тропе, вдоль каменной стены, вытертой до блеска корзинами, которые мулы проносят здесь взад и вперед. По этой же самой тропе поднимался теперь в гору патруль из трех человек. Три немца были в полсотне ярдов от них и приближались с каждым шагом. И все трое смотрели вверх, неестественно высоко держа голову, как люди, привыкшие стоять навытяжку. У каждого был автомат, похожий на финскую суоми, поменьше, чем, томпсоновский ручной пулемет.

— Смотри на них, когда они будут проходить мимо. На них смотри, — сказал Энгес Берк.

— Нужно посторониться и дать им дорогу, — сказал высокий Рид. Они говорили с внезапным спокойствием отчаяния.

— Пусть сами посторонятся, — сказал Берк. — Но ты смотри на них. Пусть не думают, что ты боишься на них смотреть.

И высокий только кивнул в ответ, потому что за ближним поворотом тропы они столкнулись с немцами лицом к лицу. Немцы были одеты так, как всегда бывают одеты военнопленные на снимках. Короткие штаны, носки, колбаской завернуты на башмаки, и лыжная каскетка с большим козырьком. У того, что шел впереди, автомат висел через плечо, и левая рука была засунута под ремень.

Энгес Берк шел по краю, у самой стены.

Разминуться можно было не останавливаясь.

Первый немец поравнялся с ним, и Берк посмотрел на него пустыми глазами. У него было молодое загорелое лицо. Другие два шли следом, плечо к плечу, слегка наклоняясь вперед, и Берк вдруг ясно представил себе свой костюм, свое круглое лицо, свои башмаки армейского образца и штаны Рида, заправленные в носки.

Патруль прошел мимо, подозрительно оглядев обоих австралийцев. Три немецких солдата с квадратными походными фляжками, торчащими на боку. Энгес Берк в первый раз видел немцев так близко от себя. Совсем близко. Он испытывал какое-то любопытство, перекрывавшее даже чувство опасности. Вот это те, с кем ты воюешь. Чудно, что ты совсем рядом, проходишь мимо, смотришь на их форму, зеленую, зеленее, чем ты думал, из гладкой добротной материи. И лица у них смуглые, очень смуглые.

Ничего не случилось, пока они не поравнялись с Ридом, который шел за Берком. Последний немец сказал что-то остальным, и Энгес Берк понял, что сейчас что-то случится. Немцы пошли дальше, но Берк знал, что они оглядываются назад.

— Что он сказал? — спросил высокий Рид, нагоняя его.

— Не разговаривай, — сказал ему Берк. — Идем.

Они прибавили шагу, не таясь, так как теперь поворот дороги скрывал их от немцев.

— Что он сказал? — снова спросил Рид.

— Что ты слишком высокий, слишком рослый для грека.

— С чего это ему вздумалось? Я встречал греков и повыше ростом.

— А он, видно, не встречал, — сказал Берк. И сразу же: — Они идут.

И в самом деле, патруль возвращался назад. Слышно было, как они тяжело топают, тормозя шаг, как делаешь всегда, спускаясь с горы, и эхо, особенно гулкое среди скал, разносило этот топот кругом.

— Надо было и тебе заправить штаны, — сказал высокий. И это он, Рид, первым пустился бежать.

— Стой. Стой, черт тебя подери. — Берк выкрикнул это, не помня себя.

Но высокий уже миновал его и мчался вниз по тропе, которая еще ярдов двести вилась среди голых скал, а потом сворачивала в низкорослый сосняк.

И Берк побежал тоже, потому что теперь все уже потеряло смысл. Он бежал, упираясь в каменистый склон, чувствуя, как вихляются его ноги в разбитых башмаках. Он старался прислушаться, далеко ли патруль; но грохот был такой, что ничего не было слышно. Рид, в нескольких ярдах впереди, неуклюже скользил и скользил на своих длинных ногах, слишком туго стянутых двойным перехватом носков и штанов.

И Берк знал, что патруль настигает их. Теперь он уже слышал его совсем близко, за поворотом. Рид, бегущий впереди, мешал, загораживая дорогу. Тише. Тише. Один раз Берк на мгновение оглянулся назад. Он увидел, как тот молодой, коричневый от загара, сдергивал с плеча автомат. Автомат был тяжелый, и ему было неудобно. Деревянный приклад застрял у него между колен, когда он на бегу перехватывал его правой рукой.

И в эту же самую секунду Берк глянул влево, в сторону обрыва. Гора обрывалась отвесно и круто, и внизу были круглые валуны и красная земля, поросшая мхом, сухим и мертвым, но еще зеленым. И он крикнул Риду:

— Берегись!

И сейчас же грянуло. Короткая, но быстрая очередь. И выше, чем нужно, а уж наверняка ему сто раз на неделе твердят, что, когда стреляешь из автомата, прицел надо брать ниже. Пули пролетели, над головой Берка. И он спрыгнул с тропы вниз.

Вторая очередь ударила, когда он был еще в воздухе и даже ног не успел сомкнуть после прыжка. И он ждал толчка при ударе о землю и думал, сломает он ноги или нет и прыгнет ли тот, молодой, за ним?

Правая нога у него при падении подогнулась, и так как ноги были короче туловища, то, упав, он перекувырнулся через себя. Но не покатился. Он упал боком и поехал по каменистому склону на спине, инстинктивно цепляясь за землю, чтобы остановиться, и чувствуя, как рвется тонкая ткань штанов и острые края камешков впиваются в его онемевшие ягодицы, и, наконец, он въехал боком в мягкую кучу красной земли и застрял. Он ждал новой очереди, но все было тихо. Он встал и бросился дальше вниз, вприпрыжку, бегом, ползком, пока очередь не настигла его.

Он услышал только «взз-взз» брызнувшей в стороны земли. Потом почувствовал сильный жар и толчок в правую ягодицу, как будто он наткнулся на что-то. И кувырнулся вниз, и фляга, которую он до сих пор бессмысленно держал в руке, описав в воздухе изящную плавную дугу, упала и разбилась вдребезги, в двух шагах от его головы.

Потом он снова встал, упираясь каблуками в землю, чтобы как-нибудь преодолеть слепую силу собственной тяжести, увлекавшую его вниз. Он увидел густую кущу кленов и стал карабкаться к ней.

Ему вслед стреляли, и он слышал, как свинец ударялся о дерево и расщеплял его с треском, отдававшимся в густых ветвях. Его не тянуло оглянуться назад, потому что все это касалось только его одного. Что случилось с высоким Ридом, он не знал, и его не тянуло узнать или оглянуться, потому что во всем мире реальным и значащим было только это одно. Идти, подвигаться вперед, выбираться к черту отсюда.

Раздумывать тут было не о чем. Он знал, что нужно опять взобраться наверх. Они спустятся сюда за ним. И будут рыскать по кленовой роще, пока не найдут его.

Но им его не найти. Он взберется наверх. Туда, откуда шел. Только это теперь нелегко. Я ранен, думал он. Не в ногу. И не в грудь. В задницу, и оттого я не могу двигать ногой от бедра, а в боку у меня словно дизель работает.

Он двинулся к опушке кленовой рощи скачками, потому что правая нога не сгибалась, и бежать было нельзя. Но он не останавливался и скоро очутился опять на голом склоне Юктас, в поисках тропы, ведущей вверх. Но кругом были только отвесные скалы, которые загораживали путь.

Вдруг он увидел внизу узенькую белую полоску тропы, теряющуюся в кленовой роще. Раз она ведет вниз, значит, спускается откуда-то сверху. И он пополз наискось вниз, к замеченной тропе. И, добравшись до нее, свернул направо и пустился по ней вверх. Вверх, в сумасбродной надежде, что она выведет его на ту тропу, по которой он спускался сюда. Что он отыщет дорогу к деревне, где ему дали хлеб. Надо же ему деваться куда-нибудь, раз он ранен и из раны течет кровь. Вот говорят, кровь горячая. А ему холодно от нее.

Он пошел медленнее. Он довольно высоко взобрался, и можно было не бежать. Теперь он то и дело оглядывался назад, но знал, что они едва ли найдут его, если только он будет все время подниматься вверх.

Вверх.

Он вдруг подумал о высоком Риде. Он понимал, что заставило Рида побежать очертя голову. Но это очень глупо, даже если боишься. Все боятся, но только тот, кто умеет одолеть свой страх, не попадет из-за него в беду. Не бояться, это значит просто уметь одолеть страх в себе. И тогда не побежишь вот так очертя голову. Не побеги Рид, все бы, может быть, обошлось. А так едва ли он ушел живым. Скорей всего они настигли его на той тропе. Скорей всего он так и бежал вниз по той тропе, и они настигли его там, где она сворачивала в лес. Бедняга Рид. Не батрачить ему больше на ферме в родном краю. Придется там, на ферме, управляться без него. Вниз бросился. И я тоже, но как. Одно мгновение, и я уже был внизу. А теперь я снова взбираюсь наверх и не скоро спущусь опять, из-за этой окоченевшей ноги. Вот что выходит, когда слишком погорячишься. Но когда идешь на такое, трудно не горячиться. А теперь я должен отыскать деревню, где живет этот медведь, этот седой критский медведь. А дальше куда? Почему я знаю. Как еще обойдется с ногой. Бедняга Рид. Славный мальчик, дурная голова.

И он все шел вверх по козьей тропке, ступая твердо, хотя и с трудом.

А бедняга Рид, славный малый, дурная голова, лежал где-то мертвый, с вытаращенными глазами, с раскрытым ртом.

Когда стемнело, Берку стало труднее идти. В темноте он не мог разглядеть козьей тропки. Он то и дело сбивался с нее и должен был ощупью искать ее снова, ползая на четвереньках. Даже и так ему приходилось волочить правую ногу. И когда он ползал, внутри у него становилось нехорошо. Он не знал этого, пока не стал на четвереньки в первый раз. Не знал, что от этого нехорошо. Когда приходится ползать на четвереньках, как-то все сдает внутри.

— Плохо дело, — сказал он себе. — Если я еще раз встану на четвереньки, я пропал.

Его стало клонить ко сну. Один раз он присел отдохнуть и вдруг спохватился, что заснул. Тогда он снова пошел вперед и шел до тех пор, пока не открылся перед ним склон, пересеченный неровными рядами лоз, белеющими в дымке рассвета.

И это был Сан-Ксентос.

Ковыляя, он пошел дальше, в поисках удобной тропы. И то находил, то сбивался опять, пока не дошел, шатаясь, точно пьяный. Дошел до самой деревни, почти обезумев, наполовину от усталости, наполовину от страха, что придется снова ползти. Это было ему страшнее всего, он ни за что не хотел больше ползти. Никогда в жизни, а теперь особенно.

Он вышел на тропу, которая огибала дом на сваях. В деревне еще никто не просыпался. Даже уксусный запах вина не стоял в воздухе. Лаяли собаки, но его беспокоило, что он не чувствует этого запаха, хотя он был уверен, что деревня та самая. Он остановился на негнущихся ногах и сказал:

— Как же это. Не пахнет. Совсем не пахнет. А ведь так и ударяло в нос.

И рухнул в грязь на улице Сан-Ксентоса.

Потом оказалось, что он едет на муле, лежа ничком поперек деревянного седла. Был уже день, и он смотрел, как Проплывают перед его глазами мелкие чешуйки сланца, круглые ямки, камешки, черная пыль; гладкие пласты, изрытые пласты, медленно, быстро, совсем останавливаясь, чередуются перед его глазами. Берк еще не вполне пришел в себя. В желудке чувствовалась тяжесть, и он догадался, что это от сыра, который ему дали в винодельческой деревушке. А больше никаких мыслей у него не было.

Мула вели два критянина. Они вышли в путь ранним утром и уже устали. Один был тот самый, седой критянин. Другой — хозяин мула. Мул был диктейской породы, лучшей на Крите. Они шли впереди, у самой морды мула, и разговаривали.

— Кто, по-твоему, называется австралийцем? — спрашивал хозяин мула.

— А по-твоему, кто? — откликнулся седой критянин.

— Тот, кто говорит на австралийском языке.

— И кто в Австралии на свет народился.

— А на каком языке говорят *австралос*?

— Не знаю. Мы не должны очень придираться.

— Кто это придирается? Мул чей — мой или не мой?

— А при чем тут австралийский язык?

— Ничего ты не понимаешь. — Хозяин мула был в большом волнении.

— Он все оценит. Не беспокойся, — сказал седой.

На это хозяин мула ничего не ответил, потому что они подошли к выемке в склоне Юктас, слишком большой, чтобы ее можно было назвать пещерой, и скорей походившей на гигантскую террасу. Кругом не было ни одной протоптанной тропинки, и мулу не легко было одолеть подъем. Обоим проводникам пришлось подталкивать его сзади, хоть это и был диктейский мул, и, наконец, они взобрались на край выемки и двинулись вглубь.

Глаза у Энгеса Берка были раскрыты, но сознание его бездействовало. Он чувствовал, что его стащили с мула и понесли, и слышал греческую речь над собой, и видел стену позади и одеяла. Но он только все старался ощутить уксусный запах винодельческой деревушки и мучился оттого, что не ощущал его.

Потом больше ничего не было. Ничего, пока он не очнулся с чувством, что ему необходимо избавиться от всего, что у него внутри. Без участия мысли он присел и нагнулся, и его вырвало, одной только слюной и желчью.

Было еще светло.

Но было и светло и в то же время темно. Когда он выпрямился, у него приятно отлегло от горла, и он увидел, что находится в яме, сверху затянутой брезентом. Ветер колебал брезент, и свет и тени перемещались.

И он увидел других, несколько человек. Все они тоже лежали.

Он видел, что находится в яме, стены которой, слоистые и осыпающиеся, поросли травой. И он почувствовал запах, втянул его носом. Но это пахло по-больничному,

эфиром и спиртом.

Потом к нему подошла рослая женщина, гречанка, в длинном черном фартуке, неловко, грузно встала на колени и потянула с него одеяло. Тут только он почувствовал свое бедро. Его свело болью, потом отпустило. И он увидел повязку, испачканную кровью. Женщина начала снимать повязку, и Берк подскочил от боли.

— Легче, — сказал он ей.

Она продолжала делать свое дело, приподняв его ногу так, чтобы можно было пропустить повязку под ней. Повязка была грязная, и он догадался, что это его рубашка, и, лежа так, с поднятой ногой, он оглядывался по сторонам. На полу, тоже застланном брезентом, лежало еще шестеро или семеро. В одном углу были сложены два очага, защищенные двумя большими каменными плитами. Почти все остальные лежали у противоположной стены. Только двое не лежали, оба — черноволосые греки. У одного все лицо забинтовано, другой совсем без повязки. Больше ничего кругом не было, только два черных котелка на огне.

Женщина, наконец, размотала всю повязку, сняла тампон из чистой тряпочки и осторожно повернула Берка на левый бок.

— Который час? — спросил он женщину. Он сам не знал, зачем.

Женщина покачала головой, двое лежащих напротив оглянулись на него.

Заговорив, Берк почувствовал сухость в горле и во рту. Брезент у самой его головы был измаран давешней рвотой.

— Дайте мне пить, — сказал он женщине.

Она перевернула его на живот и крикнула кому-то. Берк попытался вспомнить, как по-гречески «вода», но никак не мог. Колено женщины тяжело давило ему на Поясницу.

Потом рядом очутился еще кто-то, с тампоном в руках, ощупал его бедро и перевернул его опять на левый бок.

Берку в это время вспомнилось, как он шел и смотрел на дом на сваях. А потом сразу вот это. Черт возьми, да это яма какая-то. Я, должно быть, угодил в плен и скоро окажусь в Stalag^[1] IV, V или VI, римскими цифрами.

— Что это такое? — спросил он, не думая.

— Вы приходите в себя, — сказал ему кто-то по-английски.

— Да, — сказал Берк.

Он не видел, кто это, потому что женщина снова накладывала ему повязку, и он лежал спиной к говорившему.

— Что это за яма? — спросил он.

— Никто не знает, — ответили ему. — Скорей всего остатки Минойской бани. Французы утверждают, что здесь была гробница Зевса. Но я этому не очень верю.

Берк молчал, пока женщина не кончила перевязывать, потом он перевернулся на спину и сел слишком резким движением.

— Не давите на этот бок.

Теперь Берк увидел человека, который говорил по-английски. Он был еще молод, с окладистой черной бородой, в толстых очках в черной оправе.

— Вы что, врач? — спросил Берк.

— Да.

— Немец?

— Грек.

— Это не немецкая затея?

Врач покачал головой и сказал:

— Нет.

— А что это такое? Где мы, в деревне?

— Нет, — сказал врач.

— Черт подери, — сказал Берк, — что же это такое? И что вообще случилось?

— Вы упали без чувств у деревни Сан-Ксентос. — Он произносил на греческий лад: «Сан-Эксентос». — Слишком большая потеря крови. Там знали про это место, и вас привезли сюда на животном.

— На муле, — сказал Берк и вспомнил чешуйки сланца, и камешки, и черную пыль.

— Да. Я начинаю забывать английский.

— Нет, отчего же, — рассеянно возразил Берк. — Но что же это все-таки?

— Хорошо укрытое место. Но мы здесь не останемся.

— Госпиталь?

— Вроде.

— Для греков?

— Для всех здесь, на Юктас. Железноголовые сейчас действуют в этом районе, и в деревнях для нас опасно.

— Партизаны, значит?

— Нет. — Молодой врач покачал головой. — Партизаны ушли на восток.

— Мне тоже надо выбраться отсюда, — сказал Берк.

— Еще рано. Вам вредно двигаться.

Врач что-то сказал женщине по-гречески и опустил на одно колено. Берк теперь мог разглядеть спокойные глаза за толстыми стеклами и неподвижные губы.

— Что там? — Берк приподнялся на локте и указал на свое бедро.

— Пустяки, — сказал грек. — Заражения нет. Ничего опасного. Чисто внутри. Чисто снаружи. Я наложил швы. В трех местах. Потеря крови, больше ничего. Несколько дней, и все будет в порядке.

— Опасности нет?

— Никакой. Камень был плоский и острый, вошел и вышел.

— Я думал, там парочка пуль застряла.

— Нет. Просто камень, острый как нож.

— А я смогу ходить?

— Завтра сможете. Пойдете и прямо наткнетесь на железноголовых.

— Разве здесь не высоко? Не высоко? — повторил он.

— Высоко. Но железноголовые поднимаются все выше. Зачем вы спускались? Ведь вы спускались?

— Да, — вызывающе сказал Берк.

— Теперь не время для этого. Железноголовые поднимаются все выше.

— Тем более мне надо уходить отсюда.

— Завтра уйдете.

— Что с моим спутником? Вы ничего о нем не знаете?

Доктор покачал головой и снял очки, чтобы протереть их. По его небольшим, спокойным, окруженным мелкими морщинками глазам сразу можно было узнать, что он близорук. Берк подивился, как он работает с такими глазами.

— Вы меня зашили? — спросил он грека.

— Да. Вы не чувствовали, потому что вы спали. Хорошо, что у нас еще было анестезирующее. А вообще медикаменты у нас на исходе, оттого мы и двигаемся.

— А где вы их достаете?

— С большими трудностями достаем. — Врач поднялся на ноги. — Все наши запасы медикаментов захвачены у самих железноголовых.

Берк вежливо поблагодарил его.

— Вы англичанин или австралиец? Эти люди из Сан-Ксентоса говорили — *австралос*.

— Верно.

— Я прожил год в Манчестере, — сказал грек.

— Изучали медицину? — спросил его Берк.

— Да. Но я стал забывать английский.

— Через сколько времени я могу выйти отсюда? Когда мне можно будет ходить?

— Вам еще надо бы полежать несколько дней. Но придется уйти завтра. Это необходимо. Железноголовые поднимаются очень быстро. Скоро они займут весь Юктас. Оттого и партизаны ушли на восток. Завтра вы встанете.

— И вы тоже уходите? — спросил его Берк.

— Да.

— А как остальные?

— Эти все уже поправляются. Лишь вон тот, у огня, скоро умрет. Его повесили, но неудачно, и родные потом вынули его из петли. Но только ему не выжить. Еще есть один, которого нам придется оставить железноголовым, может быть, они поместят его в настоящий госпиталь. Может быть, и не поместят, но у нас он все равно умрет. У него в одном легком два осколка. Это очень трудно, я здесь не могу сделать такую операцию.

Подошла гречанка и убрала возле Берка. Берк подивился, откуда она, но не спросил. Он чувствовал усталость, и во рту по-прежнему было сухо.

— Мне пить хочется, — сказал он врачу.

— Сейчас. — Врач сказал что-то женщине.

— У вас тут не найдется для меня пары штанов?

— Нужно поискать, — сказал врач. — Посмотрю рано утром. Я к утру вернусь.

— Спасибо, — сказал ему Берк.

— *Адио*, — попрощался доктор.

— *Адио*, — сказал Берк.

Женщина принесла флягу с водой, которая на вкус была, как кипяченая, и Берк выпил и почувствовал себя лучше, только бедро было точно отсыревшее полено. Но что

бы там ни было, он отсюда завтра выберется. Чудной народ эти чертовы греки. Госпиталь в гробнице Зевса, и, видно, все знают о нем, кроме немцев, а бедняга Рид не попал сюда. Бедняга фермер Рид. Славный мальш, дурная голова.

Он заснул под колеблющимся брезентом, от которого в ночной полутьме перемещались свет и тень. И когда проснулся, свет и тени перемещались все так же, но это были свет и тени раннего утра. Он ожидал, что услышит шум и движение вокруг, но все было, как и вчера. Только немного спустя, когда бородатый доктор по плоским ступенькам спустился в яму, Берк почувствовал спешку, потому что доктор подошел прямо к нему. В руках у него были греческие солдатские штаны, которые он положил возле Берка.

— Ну, как вы? Это чистое, — сказал он о штанах.

— А где мои башмаки?

— Там, у входа. Вот рубашки, к сожалению, не нашлось.

Берк не слышал. Он лежал на спине, упиравсь плечами, и натягивал грубые штаны. Повязка не давала застегнуть верхние четыре пуговицы, и он оставил их незастегнутыми. Глубоко переводя дух, как делаешь всегда, начиная что-нибудь сызнова, он встал на ноги. Доктор не помогал ему. Приятно было босыми ногами почувствовать землю.

— Первое время старайтесь ступать осторожно, — сказал доктор. — Я выйду вместе с вами. Ваши башмаки там, наверху. Вы увидите.

Ходить Берк мог, только нога не сгибалась, и в голове сильно стучало, но он не шатался, и повязка, туго перехватывавшая ногу, придавала крепость мышцам. И так он поднялся по ступенькам, стараясь не задеть хлопающий брезентовый навес.

Солнце уже встало, но еще не вышло из-за гор, и он увидел внизу отроги Юктас, тянущиеся над долиной к югу, и ему даже показалось, что он видит море, но он не был уверен. Все равно теперь придется подниматься вверх, даже если немцы идут сюда. У него нет выбора. С такой ногой ему только и дороги, что вверх.

Он нашел башмаки и стал зашнуровывать их. Они были корявые и затвердели, и он подумал, уж не вымыли ли их тут. Подошел доктор.

— С вами вместе пойдут двое греков, — сказал доктор. — Они идут в деревню Юктас, где есть еще один *австралос*. Нам это известно, потому что отсюда уже ходил туда человек и видел его.

— Спасибо. Мы сейчас и выйдем? А вы куда направляетесь?

— К востоку.

— И вы будете продолжать это дело? Вот так, как сейчас?

Доктор только пожал плечами.

— А что же еще делать?

— Где сейчас немцы?

— Не знаю. Они идут маленькими патрулями и подвигаются быстро. Они теперь принялись за Юктас. Но в деревне Юктас вы будете в безопасности некоторое время. Ее трудно отыскать. Спутники помогут вам идти.

— Спасибо, — сказал Берк.

Вышли те двое, что сидели напротив. У одного вся голова была забинтована, так

что видны были только глаза, у другого повязок не было, но он шел, почти не сгибаясь в поясице, и казался совсем больным.

— Я готов, — сказал Берк. — До свидания и благодарю вас, — сказал он доктору.

— *Адио, австралос.* Помните, что у вас наложены швы. Вы можете снять их через неделю. Чем-либо чистым перережете каждый стежок и выдерните нитку. Смотрите не загрязните только. До свидания, — сказал доктор и стал спускаться по ступенькам, со строгим, не улыбающимся лицом.

— Пошли, — сказал Берн обоим грекам, стоявшим в стороне.

Они помогли ему встать на ноги. Он сделал нетерпеливое движение, стараясь высвободиться. Они поглядели на его плотную круглую фигуру, вздернутое лицо, тонкую верхнюю губу, хорошо пригнанную к нижней. Они поняли, что он не нуждается в их помощи. Они отпустили его руки и зашагали по неширокому карнизу, отходившему от края выемки.

Берк пошел за ними и скоро убедился, что может шагать довольно свободно, если правую ногу не сгибать в колене, а выбрасывать вперед прямую и так же подтягивать потом.

Под вечер тень Иды сровняла поверхность склона Юктас. Стало сумрачно и прохладно. Они подошли к маленькой пастушьей деревушке, уместившейся на одной скале. Взбираясь по кручам, Берк видел мальчишек со стадами коз. Иногда попадались навстречу и овцы, пасшиеся небольшими стайками.

Они пошли по улочке, которая вилась между глинобитных хижин.

Спутники Берка остановились и заговорили с мальчиком лет пятнадцати или шестнадцати. О чем-то у них шел спор. Берк скоро потерял терпение.

Он подошел и сказал:

— Идем.

Они оглянулись на него и продолжали спорить.

— Идем, — повторил он.

Один из греков повернулся и пошел дальше, сделав Берну знак следовать за ним. Второй, тот, у которого была забинтована голова, все стоял и разговаривал с мальчиком, указывая в сторону Иды.

Берк пошел за первым греком, и вскоре они вышли на тропу.

Он шел и шел за ним, пока впереди не показалась другая пастушья деревня, окруженная редкими виноградниками. Ветер свободно гулял на этой высоте. Они проходили мимо собак и детей, тощих как скелеты.

Грек подошел к женщине, стоявшей у дверей, и спросил ее о чем-то. Вышла еще женщина, молодая, и вмешалась в разговор, указывая вниз, по направлению горной тропки. Потом она сама пошла в ту сторону. Берк и его спутник пошли за ней. Она была босая. Из глинобитных хижин выходили люди, преимущественно старухи, поглазеть на чужих. Пройдя вдоль длинной глинобитной ограды, они свернули в виноградник, раскинувшийся по склону Юктас. В одном конце виноградника стояли козлы для просушки лоз, за ними был длинный сарай, должно быть служивший складом.

Девушка распахнула дверь и пошла. Берк и его спутник последовали за ней.

— Стой, — крикнул кто-то по-английски.

Энгес Берк увидел высокого бородатого человека. Волосы и борода у него были рыжие, нос сплюснутый, как у боксера, но лицо умное, с выразительными, смешливыми глазами. И с ним еще один. Маленького роста, смуглый, с точеными чертами лица. Но лоб, под гривой черных волос, весь в морщинах. Они стояли рядом, напряженно подтянувшись. У черноволосого был в руке револьвер смит-вессон, тридцать восьмого калибра.

— Стоим, — поспешил ответить Берк.

— Кто такие? — спросил смуглый, и лицо у него сделалось еще более напряженным.

— Нас привела эта девушка. — Берк тоже подтянулся, не сводя глаз со смит-вессона.

Смуглый заговорил с девушкой, быстро сыпля словами. Она отвечала односложно,

потом торопливо повернулась, как будто в замешательстве, и убежала.

— Ну? — сказал Берк.

— Говорите вы, — сказал смуглый.

— Я был в госпитале, там, внизу. — Берк говорил теперь с нарочитым спокойствием, непринужденно прислонясь к дощатой двери. — Доктор грек сказал мне, что в этой деревне есть один австралиец.

— Вы грек? — спросил его рыжий.

Берк невольно взглянул на себя, потом вспомнил, что он не в австралийской форме.

— Австралиец, — сказал он. — Меня зовут Энгес Берк. Я сюда попал из Кандии.

Черноволосый, на котором не было ничего, кроме пары бумажных штанов, слегка опустил ствол смит-вессона.

— А другой кто? — спросил черноволосый Берка.

— Он грек. Он привел меня сюда. А кто вы такие?

Рыжий оставил вопрос без внимания и подождал, пока кончит смуглый, который заговорил по-гречески со спутником Берка. Потом он спросил:

— Ты из какой части?

— А это важно? — спросил Берк.

— Да.

Берк назвал свой батальон и полк, потом добавил, что был в Кандии на зенитной батарее.

— Все в порядке, — сказал рыжий черноволосому.

— Этот говорит, что он грек и был в том же госпитале. Я думаю, это правда.

Минута колебания, которая всегда бывает перед тем, как вражда уступает место дружественности. Черноволосый и рыжий стояли рядом. Берк знал уже, что черноволосый — грек, а рыжий — австралиец. Они выждали эту минуту, потом черноволосый отдал револьвер своему товарищу.

— Располагайтесь как дома, — сказал рыжий и осклабился, показав неровные зубы.

— Кто вы такой? — спросил теперь Берк, не двигаясь с места.

— Меня зовут Стоун, — ответил тот просто. Потом он назвал свой батальон и полк, чтобы не оставлять сомнений.

— А это — Нис, грек. Он пришел сюда вместе со мной.

И Берк вошел в сарай и закрыл за собой дверь.

Они объяснили ему свое положение. Рассказали, как они попали сюда, к нагорьям Юктас.

Стоун, рыжий великан, у которого спокойная рассудительность сочеталась с неторопливым юмором в глазах, заговорил о том, что происходило на Крите. Он рассказал Берку, как они ждали на берегу Сфакии и как шлюпки с эсминца вывозили их партиями. Он сказал, что первыми вывезли тяжелораненых. Потом раненых, которые могли ходить. Когда до этих дошла очередь, то вдруг оказалось, что все

поголовно — раненные, все хромали и двигались, опираясь на винтовку вместо костыля. Стоун ждал вместе с другими. Когда на берегу уже осталось совсем немного, эсминца потопил юнкере. Подошел другой эсминец и подобрал тех, кому удалось спастись. После этого Стоун и ушел в горы вместе с Нисом, которого встретил, когда юнкере стал бомбить ожидавших на сфакийском берегу. Когда в Сфакию пришли немцы, они углубились в Белые горы, потом подались на восток, следуя вдоль хребта. Они пытались выйти на южный берег, но повсюду натыкались на немцев. Так они добрались до Юктас и хотели перевалить через гребень и спуститься вниз. Но теперь путь опять отрезан. И нужно поскорей выбираться отсюда.

Пока Стоун рассказывал, Энгес Берк смотрел на черноволосого грека, Ниса. У этого смуглого маленького человека лицо было совсем молодое, но на нем пролегли уже суровые складки, а в глазах была какая-то неистовая прыть. Его небольшая крепкая фигура была под стать лицу: складная, но верткая, и в ней чувствовалась та же прыть. Он теперь говорил что-то греку, который привел Берка. Грек лежал на земляном полу, и ему, видимо, было нехорошо. Он лежал, неподвижно вытянувшись, смотрел в потолок и молчал.

— Если мы хотим отсюда выбраться, так нечего ждать, — сказал Берк.

— Где были немцы, когда вы уходили из госпиталя? — спросил его Стоун.

— Примерно в миле пути оттуда и поднимались вверх.

— Это когда?

— Сегодня утром. Мы шли весь день.

— Тебе надо одеться по-другому, — сказал ему Стоун. Сам он во время разговора надел шерстяную рубашку с длинными рукавами и поверх нее безрукавку, как носят критяне. Берк разглядел теперь, что на полу лежит не одеяло, как ему показалось раньше, а крестьянская войлочная бурка. Он невольно осмотрелся по сторонам, как бы в поисках подходящей одежды для себя, но увидел только грубо сколоченные деревянные козлы и несколько бурдюков в углу.

— Можно достать ему какую-нибудь одежду? — спросил Стоун Ниса.

— Пусть возьмет бурку, — сказал грек Нис. — Мы уж и так довольно набрали в этой нищей деревне.

Стоун дал Берку зеленую австралийскую рубашку.

— Это хаки, — сказал он, как бы извиняясь.

— Под буркой не видно будет, — сказал Берк.

— Можешь ты сейчас идти? — спросил рыжий великан.

— А куда мы пойдем? — спросил Берк.

— На юг.

— Послушай, — сказал Берк, — я уже пробовал. Гора кишит немцами.

— Мы пойдем по восточному склону, — сказал Стоун.

— А какая разница?

— Нет деревень. Ни одного селения.

— Эта сволочь рыщет повсюду, — сказал Берк.

— Пусть. Но тут торчать тоже смысла нет.

— Конечно, нет, — сказал Берк. — Доктор говорил, что они подвигаются очень быстро. Господи ты боже мой, раз надо, так надо.

— Ты можешь идти сейчас? Куда ты ранен? — спросил его Стоун.

— В зад. Ходить я могу.

— Этот не может идти. У него кровотечение, он совсем плох. — Нис склонился над греком, который лежал на земле без движения, без мысли.

— Нельзя тащить с собой больного, — сказал Стоун.

— Я его устрою тут у кого-нибудь, — сказал Нис. — Он сам из здешних мест.

— Лучше нам дождаться темноты, — сказал Берк Стоуну.

— Нет. Пока мы дойдем куда-нибудь, все равно уже будет темно. Надо выходить сейчас же, — сказал Нис.

У Стоуна в руках была карта Крита. Он развернул ее и показал Крит, дюймов в десять длиной, на синем фоне, изображавшем море. Это была стенная карта издания военного министерства. Она была довольно точна в подробностях, но все же недостаточно подробна и мелка.

— Откуда она у вас? — Берк взял у Стоуна из рук карту и близко поднес ее к глазам.

— В Сфакии этого добра было сколько угодно.

— Куда же вы думаете направиться?

— Вот он говорит, что в бухте Мессара есть деревня, где можно достать лодку. — Стоун указал на Ниса.

— Компас у вас есть?

Стоун покачал головой и пальцем повел вдоль коричневой полоски на карте, изображавшей горный хребет. Палец был слишком толстый для такой маленькой карты, и он убрал его, чтобы лучше видеть.

— А кто же довезет нас на лодке до Египта? — спросил Берк с сомнением. — Ты что-нибудь смыслишь в навигации?

Стоун покачал головой.

— Нис, тот смыслит, — сказал он.

Нис вышел из сарая, что-то сказав лежащему, греку.

— Компас бы нам очень пригодился, — сказал Стоун. — Пожалуй, без него трудно будет добраться до Мессары.

— Где-то в том районе аэродром Тимбаки. Там, вероятно, полным-полно немцев.

— Их всюду полным-полно, — сказал Стоун.

— А как же Мессара?

— Это не в самой Мессаре. Где-то около. Там у Ниса есть какой-то знакомый. Вообще он знает, что делает, ты можешь быть спокоен.

Энгесу Берку нравилась безмятежная рассудительность Стоуна и его юмор, но он понял, что его собственные решения будут иметь вес, только пока они не пойдут в разрез с решениями этого грека. Он сразу представил себе, как все сложится дальше. Выносить решения будет этот грек. Он, Энгес Берк, иногда будет не согласен. Может быть, даже часто. Но это ничего не изменит. Стоун всегда будет согласен, потому что

Нис забрал над ним власть. Этот своевольный грек не будет тратить много слов, но они оба окажутся у него в подчинении. Потому что только он может достать им лодку и вытащить их отсюда. Этот Нис — человек, который научился внешнему спокойствию, но на сердце хранит большую злобу. Мы составляем триумвират с греком Нисом во главе.

— Хорошо. Когда мы выйдем?

— Сейчас. Как только Нис устроит этого раненого.

Стоун стал привязывать мешочек изюму и флягу с питьевой водой к поясу, на котором висел револьвер. Ему пришлось приподнять край своей широкой критской рубахи и придерживать ее подбородком. Покончив с этим, он опустил рубаху.

— Ты тоже возьми мешок и пристрой где-нибудь у себя, — сказал ему Стоун.

Еще было четыре белых — точнее, когда-то белых — мешка с провизией. Берк прикрепил к одному из них веревку и повесил через плечо. Потом Стоун набросил ему на плечи бурку, которая служила им подстилкой. Она была из серого войлока, жесткого и негнущегося. Она доходила Берку до лодыжек, а откинутый капюшон лежал у него на спине.

Нис показался в дверях.

— Сейчас перенесем его в дом, тут неподалеку, — сказал он им.

Он заговорил с раненым греком, и несколько минут они о чем-то спорили. У раненого совсем не гнулась поясница, и когда он попытался сесть, то свалился на бок. Втроем они подняли его за плечи, потом Стоун и Берк сцепили руки так, что получилось сиденье, и грек сел, обхватив их обоих за шею. Так они перенесли его в тот дом, где раньше Берк встретил девушку. Она и сейчас была там. Раненого внесли в комнату с каменным полом, где было темно и пахло чесноком. Потом Стоун и Берк вышли. Нис торопливо поговорил с ним еще о чем-то, потом сказал *адио* и тоже вышел. У дверей он заговорил с девушкой, указывая головой туда, где лежал раненый грек. Потом он и ей сказал *адио*, нагнал Стоуна и Берка, и они все трое вернулись в сарай.

— Как вы попали в Минойский колодец? — спросил Нис Берка дорогой.

— Я пробирался на юг и наскочил на немцев. А откуда вы знаете?

— Кто же не знает, — сказал грек. — Сюда приходил тот, который потом привел вас.

— А что с ним такое?

— Мул лягнул его в поясницу.

— Значит, доктор от него узнал про Стоуна?

— Не знаю, — сказал грек. — Но, вероятно, так.

— Доктор сказал, что они меняют место.

— Знаю.

Они подошли к сараю и подождали, пока Нис привязывал к поясу остальные два мешка, потом еще раз внимательно осмотрелись кругом.

И вышли в виноградник и, миновав козлы для просушки, стали спускаться по крутому склону, в сторону от скрытой в тумане Иды.

Уже стемнело, и дул резкий белесый ветер. Нис шел впереди. За ним Стоун. А

последним — Берк, задевая полами длинной бурки за выступы известняковых скал Юктас.

Всю ночь они шли наугад, не зная точно, где находятся. Старались только не терять общего направления на восток. Но самым важным было спуститься к подножию Юктас. Они много раз начинали спускаться, но всегда доходили до такого места, где склон обрывался отвесной кручей и дальше идти нельзя было. Они подходили к самому краю обрыва, а потом опять должны были подниматься или же идти дальше поперек склона. Луна не взошла, и в темноте еще труднее было находить путь. А этот склон Юктас был особенно крутым.

За ночь они не далеко успели уйти. А когда рассвело, внизу вдруг открылась перед ними дорога, к несказанному удивлению всех, кроме Ниса, который присел на камень, пожевал немного изюму и затем улегся спать. Дорога проходила много ниже, и потому Стоун и Энгес Берк тоже решили поспать. Они спали до пяти часов. Больше спать нельзя было.

Укрывшись в развалинах какого-то циклопического строения, они смотрели вниз, на дорогу. Берк видел, как по ней густым потоком шли грузовые машины.

С плоской скалы, на которой они находились, хорошо видна была длинная вереница машин на дороге. Это было шоссе, перерезавшее остров с юга на север. Больше всего шло американских шевроле, но попадались и форды. Все это были машины, оставленные новозеландцами. Теперь они находились в расположении частей немецкой 92-й дивизии и 11-го парашютно-егерского полка. Это были те части, которые осуществили первоначальный захват аэродрома Тимбаки и всей Мессарской равнины. Сейчас они направлялись через Кандию в Ретимо. А оттуда — под Смоленск.

Чутьем человека, побывавшего в кровавой схватке, Берк угадывал значительность происходившего передвижения, но не мог знать о нападении на Россию.

— Что-то там готовится, — сказал он остальным, которые все еще дремали.

Стоун, лежа за выступом скалы, мог только слышать вой и дребезжанье проезжающих машин и по звуку определить, когда они идут с перерывами и когда сплошным потоком.

— Хотел бы я знать, как дела на войне, — сказал он.

— Меня гораздо больше занимает, как бы нам заполучить лодку. — Берк повернулся лицом к Нису. — Почему мы идем именно в Мессарскую бухту? — спросил он.

— Там много укромных мест на берегу. И в одной деревне у меня есть знакомый человек. — Нис лежал на спине и разговаривал неторопливо.

— А по каким приборам вы будете ориентироваться в море?

Предполагалось, что если вы о чем-нибудь разговариваете с греком, то окончательные суждения выносите вы и выводы делаете тоже вы. И что для грека такая постановка есть нечто само собой разумеющееся. Но для этого грека вообще не существовало ничего само собой разумеющегося. У него была своя манера разговора — не греческая, и вообще неизвестно какая. Ее нельзя было назвать ни вежливой, ни бесцеремонной, ни уклончивой. Скорее — напористой. Но во всяком случае

окончательные суждения выносил он, и он же диктовал выводы.

— Я никаких приборов не знаю. Я знаю только тела, — сказал Нис.

— Какие такие тела?

— Те, что делают ночь и день. — Нис говорил о небесных телах.

— И вы по ним доберетесь до места? В Египет? Или еще куда-нибудь?

— В Египет или на Кипр. Ветер сейчас такой, что лучше в Египет.

— Вы служили на флоте? — спросил его Берк.

Энгесу Берку хотелось узнать побольше об этом своевольном греке, в разговоре с которым всегда нужно было быть начеку. Который умел молчать и копить злобу и казался старше своих лет.

Нис покачал головой.

— Я был каичником, — сказал он и ограничился этим.

— Вы уже ходили под парусами в Египет?

— Сто раз.

— Из какой части Крита вы родом? — спросил его Берк.

— Я не критянин. Я из семьи патрасских каичников. Мы возили из Патраса бочки с вином, иногда в Афины, иногда даже в Салоники. А зимой ходили на Кипр и в Александрию.

Лежа и греясь на солнце, легко было разговаривать.

— Всегда находится грек, который говорит по-английски, — сказал Берк.

— Мой отец не умел ни читать, ни писать, и он участвовал в восстании против Метаксаса. Он хотел, чтобы я научился читать и писать. Когда он бывал на Кипре, он часто оставлял меня в греческих школах, где учили священники. Там я и научился английскому языку — Кипр ведь принадлежит англичанам. И религии меня там тоже учили. Потом отец приезжал, брал меня с собой на каик и вышибал всю религию у меня из головы. Он даже в этих делах был мятежником.

Когда Нис стал рассказывать о себе, он заговорил, как истый грек. Он повел рассказ складно и обстоятельно, без особых прикрас, но в эпической форме, как Лев Толстой. Именно так всегда говорят греки, когда рассказывают о себе, и это есть знак дружбы и уважения к вам. И этот грек со злобой на сердце и с неистовой прытью в глазах тоже начал так.

— Когда Метаксас пришел к власти, отец решил, что настало время действовать. Мне тоже каралось так. Мы в ту пору возили гравий в Египет. А оттуда брали груз хлопка и шли с ним дальше, через канал и по Красному морю, иногда до самого Кувейта. Самые лучшие арабские каики строят в Кувейте. Но мы там добывали оружие — арабы получали его от немцев. А доставалось оно нам и шло на борьбу против метаксистов.

— Как же вам удавалось провозить оружие через Суэц? — Берк привстал и заглянул вниз на шоссе, потом снова лег и стал слушать.

— Мы везли его в железных баках с бензином прямо через канал. И доставляли жителям Пинда, которые готовили восстание против метаксистов.

— Просто чудо, как это вам удавалось, — лениво сказал Стоун.

— Метаксисты узнали про это и поймали нас как-то ночью, близ Мирабеллы. За

нами погнались моторные шлюпки с броненосца. Фашисты нашли бензин и вылили его в море. Оружие они тоже нашли, но отец пришел в бешенство не из-за оружия, а из-за бензина. Он ругал их всеми словами, какими ругают фашистов, и всячески поносил Метаксаса. Потом двоих сбросил в воду. Тогда они пустили в ход прожектор и пулеметы, а нас взяли в плен. Моего отца и меня и еще пятерых. Больше я никого из них не видал.

— И что же с вами сделали?

— Меня отвезли в Лариссу и посадили в крепость. Я пробыл там три года.

— Вам удалось бежать?

— Когда началась война с итальянцами, меня мобилизовали в армию. Они решили, что теперь я примирюсь с Метаксасом, но это невозможно. Что случилось с отцом, не знаю. Вероятно, его расстреляли.

Он замолчал. Стоун сказал ему:

— Почему вы так думаете?

— Они расстреливали всех, кто был уличен в подготовке восстания.

— Почему же вас не расстреляли?

— Не знаю. Может быть, решили, что я слишком молод и что это отец втянул меня. Я рад, что с метаксистами покончено, — сказал он немного спустя совсем просто.

— Ничего, вот придете в Каир, они вас там дожидаются, — сказал Берк.

— Не думаю. Большинство осталось здесь любезничать с итальянцами и немцами.

— Что ж, увидите, — сказал Стоун, вставая.

— А мне это все равно, — сказал грек. Он в упор смотрел на Берка. — Теперь не о том надо думать. Нет смысла воевать с метаксистами, когда есть железноголовые. Железноголовые — вот главный враг.

Он встал и посмотрел вниз на шоссе, где последние грузовики скрывались за поворотом на Кастелли. Внизу, освещенная солнцем, расстилалась на просторе долина, и тени раскидистых зеленых платанов ложились на землю, белую от залежей триасовых известняков, дававших силу виноградным лозам.

— Надо идти, — сказал грек.

— Вниз?

— Да.

— Ну, идти так идти, — сказал Берк. Он встал, неловко опираясь на ногу. — Вей, ветер, вей, — сказал он и следом за остальными начал спуск в долину.

С немцами они столкнулись, когда шли через Омфалийскую долину. За ночь они прошли ее почти всю, никого не встретив, хотя все время слышали, как маршируют войска по дороге. Под утро они снова начали подниматься, держа направление на юг. Они шли через сырую еще оливковую рощу. Неширокий овраг делил рощу надвое, и по мягкому, рыхлому дну его проходила грунтовая дорога. К этой дороге они и шли, спускаясь по откосу, когда забрезжило утро. Было еще прохладно, и с мелких листьев капала роса. Два пастушонка, стерегшие стадо мохнатых коричневых коз, дружелюбно откликнулись на их приветствие. И тогда они вдруг увидели немцев. Пятеро шли по грунтовой дороге, в железных касках, еще влажных от утренней росы.

— Бежим, — шепотом сказал Стоун.

— Стой. — Нис в такие минуты становился грозен.

— Они нас видят, — сказал Стоун.

— Стой.

Берку говорить не нужно было. И они остановились.

Патруль приближался, глядя вверх на троих критян, которые стояли на опушке оливковой рощи и с любопытством разглядывали их. Трое критян замерли в напряжении, и вид у них был довольно глупый. Они разглядывали влажные каски железноголовые: к одной пристал комочек красной кастеллийской земли. Они ждали, пока немцы поравняются с ними и пройдут дальше. Немцы подходили тяжелым, заплетающимся шагом людей тупых и равнодушных. Сапоги у них тоже были облеплены красной мокрой землей.

Они прошли мимо, равнодушно скользнув взглядом по тем троицам на откосе.

И тогда эти трое снова пустились в путь через Кастелли. Они шли оливковыми рощами, тянувшими соки из плодородной почвы долины. Они пробирались по узким тропам и часто днем проходили мимо белых домиков селений, но старались держаться от них подальше, как и от встречных критян, с мулами на поводу шедших к оливковым рощам. И Берк все чаще и чаще чувствовал пульсирующую боль в ноге.

Они шли двое суток, днем и ночью, следуя за своевольным греком, который рисковал там, где, казалось, и рисковать было бесполезно. Они прятались в сумраке предгорий и ни разу больше не встретили немцев, хотя издали видали их часто.

Они шли на юг.

Потом они вдруг очутились на перевале. Тихий ветер обвевал их, донося пряный запах снизу, из мандариновых рот.

А потом море. Густой запах моря, насыщенный испарениями вековых пластов. Железо было в этом запахе, разносившемся далеко по горам.

Нис вел их теперь по определенному направлению. Он шел в обход, минуя деревни, вытянувшиеся вдоль узкой прибрежной полосы. К ночи, когда уже стемнело, они свернули на запад и шли опять без дорог и тропок, по холмам, сбегавшим к самому морю.

У подножия одного холма, в ярком свете луны, они увидели крохотную деревушку. Она ютилась в глубине длинного узкого заливчика, напоминавшего снимки норвежских фиордов. За ней темнела расщелина, уходившая далеко в горы. Ее ясно можно было различить отсюда, сверху.

— Пришли, — сказал им Нис. Он сказал это тоном человека мало заинтересованного.

— Я голоден как собака, — сказал Берк.

— Здесь вам дадут поесть, — сказал Нис.

— А вы уверены, что мы найдем вашего знакомого? — Стоун говорил совершенно безмятежно. Было что-то афинское в неторопливом взгляде этого человека. Как и в его рыжей бороде, которая щетинилась тоже как-то безмятежно.

— Если он жив, он здесь, — сказал Нис.

— А если нет?

— Мы сначала узнаем.

— Кто он такой? Каичник? — Берк нарочно повторил его слово.

— Нет. Рыбак, только ловит рыбу по-особому. У него одной руки нет.

Спотыкаясь на песчаном склоне, они спустились к деревне. Это было просто десятка полтора домов, вытянутых в один ряд. Они стояли у дороги, бело-голубой от выстилавшего ее камня вулканической породы. Противоположный крап дороги был извилистый, неровный и обрывался прямо в море. Узкий залив впереди расширялся, переходя в Мессарскую бухту. Оба берега были гористые и сходились у отрогов главной гряды в глубине, где видна была мертвая, наполовину пересохшая речка.

— Не помню только, который его дом, — сказал Нис, когда они подходили к первой хижине.

— Вы думаете, здесь могут быть немцы? — спросил Стоун.

— Обязательно, — ответил Берк с насмешкой.

Нис толкнул жиденькую, косо навешенную дверь. Стучать он не стал. Он просто толкнул дверь, и они все вошли в низкую комнату с голыми стенами. В полутьме ничего почти не было видно, но Нис повернулся и вышел.

— Кажется, не здесь, — сказал он.

Он, не торопясь, вышел на середину дороги и внимательно пригляделся к соседнему дому, потом так же внимательно посмотрел на окно с закрытыми ставнями. Дома все лепились один к другому, только двери указывали на границы между ними.

— Посмотрим здесь, — сказал Нис. Он не стал стучать, а сразу решительно вошел. Он пригнулся, чтобы лучше оглядеть комнату в темноте. В ней были такие же голые стены и пахло как-то странно, не то дохлой рыбой, не то краской.

— Здесь, — сказал он и затворил дверь. Берк и Стоун уже стояли рядом с ним.

Потом Нис окликнул:

— Спада. — И легонько постучался в дверь где-то в глубине. И еще раз: — Спада.

— Он подождал немного. — Спада, — крикнул он уже сердито и прибавил по-гречески: — Что, у тебя уши губкой заткнуты?

— Может быть, он и в самом деле умер, — сказал ему Берк.

— Вы уверены, что это его дом?

Тут они услышали торопливый говор в соседней комнате.

— Ну, теперь держись, — сказал Стоун.

— Э па, — сказал кто-то. Потом, по-гречески же: — Назовись, кто там.

— Это я, Нис. Выходи, Спада.

— А кто там?

— Нис, сын Галланоса. Выходи, Спада.

Где-то в пустоте открылась дверь, потом чиркнула спичка, и длинный язычок огня поплыл к висящему фонарю, который вдруг вспыхнул и осветил комнату. И Берк и Стоун сразу невольно глянули на руки человека, державшего спичку. Они увидели, что одной руки нет, но боялись поверить этому. Человек стоял перед ними в длинных шерстяных подштанниках, висящих мешком, и грубой холщовой рубаше. Фонарь освещал одну руку и обрубок другой.

— Я Нис, — нетерпеливо повторил грек. — Сын Галланоса.

— Молодой орел. — До Спада дошло наконец. — Не ждал я. — И он засмеялся от удовольствия.

Он расцеловал Ниса. У этого человека были каштановые волосы и борода, вишнево-смуглое лицо, веселое и все в морщинках, и металлический взгляд.

— Слава тебе, господи, — сказал Берк, глядя на эти поцелуи.

Стоун сел на деревянную скамью и перевел дух.

Посыпалась быстрая греческая речь. Сначала один говорил, потом другой. Говорили они об отце Ниса. Он, Спада, знал, что когда их схватили, то его взяли на броненосец, что было нешуточным делом. Ну, а после? Ничего, сказал ему Нис. Он сам ничего не знает. Потом про тюрьму, и про мобилизацию, и про то, что он еще ждет, но почти не надеется, потому что скорее всего отца расстреляли.

— А теперь? — спросил его Спада.

— Бегу от железноголовых. Вот эти двое — *австралос*. — Нис указал на них, и они оба встали. Спада протянул им руку, и они пожали ее неловко, потому что рука была левая.

— Присядьте, — вежливо сказал он им.

Нис перевел его приглашение, и Берк и Стоун снова если и приготовились ждать.

— Нам нужна лодка, — вежливо сказал ему Нис.

— Куда вам ехать?

— Ветер дует на Египет.

— Ты не вернешься? — Спада откинул со лба свои бронзовые волосы.

— Нет, пока все здесь не будет опять наше.

— Но у меня одна только лодка, а я теперь женат.

— Женат?

— Да.

И он оглянулся и позвал. Он позвал ее по имени:

— Смаро.

Она не откликнулась. Она тотчас же вышла к ним, Яблочко-скороспелка. Все трое смотрели на эту семнадцатилетнюю критянку, жену старого Спада. Крепкий старик Спада. Нис быстро по-английски пояснил, что это Смаро — жена Спада.

Энгес Берк оглядел ее по-мужски, потому что это была женщина, в которой чувствовались удовлетворенность и успокоенность. Старый Спада — хороший мужчина для этого яблочка-скороспелки, думал Берк. Стоун отметил про себя смугло-розовое лицо и кожу, даже при слабом свете фонаря похожую на тонкую апельсиновую корочку. И сосредоточенное лицо. Не от мыслей сосредоточенное, а от суровой жизни.

Обменялись церемонными приветствиями. Она куталась в тяжелую войлочную бурку. Спада вслед ей собратъ поестъ.

— Ты опять бьешь рыбу динамитом? — спросил Нис.

— Как всегда. Но придется перестать, потому что эта женщина боится, как бы я не лишился и другой руки, если меня накроют. — Он весело рассмеялся.

— Есть тут еще лодки?

— Семь на всю деревню.

— Может быть, мне попросить лодку у кого-нибудь другого?

Спада поспешно замотал своей каштановой гривой.

— Лодка нас кормит. Это хлеб наш. Без лодки нельзя никому.

— Нам очень нужно, — негромко сказал Нис.

— Зачем тебе ехать? — сказал Спада. — Оставайся здесь.

Нис медленно покачал головой.

— В Египте и в других местах еще идет война.

— Война? Она и здесь идет еще.

— Да. Но это не настоящая война. У англичан армия.

— Все равно тебе еще придется драться здесь.

— Да. Но сейчас нужно собрать все силы против: железноголовых, потому что их трудней одолеть. Они ведь заодно теперь — и железноголовые и метаксисты.

— Ты твердо решил ехать?

— Да. — Нис не медлил с ответом.

— Тогда бери мою лодку.

— Нет. — Нис вдруг почувствовал усталость, но, соблюдая приличия, поспешил отказаться.

— Возьмешь мою, — повторил Спада.

— Я могу взять у кого-нибудь еще.

— Нет.

— У тебя жена. — Нис не спорил. Он только соблюдал приличия.

— Она молодая. Пока у меня ноги целы, я могу работать с динамитом.

— Я глубоко благодарен тебе. Прими мою дружбу.

— От души принимаю. — Это была вежливость самого высокого порядка.

— Есть тут у вас железноголовые? — спросил Нис про немцев.

— Не много, у каменного моста. Там ведь и дорога проходит. На прошлой неделе кто-то разложил большой костер в горах, над самой деревней. Тогда и пришли железноголовые. Все молодые совята. По очереди стерегут лодки. Сейчас я пойду взгляну, есть ли кто на мосту, откуда они следят за лодками. Нам только днем разрешается выходить в море.

Он прошел в соседнюю комнату. Скороспелка положила на середину некрашеного дощатого стола большую вяленую рыбу, рядом поставила тарелку с тертым чесноком и плоску с солью. Спада на пороге повернулся и пригласил их поесть, указывая на стол.

— Ну как, будет лодка? — спросили они Ниса.

— Когда мы выедем? — спросил Берк.

— Надо затемно, — сказал Стоун.

Нис рассказал им про немцев на мосту и про то, что Спада пойдет посмотреть, там ли они и можно ли вывести лодку.

— Нам нужно воды и какой-нибудь провизии на дорогу.

— Вы не представляете, какие это бедные люди. Мы и так берем то, чем они живут. Я больше не могу просить.

— Нужно хотя бы воды, — сказал Стоун.

Нис позабыл даже свою усталость. Все заслонил вопрос о праве на эту просьбу к Спада. Он, Спада, дает им свою лодку. Эти *австралос* не понимают. Они не представляют себе. Я больше не могу просить. Но и без этого нельзя.

Тут вошел Спада, уже одетый. Он сам знал.

— Вам надо пищи на дорогу. Я вам дам бурдюк для воды. Без лодки он мне не понадобится.

— Ты и так дал нам слишком много.

— Одно без другого не идет, — сказал Спада. — Вода вам нужна. Я скажу Смаро, чтоб она наполнила бурдюк и дала вам вяленой рыбы. — Он повторил это Смаро. Потом он вышел.

— Вот мы и с провизией, — сказал им Нис иронически.

— Послушайте, — сказал Стоун, — вы поблагодарите этого человека от нас. Крепко поблагодарите. Нам самим не суметь.

— Я уже поблагодарил.

— Нет, от нас поблагодарите, — настаивал Стоун.

Нис ничего не ответил. Он сидел на трехногом табурете, отламывал куски вяленой рыбы, макал в соль, потом в чеснок и ел. Энгес Берк тоже принялся за еду; и Стоун присоединился к ним, повторяя за Нисом всю процедуру — рыба, соль, чеснок.

Скороспелка стояла рядом, потирая ногу об ногу, и молча смотрела, как они едят. От этого возникало чувство неловкости, и, чтобы рассеять его, Берк спросил Ниса, каким образом Спада лишился руки.

Он ловил рыбу с динамитом. Тут важно не передержать запал в руке дольше положенного. Он передержал, и ему оторвало руку. Когда динамит взрывается в воде, рыба погибает. Поэтому это запрещено законом.

— Как же он теперь?

— А так, одной рукой. У них считается, что, пока не оторвет обе ноги, можно работать.

Скороспелка тем временем пошла за водой. Она достала свиной бурдюк, похожий на мех греческой волынки, и наполнила его водой. Воду она лила из деревянного ведра через отверстие в одной из ног, пока бурдюк не стал тугим и круглым. Потом она сняла шесть вяленых рыбин, из тех, что висели на железных крюках в широком дымоходе, сложила их, умяв поплотнее руками и ногами, и перевязала толстой бечевкой из мотка, висевшего у нее на поясе. Тут вернулся Спада.

— На мосту один железноголовый. Больше не видно, — сказал он Нису.

— Где лодка?

— За мостом, на речке.

— Он нас увидит с моста?

— Да. Это опасно.

— Как сделать, чтоб он не увидел?

— Никак нельзя. Там узко и мелко. Мост каменный, двухпролетный. Пройти надо под той аркой, которая выше. Придется тащить лодку по илу, но это ничего, она плоскодонная, пройдет.

— Как паруса?

— Ничего, крепкие. Сам увидишь. Ставь паруса постепенно, не гонись сразу за скоростью. Сейчас как раз время северо-западных ветров, так что надо быть осторожным. Вы готовы?

— Да. *Австралос* просят, чтобы я поблагодарил тебя.

— Они, должно быть, храбрые солдаты?

— Да. Очень.

— Так я дарю им лодку за храбрость в боях, которые им предстоят.

— Я им скажу. Передай благодарность и твоей жене Смаро.

— Принимаю от души, — сказала она. Это были первые слова, которые она произнесла, и они были сказаны уверенно и твердо. — Я приготовила вам воды и рыбы на дорогу.

— Я помогу вывести лодку, — сказал Спада.

Нис снова церемонно отказался, но он знал, что без помощи Спада ему не вывести лодку из мелководья в открытое море.

— Ветер сейчас с берега, — сказал Спада. — Идти будет легко.

Покончив со всеми церемониями, они вышли из дома. Нис тотчас же наклонил голову набок, проверяя направление ветра. Берк нес бурдюк, с которого капала вода. Стоун держал связку вяленой рыбы: Нис еще раз напомнил им о немецком часовом, когда они тихо двинулись вперед по выстланной синеватым камнем приморской дороге.

Дойдя до речки, они свернули с дороги и пошли по самому берегу, крутому и довольно высокому. Впереди темнели очертания двухпролетного каменного моста, под которым мирно плескалась вода.

Спада провел их через речку вброд, к мягкой песчаной отмели на другой стороне. Тихо, пригнувшись в тени высокого берега, они подходили к мосту. Немца часового не

было видно. Мягкий ил глушил шаги, и слышно было только хлюпанье по грязи, но и это казалось слишком громким. Не дыша, они скользнули под высокую арку. Они ждали какого-нибудь звука, который выдаст присутствие немца. Но ничего не было слышно.

За самым мостом отходила в сторону косая отмель, и на ней маячили тени лодок. Это и были все семь парусников деревни. Опять пришлось идти по воде, проклиная плеск шагов. Берк все время оглядывался на мост в ожидании, что вот-вот немец их услышит. Великан Стоун шел впереди, тяжело передвигая ноги. Берк посоветовал ему быть поосторожнее.

Наконец они дошли до лодок и легли плашмя на песок. Слышно было только, как хлопает где-то о мачту незакрепленная снасть и треплется паруса на ветру. Они подползли к лодке, которую Спада им указал, и бросили в нее рыбу и бурдюк с водой. Берк снял бурку и передал Спада, который и ее тоже бросил в лодку.

— Потише, — сказал Стоун, когда они навалились, чтобы столкнуть лодку.

У нее была одна, довольно высокая, мачта. Корпус имел футов восемнадцать в длину, с широкой кормой и тупым носом. Посредине дна был укреплен продольный железный лист, который служил в качестве выдвижного кия. Борта были плоские и дно тоже. Лодка легко соскользнула с песка на мелководье. Но гибкая мачта затряслась, и снасти заскрипели.

— Тише, ради бога, — шепотом сказал Стоун.

На воде лодка выровнялась и лишь слегка покачивалась с боку на бок. Они тихо повели ее к мосту, подталкивая руками. Они ступали в воде, не поднимая ног. Они подвели лодку к другому берегу и стали втаскивать на илистую отмель, чтобы протолкнуть под высокую арку моста. Это было трудно, потому что ил был вязкий. Лодка подвигалась толчками, и выходило очень шумно.

Энгес Берк знал с самого начала, что шуму слишком много. Стоун тоже знал и ждал. Но все-таки вышло оно как-то внезапно.

Часового на мосту не заметил никто. Только услышали вдруг окрик по-немецки. Когда раздался голос, все замерли на месте. Потом посмотрели вверх и тогда увидели его у перил моста, прямо над ними — смутный, но легко различимый силуэт. Наступила минута тишины; часовой, видимо, решал, что предпринять.

Он постоял неподвижно, потом вдруг повернулся и побежал.

— Пошел за подмогой, — сказал Спада со злостью.

— За подмогой, — перевел Нис его слова.

— Только не стрелять, — внушительно сказал Берк Стоуну. У Стоуна был смит-вессон. Но выстрелить сейчас — это значило поднять на ноги весь лагерь железноголовых.

Стоун уже карабкался по береговому откосу вверх, вдогонку за немцем. Берк бросился за ним.

— Бегом, — закричал Берк Стоуну. — Лови его. Бегом.

Нис взбирался за ними, прыгая по кручам, дошедшим до уровня моста. Стоун и Берк очутились наверху одновременно. Они перевели дух и пустились бежать по каменистой дороге. Немца не было видно, но они слышали, как он спускается вниз по

крутому берегу за мостом. Берк повернул наперерез, через высокий песчаный нанос. Он скатился вслед за немцем напрямиком вниз. Стоун, Нис и Спада догоняли в обход.

Берк слышал немца впереди себя и слышал остальных сзади. Он увидел крутой обрыв и дальше — пологий склон. Он съехал с обрыва на зад, обдирая кожу о камни сквозь штаны и повязку. Потом упал, и сила инерции увлекла его дальше, до самой воды. Он сразу увидел, что очутился опять там, где стояли лодки. Немец впереди бежал, не останавливаясь, вдоль берега. Берк вскочил и бросился по песку за ним, не видя его, но слыша.

Потом он вдруг увидел немца. Тот бежал по самому берегу. Отвесные склоны отбрасывали тень, и было так, словно гонишься за кем-то по длинному туннелю, конца которому не видать. Он бежал во весь дух по вязкому песку, длинными прыжками, из-за ноги. Он ждал, когда немец закричит.

Берк отрывисто думал: он бежит не зря. Надо скорей нагнать его. И чего он вдруг побежал? Шум какой. Я уже больше не могу. Теперь он бежит по камням, звук, как от копыт по мостовой. Скорость звука семьсот тридцать пять миль в час. Мне бы сейчас эту скорость, я бы ему показал, сукиному сыну.

Опять пошли камни под ногами. Толчки резко отдавались в больной ноге; Но Берк не чувствовал этого. Он бежал теперь по осыпи, которую немец уже миновал. Скорее. Он носками отталкивался от камней. У него стучало в висках, в ушах, повсюду. Остальные трое карабкались по скалам позади. Берк приложил руку к боку, как мальчишка, у которого закололо в боку от беготни. Он нащупал тяжелый пояс. Он дернул пряжку, и пояс соскользнул, звякнув о камень. Немец теперь был уже недалеко, и можно было разглядеть его винтовку, и саперную лопатку, перекинутую за спину, и круглый противогаз. Он снова полез вверх по суживающемуся склону.

Когда немец полез вверх, Берк подумал, что это конец. Он нагнулся на бегу, схватил большой плоский камень и швырнул его вдогонку немцу. Камень исчез из виду. Он был плоский и полетел, описывая дугу.

— А, сволочь, — закричал Берк.

Дыхания не хватало, виски были готовы лопнуть, но он бросал свое небольшое тело вперед, всей его поверхностью преодолевая сопротивление воздуха. Он пригнулся и побежал по-спринтерски. Камни кончились, и под ногами опять был песок.

Он рванулся вверх по склону, чувствуя, как бьется в висках кровь, нагнетаемая насосом изнутри. Мышцы его коротких, толстых ног работали, как поршни; руки были точно пропеллер, наклон лопастей которого сообщал ему скорость, как в крыльях Лилиенталя, или Мульера, или в воздушном винте Де-Хевиленда.

От немца его отделяло теперь ярдов пятнадцать, не больше. Он бежал на носках, наклонившись вперед, чтобы легче было брать подъем. Немец пытался что-то кричать, но он тоже задохнулся, и голоса у него не хватало. Берк слышал громкое дыхание немца сквозь шум осыпающейся сверху земли и топот бегущих сзади.

Сейчас — или все пропало. Не останавливаться, не останавливаться, пока не доберусь до него. Еще усилие. Еще напряжение, последнее. Лопнут виски. Еще.

Он поднял голову. Все те же пятнадцать ярдов до немца, бегущего вверх. И тут вдруг сознание у него помутилось. Он завыл, белые слезы бешенства хлынули из его

глаз. Он стал громко ругаться, но слова не выходили. Он с остервенением рвался вверх, забыв о том, что должны делать его ноги, перестав ощущать их отдельно от насоса, работающего внутри. Все это было теперь одно с силой света, с высотой звука, с энергией распада электронов. Он цеплялся руками за траву, за камни, за кусты. Ноги, отталкивались, взрывали землю.

Он совершил это усилие.

Показалась вершина склона, вырезанная на темном небе ломаной линией кустов.

Немец, увидев вершину, передохнул на кратчайшую долю секунды. Берк не видел ничего. Слепое безумие владело им. Он рвался вверх, забыв даже о своей цели. Не сознавал ничего, пока не очутился совсем близко, почти на одной высоте с немцем. Он увидел саперную лопатку, массивную каску, прикрывавшую сзади шею. Характерные очертания всей фигуры.

Не переводя дух, он прыгнул на немца. Он почувствовал, как его руки, неловко соскользнув, обхватили чужое плечо. Он ощутил горячую потную шею под съехавшей каской. Тогда всей силой, которую он еще мог собрать воедино, он рванул.

Немец потерял равновесие и упал на него. Они покатались вниз по песчаному склону, поочередно вываливаясь в песке.

Берк больше не мог ничего. Сил не осталось. Они были израсходованы целиком.

Теперь и немец дошел до той точки, когда отчаянное усилие сводит с ума. Рука Берка все еще сдавливала его шею. Немец слышал, что остальные уже близко. Он стал брыкаться своими тяжелыми сапогами. Он брыкался исступленно, злобно, в то же время стараясь кулаком ударить Берка по лицу.

Берк почти не чувствовал этого. Он был так занят своим дыханием, что не ощущал ни пинков, ни ударов кулака. Он сжимал шею немца почти машинально.

Мучительный труд дыхания был сейчас самым главным для него.

И тут на них упал Стоун. Навалился сверху всей своей тяжестью. Немец бил ногами и извивался всем телом в отчаянном напряжении. Он был как заяц в тенетах, как лиса в капкане, когда смерть уже рядом. Когда Стоун упал на них, Берк пнул немца ногой в живот и пополз в сторону, но, отползая, еще ударил его каблуком по голове. Нис схватился за саперную лопатку. Немец теперь громко выл.

Нис размахнулся и ребром лопатки ударил немца. Потом отскочил, чтобы брызнувшая кровь не попала на него.

Железнодорожный все так же неподатливо выгибался в руках Стоуна, но он был уже мертв. Нервный рефлекс не давал его телу обмякнуть. Стоун с отвращением поспешил выпустить его. Все было кончено. Осталось только утомление, и оно то нарастало, то спадало волной. Берк, обессиленный, лежал на земле, чувствуя запах крови, которую жадно всасывал белый песок. Он старался дышать глубоко и ровно, при каждом вдохе наслаждался покоем после предельного истощения сил.

— Идем, — сказал Стоун.

Берк поднялся, обливаясь соленым потом. Его била дрожь. Он сделал два шага, стараясь ступать потверже, и упал. Стоун помог ему встать и затем вместе с Нисом поволок его вниз по склону, скользя и падая. Спада ждал внизу. Он оказался слишком стар для этого подъема.

— Ты его убил? — спросил он Ниса.

— Да. Не надо было. Теперь всем вам придется плохо.

Спада ничего не ответил.

— Его скоро хватятся, — сказал Стоун. — Нам надо спешить.

Берк решил, что, верно, от истощения сил у него туманятся мысли. Он мог думать только об этих чудовищных вдохах и выдохах, все еще сотрясавших его тело. Ему помогли перейти речку. Потом через осыпь, где он тогда достиг скорости звука, они добрались до моста. Его втащили в лодку, и он упал ничком на дно, думая только о своем дыхании. Он лежал и дышал, дышал, дышал.

— Будут искать виноватого, — сказал Нис Стоуну.

— Я знаю, — сказал Стоун. — Мы возьмем рубашку Энгеса и бросим ее на мосту.

Стоун перевернул Берка на спину и стянул с него зеленую австралийскую рубашку, которую сам ему дал. Он прикрыл его буркой. Потом снес рубашку на мост и кинул на парапет. Нис объяснил Спада, в чем дело. Это была примитивная хитрость, но нужно было показать, что часового убили австралийцы, а не жители деревни.

Потом они вброд дошли до того места, где речка расширялась, впадая в бухту. Когда воды стало по пояс, Стоун и Нис влезли в лодку.

— Сидит глубоко, можно опускать киль, — сказал Спада.

Он придерживал лодку на воде, покуда Нис отвязывал веревку грота и выдвигал киль. Парус, вырвавшись, свободно хлопал по ветру.

— Адио, — сказал им Спада.

— Адио, Спада. Пусть все у тебя будет хорошо.

— Принимаю твою дружбу, молодой орел.

— Адио.

— Поблагодарите его, — сказал Стоун.

— Это ни к чему, — сказал Нис.

Спада уперся в корму и с силой оттолкнул лодку. Нис взялся за шкот и сказал Стоуну, как обтянуть ванты у мачты. Быстро и неуклюже пополз кверху гафель с характерным скрипом трущихся веревок. Парус наполнился ветром, лодка дрогнула и выровнялась. Берк заснул, лежа на дне лодки и все так же глубоко и шумно дыша.

Лодка, постепенно удаляясь от берега, шла полным ходом к Мессарской бухте.

Первое, что почувствовал Энгес Берк, было легкое подрагивание лодки на мелкой волне, которую ветер гнал по бухте. Брызги соленой воды летели ему в лицо. Солнце припекало сухими от соли лучами. В эту же минуту он увидел Ниса. Правильно, подумал он сразу, такой человек, как этот грек, больше всего к месту здесь сейчас. Именно такой, спокойный, уверенный в себе, и должен сидеть тут вот так, сосредоточенно наморщив лоб. Я пасую перед этим человеком, потому что он уверен в том, что делает, как и Стоун. А я нет. Но будь я проклят, если когда-нибудь выдам им это.

— Далеко мы ушли? — спросил он, приподнимаясь.

— Не знаю, — сказал Стоун. Потом: — Не тошнит тебя?

— С какой стати меня будет тошнить?

— Если б все раненые так бегали, как вы, — сказал Нис.

— Хорошо сошло?

— Более или менее, — сказал Стоун.

Теперь только Берк заметил большой, похожий на крыло парус, надутый ветром. Увидел и маленькие паруса впереди, и толстую веревку, которую натягивал Стоун, и румпель в руках у Ниса. Он сел и почувствовал уже отчетливо и влажность воздуха и легкую качку. Лодка, выкрашенная в черное, довольно устойчиво держалась на воде. С левого борта была полоска земли, постепенно убегавшая из виду.

— Что за земля?

— Она загораживает нам восточный ветер, — пояснил Нис. — Вот как выйдем из Мессары, ветер будет попутный до самого Египта.

— И сколько мы будем в пути?

— Надо пройти сотню километров. Дня два.

Берк, сидя на средней банке, следил за ходом лодки, дивясь той уверенности, с которой Нис ведет ее. Ветер хорошо надувал парус.

Сооружение, простое и удобное, напоминало формой крыло чайки. Грот был подвязан к гафелю на высоте не более двенадцати футов. Гафель слегка выдавался вперед, по направлению к носу, с наклоном, почти параллельным мачте. Парус был бермудского типа, только гик гораздо длиннее. Кроме грота, было еще два кливера на бушприте.

Нис увидел, что Берк разглядывает все это.

— Вы в парусах что-нибудь понимаете? — спросил он.

— Ровно ничего, — ответил Берк. Единственное, что он знал, это что шкотом называется веревка, служащая для управления парусом.

— Придется вам разобраться немного.

Все время им приходилось принаравливать к ветру, налетающему то с севера, то с востока. А иногда и с юго-востока. Лодка легко шла вперед при любом направлении ветра.

Нис то и дело оглядывался на Иду, каменную вершину которой обволакивала белая

дымка. Там, наверху, еще лежал зимний снег, и в утреннем свете казалось, что это совсем близко. Отсюда, с лодки, Ида была похожа на огромный рог. Казалось, ветер рассекает ее на части, особенно когда редкие белые облака, стлавшиеся по вершине, спускались ниже.

— Не нравится мне это, — сказал Нис.

— А что? — Берк тоже повернул голову.

— Плохой знак, когда Ида вот так видна.

Все утро они лавировали, приноравливаясь к ветру. Иногда берег оказывался так близко, что видно было движение на прибрежных дорогах и другие лодки, сновавшие взад и вперед. Но Нис старался по возможности держаться подальше от берега.

К середине дня они отошли настолько, что берег почти скрылся из виду.

Стоун и Берк успели уже приобрести кое-какой навык в обращении со снастями — навык люден, легко приспособляющихся к условиям. Выходило все пока довольно неловко, но уже появилось отчасти верное ощущение в руках. И это ощущение помогало держать парус так, чтобы его все время наполнял ветер.

Нис не разговаривал ни о чем постороннем, только отдавал команду. Он все чаще поглядывал назад, туда, где в небо уходила вершина Иды.

— Пожалуй, неудачное время мы выбрали, — сказал он один раз.

Стоун и Берк, для которых все это было непривычно, видели только, что ветер переменчивый и неровный. Под вечер, однако, стало свежеть. Море колыхала крупная волна. Но форштевень легко разрезал воду, и лодка шла с быстротой, которая им казалась удивительной.

— Вот видите, — сказал наконец Нис, оглянувшись еще раз.

Он указывал назад, на небо над Идой. Серые облака окутали вершину. Они были бесформенные, точно облако, стелющееся за самолетом-распылителем.

— Как бы не поднялся *мельтеми*, — сказал Нис.

— Пусть себе поднимается что угодно, — сказал Стоун. — Лишь бы наш парус выдержал.

— *Мельтеми* — это летний шторм. Смотрите. — Он снова указал туда же.

— Так. Что нужно делать? — спросил Берк.

— Подождем, там видно будет.

Небо становилось все темнее, и ветер крепчал. Серые облака надвигались все ниже. Иды совсем не стало видно.

Это налетело с исступленной стремительностью пляски сумасшедшего. Взметнуло кверху вихрь рассыпающихся брызг и с ревом обрушило на лодку. Обрушило с силой, точно удар наотмашь, всей рукой. Потом подхватило лодку, бросило вперед, в водоворот белой пены, взбитой ударом. Это было неожиданно и страшно.

— Вот оно, — закричал Нис. Он хотел сказать, что вот это и есть *мельтеми*.

Лодку неудержимо несло вперед. Нос глубоко зарывался в воду, дерево стонало, вторя реву разгулявшейся бури. Все кругом ревело и грохотало.

— Парус, — надрывался Нис, стараясь перекричать ветер. — Убирайте парус. Грот убирайте.

Берк держал отвязанный конец стаксель-шкота. Он рвался у него из рук под

напором ветра, надувавшего стаксель. Мысль у Берка работала быстро. Он захлестнул конец вокруг подпорки и подтянул его. Веревка дрогнула и напряглась до отказа. И почти сейчас же послышался громкий треск, веревка лопнула, стаксель вырвался и захлопал по ветру.

— Скорей, — кричал Нис. — Руби грота-фал.

Стоун голыми руками удерживал раздувавшийся парус. Лодка теперь свободно неслась по ветру, сорвавшийся стаксель бешено трепался впереди, хлопая, как бич. Гик трещал и гнулся — парус не вмещал ветра, который исступленно бился в него.

— Руби, — заревел Стоун.

Берк схватился за какую-то веревку, судорожно извивавшуюся над носом лодки.

— Эту? — заревел он в ответ. Фонтан брызг взлетел из-за борта и обдал его с ног до головы.

— Руби, руби, — кричал Нис.

Почти ничего нельзя было расслышать из-за хлопанья стакселя, дергавшегося во все стороны. Лодка неслась вперед с невыносимой, противоестественной быстротой. Дикий грохот стоял кругом, ветер завывал как безумный в трещах снастях. Это было похоже на землетрясение. Ветер не дул ни с какой стороны. Он рушился сверху, как горный обвал, накатывал с грохотом, точно лавина.

— К чертям. Я больше не могу сдерживать. — Стоун стоял, упиравшись ногами в подпорки мачты. Голыми, руками он удерживал ту самую веревку, которую ветер непременно хотел вырвать. Ветхая серо-черная парусина грота каким-то чудом оказывала сопротивление раздувавшему ее шквалу. Гик содрогался, как самолет перед стартом. Единственной силой, удерживавшей все против бешеного напора ветра, был Стоун, великан с голыми руками. Вода хлестала со всех сторон, заливала его, теснила его, стекала сплошной пеленой, сметала и рушила все кругом.

— Трави, трави, — кричал Нис Стоуну.

— Руби, — ревел он Берку.

Берк теперь ухватился за веревку, которая служит для подъема гафеля, которая держит на месте грег.

— Эту, эту. — Нис кричал, захлебываясь влажным воздухом. — Отпусти ее.

Он был точно черт с безумными глазами. Распластав свое небольшое крепкое тело на корме, он удерживал румпель, который сопротивлялся всеми своими шестью тысячами лошадиных сил, рвался из рук, сердито скрипел, требуя свободы. Громадины волн толкали и ворочали руль, и все его движения передавались румпелю. Нис боролся с ним не на жизнь, а на смерть. Он знал: если он выпустит румпель из рук, лодку тотчас же повернет поперек, и швырнет, и опрокинет, и разметет по бушующим волнам. Он боролся, чтобы этого не случилось.

Веревка, которую держал Стоун, обдирала, жгла ему ладони, но он сдерживал ее бессознательным усилием. Он сдерживал ее потому, что она рвалась на свободу. Это было безумие. Но он и был безумен. Он не знал того, что, если он выпустит эту веревку, вырвавшийся на волю гик налетит и замечется во все стороны, увлекая за собой парус, и либо опрокинет их, либо сразу убьет. Он сдерживал ее потому, что в ней была неодушевленная злая сила, которая не хотела подчиняться ему. Он был великан,

человек, бросающий вызов буре.

В лодке теперь было полно воды, которая сердито хлюпала и булькала, и ноги Берка скользили по наклонному дну. Закоченевшими пальцами он тянул мокрую веревку, ту самую, что удерживала парус наверху. Он тянул и дергал ее пальцами, всей рукой, требуя, чтобы она поддалась. Чувствуя всю непреоборимую силу мелочей, которые в этом хаосе стали главными.

Нис непостижимым образом заставлял лодку идти по ветру. Он знал, что, если дать ей отклониться хотя бы чуть-чуть, парус вырвется и разнесет в куски и Стоуна, и лодку, и его самого.

— Спускай, — кричал он. — Спускай. Убирай грот.

Все зависело от того, удастся ли Берку опустить грот.

Берк тянул. Ветер вдруг рванул свободно развевавшийся стаксель назад, и мокрый край с чудовищной, непристойной силой стегнул его поперек тела. Он отлетел и ударился о вантины мачты. Боль и опасность подействовали на него, словно удар хлыста. Он захлебнулся от бешенства, как человек, которого отхлестал другой человек. В нем было оскорблено живое, активное существо, организм, наделенный мозгом.

Он бросился вперед. Крича от ярости, навалился на неподатливую веревку, мокрую от его собственной крови. Снова взбесившийся стаксель настиг его. Полоснул, точно бритвой. Он почувствовал боль в спине и дико закричал.

Лодка с грохотом неслась вперед. Волны, вздыбившись, разлетались белыми брызгами, будто кто-то в упор стрелял из дробовика. Рев ветра покрывал все.

И тогда дошло до предела. Тяжесть надутых парусов, выпиравших далеко вперед, вдавливала нос лодки глубоко в воду. Он пахал волну, словно плуг, идущий со скоростью трех тысяч миль в час. С каждым разом он зарывался глубже, пока наконец водяная масса не хлынула в лодку, клопоча, как в адском котле.

Берк, снова потеряв ощущение происходящего, тянул изо всех сил за грота-фал. Он вдруг понял, что ничего не выйдет.

Тут буря сама нанесла себе поражение. Собрав все силы, она ударила в парус огромной массой воздуха. Напор был слишком силен. Фал лопнул, подпоры лопнули, ванты лопнули, гик дал трещину. Гафель с грохотом рухнул вниз, и парус во всю длину накрыл лодку.

Кратчайшая доля секунды решила. Теперь Нис остался один против всего. Он откинулся назад и предельным напряжением сил тянул румпель. Тянул, заставляя руль действовать как весло. Тянул. Старался поставить лодку вдоль волны. Направить ее по ветру. Гик и гафель свесились в воду. Лодка круто накренилась, оторванный гафель перевешивал своей тяжестью. Великан Стоун стал втаскивать его в лодку, преодолевая сопротивление моря. Скорость хода не уменьшалась. Кливера, до сих пор незаметные, теперь вступили в строй. Они наполнились ветром, и лодка, послушная рулю, неслась вперед.

— Втащи парус, — закричал Нис. — Парус втащи.

— К черту, — проревел Стоун. — Я и так втаскиваю.

Сорванный парус, мокрый, полный воды, колыхающийся на волнах, был тяжел, как паровоз. Стоун поднял все вместе — парус, гафель, гик. Не только поднял.

Перевалил через борт и втащил в лодку. Он сделал это все усилием человека несгибаемой воли, способного к самопожертвованию и к дисциплине.

Теперь парус, брошенный на дно лодки, мешал Нису. Он оттолкнул его ногой. Ветер сердито спорил с ним. Но лодка уже успела опять повернуться. Она встала бортом к ветру, и кливера раздулись пузырями под его напором. Лодка снова накренилась и зачерпнула воды.

Нис изо всех сил отпихнул ногами путаницу снастей и навалился на румпель. Лодка завертелась среди гигантских волн, точно пробка, подхваченная бушующим морем. Волны то вставали сзади за кормой, то перехлестывали через левый борт, то вздымались перед носовой частью, то лезли в лодку с правого борта. Море и ветер слились в одно в неистовом реве. Неба не стало видно из-за сплошной пелены брызг, секущих воду, точно потоки дождя.

Теперь приходилось Нису решать. Он знал, о море нужно забыть. Выбора не было. Да в конце концов не все ли равно, здесь или там? Снова он выровнял руль, стараясь держаться по волне. Из парусов остались только два кливера, два маленьких косых паруса на носу. Но они давали ходу предельную скорость, заставляя нос то погружаться, то взмывать над волной. И каждая накатывающаяся громада толкала лодку вперед.

— Идем обратно в Мессару, — сказал он Берку и Стоуну и не заметил, что сказал это по-гречески.

Стоун и Берк придерживали уцелевшие снасти, когда лодку швыряло волной. Она опять повернулась боком и, качаясь, плыла, точно бревно, но все же не вертелась на месте. Сорванный стаксель то оборачивался вокруг мачты, то снова хлопал под напором ветра.

Берк теперь думал о себе. Он лежал, обхватив руками сваленные в кучу снасти. Он чувствовал боль в тех местах, где его задел сорванный стаксель. Ему было очень жаль себя. У меня еще рана не зажила, думал он, а теперь вот все руки ободрала проклятая веревка. Все равно это случится с минуты на минуту. Лодка должна перевернуться. Ее перевернет ветром. Или опрокинет волной. Вся наша защита — это грек на корме. Все мы сверхчеловеки, и я в том числе. Если б не это, лодка давно уже перевернулась бы. Нет, настоящий сверхчеловек — он, а Стоун и я лишь сателлиты, частицы, оторвавшиеся от него.

Стоун тоже сверхчеловек. Великан, у которого есть ум, но нет знаний. Лицо боксера, а по глазам видно, что не ударит собаки и не обидит ребенка, не сделает ничего такого, что не пристало человеку. Я циник. Жизнь меня всегда била. Вот только что меня побил этот дурацкий парус. Я даже не знаю, что это тут такое липкое и мокрое, соль или кровь. Если ветер не уляжется, нас развеет в прах, и мы попадем в Египет в виде атомов, невидимых атомов, которые когда-нибудь, кто-нибудь сумеет разложить. Вздор. Но куда же этот сумасшедший грек везет нас? Вокруг меня сверхчеловеки. Великие люди. Вздор. Вздор. Вздор.

А ветер дул, обжигая мокрое тело. Он дул со всех сторон. Но сильнее и резче всего с севера. Это был северо-западный пассат.

Боролся с ним один Нис.

Он был дыханием судна. Он оборонялся на все стороны. Волны старались вырвать у него руль. Он выравнивал его снова и снова, слегка отпуская, опять выбирая на себя, следуя направлению волны. Он применял приемы джиу-джитсу. Он поддавался ветру и морю, чтобы потом использовать их силу и скорость против них же. Он пускался на любые уловки. Ни ветер, ни море не могли победить его. Он бил их выдержкой. От его выдержки теперь зависело все.

Это длилось миллион лет, тысячу геологических эр, бесконечное число человеческих жизней. Нис то ставил лодку по волне, то поперек волны, изворачиваясь, не давая ветру порвать кливера, от которых зависел ее ход. Уступал ветру, потом брал свое.

Хмурое небо, резкий ветер ускорили наступление ночи. Она надвинулась вдруг и сразу. Ночью было так же, как днем, только еще труднее. Нис вел лодку, держа курс на белые пески Мессары.

Когда они, наконец, забелели вдали, первым его чувством был испуг. Он увидел их сквозь мглу. Увидел раньше других. Тренировка зрения. Очертания берега расплывались в тумане. Но берег был близко, совсем близко.

— Мессара, — крикнул он, уверенный, что и они ждут.

Они не отозвались.

— Ну вот, — сказал он, желая выразить этим, что наступает решительная минута.

Тут он мог проиграть. Это была кульминационная точка борьбы. При такой скорости их-могло бросить о камень и мгновенно разбить вдребезги.

— Убирайте киль, — крикнул он Стоуну. — Живо убирайте киль.

— Это все упадет, — сказал Стоун. Он прижимал к себе кучу снастей, объятые, которое нельзя было разомкнуть.

— Убирай ты, — сказал Стоун Берку. — С этим я справлюсь один.

Берк пришел в себя. Он стал шарить руками в темноте. Нащупал длинный выступ на дне лодки. Потянул за веревку, выдвигавшую наружу, в воду, железный киль. Почувствовал ее напряженную дрожь. Почувствовал сопротивление. Почувствовал свою усталость.

— Скорей, — кричал ему Нис. — Давай. Давай.

Берк без участия мысли понял, что если эта полоса металла врежется в песок, она, как рапира, проткнет лодку. Он потянул за веревку и почувствовал, что это нелегко. Но там, в глубине, сила сопротивления воды была: не так велика. Он втянул киль. Ощупью нашел железные крюки, которыми он закреплялся, и накинул их на петли.

— Теперь кливера. Убирайте кливера. По одному. — Нис кричал так, как будто находился за двадцать миль.

Берк двинулся к баку, тяжело переставляя ноги в воде. Он устал и был измучен больше всех. Он ничего не видел в темноте. Он нашарил подрагивающий, натянутый шкот одного из кливеров. Он отвязал закрепленный конец и вздрогнул от неожиданности, когда веревка вырвалась у него из рук и освобожденный кливер захлопал в темноте точно так же, как днем стаксель.

Море шумело у берега уже где-то совсем недалеко. Волны обрушивались на песок. Волны несли их прямо к берегу. Волнение все усиливалось.

Сейчас, больше чем когда-либо, все зависело от Ниса. Он оставил второй кливер, чтобы сохранить ход. Он боролся с ветром, не давая ему опрокинуть лодку, и преодолевал силу волны, заигрывая с ветром. Ветер был сильнее. Он гнал лодку поперек волны. Нис огромным усилием сдерживал ее. Так, боком, он и подошел к берегу, вдруг забелевшему рядом, в темноте. Осталось совсем немного до той черты, где волны, разбиваясь, падали на песок. Но он все еще удерживал лодку поперек волны до тех пор, пока у самого борта не запенился прибой.

— Ну! — крикнул он во весь голос.

Он отпустил румпель, и лодка тотчас же повернулась носом к берегу. Набежавший вал подхватил ее, вскинул высоко и помчал вместе с собой. Как стрела, она пролетела на гребне волны и в грохоте обвала водяной громады рухнула на песок. Прошла секунда. Потом волна» шелестя песком, стала откатываться назад.

Снова наступила критическая минута.

Они выскочили из лодки и стали тащить ее вверх, радуясь тому, что у нее плоское дно, проклиная тяжесть воды в ней. Они тащили ее, чтобы спасти от цепкой хватки прибоя. Тащили, изнемогали, тащили еще, тащили до самой вершины песчаного наноса. Побежденный прибой сердито бился о белый песок.

Ветер беспомощно вертелся вокруг лодки. Но он еще взял с нее последнюю дань. Он рванул маленький кливер, и разодрал его пополам. Он подхватил повисшие лоскутья и долго трепал их.

Потом он изменил направление и задул сильно и ровно в сторону моря.

В своем изнеможении и жажде отдыха Стоун и Берк готовы были оставить лодку там, где она была. Но Нис прикрикнул на них и заставил делать что нужно. Он потребовал, чтобы лодку втащили выше, к самому гребню песчаного наноса. Когда они останавливались, он понукал их бранью. Потом он принялся подвязывать паруса. Он сделал это все один, взобравшись на бак. Поймав развевающиеся лоскутья кливера, он прикрутил их к мачте и затянул узлом. Грот он подвязал длинными концами гроташкота. Это не была выдержка. Это был просто рефлекс человека, который привык иметь дело с парусами. Понять это может только человек, тоже привыкший иметь дело с парусами.

Потом они пошли вдоль берега к меловому утесу, отбрасывавшему тень на белый песок. Берег здесь образовывал небольшую бухту в форме полумесяца. Утес нависал прямо над нею. Под самым утесом ветер не чувствовался. Слышен был только его шум. Тяжело ступая по мокрому песку, они добрались до места, где в скале было углубление. Крохотная пещера у самого утеса. Тут они поели сушеной рыбы, запивая ее водой из бурдюка, потом растянулись на земле и заснули.

Утром Стоун собрался уходить.

— Пойду поброжу кругом, — сказал он.

Берк и Нис ничего не ответили, потому что спали.

Он снял с себя пояс, вынул из кобуры смит-вессон и пять оставшихся боевых патронов и разложил все это на песке для просушки.

Потом он оглядел бухту, ее берега, крутые в глубине, отлогие по сторонам. Море было по-прежнему бурное. Он увидел лодку, она лежала на боку, на высоком сухом месте, куда не доставал прибой. Он не пошел туда, а повернул назад, к белому утесу, под которым они нашли себе пристанище. Утес громоздился высоко и отвесно, только с одной стороны был уступчатый склон. Туда он и направился.

Подъем был крутой, но Стоун взбирался без труда. Мешали намокшие штаны, путаясь в ногах, но это была мелочь, а для такого большого человека, как Стоун, мелочи не имели значения.

Почему-то ему казалось, что кругом должно быть пустынно и дико, и пески, пески, разве только какой-нибудь холм вдалеке. Он влез на вершину утеса, ожидая увидеть именно такую картину. И тотчас же бросился плашмя на землю. Прямо под ним проходила дорога, за нею высился лесистый, заостренный склон, впереди, чуть подалее, расстилалась обширная зеленая долина с домами, виноградниками, рощами, дорогами.

Потом он привстал и осторожно огляделся. Он увидел деревню, разделенную надвое широким ручьем, делавшим излучину у подножия горы. Дальше тянулся морской берег. И тут он увидел какое-то огороженное пространство правильной формы. Как только он увидел его, он сейчас же понял, что это аэродром. Стоун

несколько мгновений сосредоточенно думал. Потом он преодолел нервное напряжение, овладевшее им в первую минуту. Он пошел дальше, беспрестанно озираясь. Он хотел посмотреть, что делается на высоком краю утеса, нависшего над бухтой. Он стал подниматься, продираясь сквозь невысокий кустарник.

Он увидел вершину песчаного холма в стороне от моря. Он увидел горный склон, поросший молодым леском. И увидел прямо перед собой четырехсантиметровый бофорс. Лафет был прикрыт мешками с песком, но длинный ствол торчал из них; Стоун быстро оглянулся назад. Лодка, лежащая на песке, видна была ему одной стороной. Но прислуга бофорса должна была видеть ее всю. Он опять посмотрел вперед и увидел маленькие зеленые палатки у прикрытого мешками орудия, всякую всячину, развешанную на деревьях, длинные ящики с боеприпасами.

Стоун осторожно приглядывался. Осторожность была свойством его природы. Паники и спешки он не знал. Он улыбнулся настоящей живой улыбкой. Ему ясно представилась вся чудовищная нелепость положения. И то, что приходится прятаться, распластавшись животом на песке, и сам он, большой рыжий человек со спутанной рыжей бородой, весь покрытый спекшейся солью. Здесь, на этом утесе. И немцы, спящие в тени орудия.

У него не было ни страха, ни ощущения непосредственной угрозы. Он желал только одного: чтобы не нужно было бессмысленно спешить куда-то. Чтобы двигаться вперед спокойно и без спешки.

Стоун снова поглядел вниз, на аэродром Тимбаки. Оттуда им нечего было бояться. Вот только бофорс. Как бы его спутникам не вздумалось подойти к лодке.

Он легко и уверенно спустился со скалы и вышел на берег. Тут он увидел Берка и Ниса, которые осматривали лодку.

— Там, наверху, стоит бофорс, — сказал он негромко. — Вас могут увидеть.

Он подождал их у пещеры, в которой они спали. Когда они подошли, он рассказал им про бофорс, про аэродром и деревню.

— Найдется у вашего приятеля еще лодка? — насмешливо спросил Ниса Берк.

— Мы эту починим вечером, — сказал Нис. — Надо бы втащить ее еще повыше.

— Повреждения серьезные? — спросил Стоун.

— Пустяки. Только два передних маленьких паруса сорваны. Мы можем обойтись и без них.

— А остальное?

— Нужно починить гафель. Это не трудно.

— Может быть, нам выйти вечером так, как есть, а уж чинить где-нибудь подальше отсюда? — сказал Берк.

— При таком море выходить нельзя. Надо переждать.

Берк не стал спорить, потому что он признавал превосходство Ниса во всем, что касалось лодки. Он не сознался бы в этом, но его пренебрежительное отношение к этому греку быстро таяло перед решительностью Ниса, перед определенностью его суждений. Они уселись на землю в сырой пещере. Мокрую одежду все трое сняли и разостлали на солнце.

— Это, наверно, был тайфун, — сказал Берк о вчерашней буре.

— Это был *мельтеми*, — ответил Нис.

— А он не вернется?

Стоун мочил губы, по капле выжимая воду из бурдюка.

— Нет. Он уже миновал нас. Вы читали Жития святых?

Стоун и Берк посмотрели на Ниса. Почему-то они оба, не думая, были уверены, что он не религиозен.

— А что? Вы думаете, это они тут виноваты?

Стоун ожидал от Берка этого насмешливого тона.

— Нет. Я про легенду об Эвроклидоне. Там Павел тоже попал в такую бурю.

— Такую же самую? Ну, значит, мы у дьявола в лапах. — Берк говорил с прежней иронией.

— Это был *мельтеми*. А легенда есть легенда.

На этом Нис разговор закончил и принялся стаскивать свои армейские сапоги. Такие сапоги греки называли метаксистскими, потому что они были очень дурного качества. У Ниса подошва была, как размокший картон. Его черная борода и волосы развились и побелели от соленой воды Средиземного моря. Только у Берка на его редких мягких волосах и редкой щетине не было этого налета.

Ветер улегся, было тепло, и нужно было ждать наступления ночи. Стоун, перед глазами которого все время стоял укрытый мешками бофорс, более других готов был к неожиданностям. Но все трое одинаково напряженно ждали темноты.

Когда наконец совсем стемнело, они пошли к лодке. Они подтащили ее еще повыше. Потом Нис, сам с собою разговаривая по-гречески, принялся искать и подбирать обломки креплений, обрывки тросов. Он делал все один, Стоун и Берк должны были только подавать, передвигать, убирать. Всю ночь он сплетал концы тросов. Он не делал временных узлов. Он рассучивал веревку и сплетал заново. Он распутал оборванный стаксель и сделал из веревки еще один фал для грота. Висевший лохмотьями кливер он оборвал совсем и веревку использовал, чтобы заменить порванные ванты. Он работал ощупью (была луна, но свету она давала немного), ловко и умело. Все его навыки, бездействовавшие те три года, что он провел в Лариссе, сразу же вернулись к нему.

Днем они спали. Они просыпались только, чтобы Прислушаться к шуму волн и посмотреть на море. Ждали, когда оно утихнет. На следующую ночь Нис проверил оснащение, поднял гафель, поставил кливера, которые сразу заполоскали на ветру, так что Берку пришлось тут же свернуть и подвязать их. Он работал, пока не начало светать. И к утру все было готово.

Из-за бофорса отплыть можно было только ночью, поэтому им и третий день пришлось провести, греясь на солнце в ожидании темноты. День был жаркий и почти безветренный. Волнение улеглось, и они все утро проспали.

Одиннадцать тотенкопфов появились на берегу уже после полудня. Тотенкопф, или Мертвая голова, — это особая дивизия немецкой армии. Солдаты ее носят каски с изображением черепа. Несколько подразделений этой дивизии стояло вокруг Тимбаки. Одиннадцать немцев спустились с утеса по отлогой его стороне и ступили на песок берега. Что-то побудило Ниса, дремавшего у выхода из пещеры, повернуться и

выглянуть.

— Немцы, — сказал он и, не оборачиваясь, толкнул спящих ногой. Те в одно мгновение очутились рядом с ним.

— Так, — сказал Берк. Его сразу затошнило.

Стоун подобрал револьвер и вкладывал патроны в барабан.

Удержал обоих Нис. Его обстоятельность, его, такая же как и у Стоуна, нелюбовь к бессмысленной спешке. Он сообразил раньше других. Эти одиннадцать тотенкопфов о них и не думали. Они пришли сюда не за тем, чтобы кого-то искать. У одного был фотоаппарат на высокой треноге, которую он воткнул в песок. Остальные сразу же принялись раздеваться.

— Ах сволочи, — прошептал Берк. — Купаться пришли.

— Не шевелитесь. Не разговаривайте, — сказал Нис.

Они лежали, съездившись, стараясь не двигаться. У Энгеса Берка тошнота подступала все выше. Слишком уж это выходило много. Тотенкопфы были шагах в пятистах от них. Все уже разделясь, кроме того, кто нес фотоаппарат. Трое нагишом пошли к воде. Два других бросились в волны с разбегу. Все кричали и шумели.

Вдруг один заметил лодку. Он стоял на берегу, совсем голый, только на голове была каска, которую немцы, видимо, никогда не снимают. Он позвал еще двоих и показал им лодку.

Все трое побежали по песку в мелких волнах прибоя. Стоун видел короткие волосы одного из них, коричневый клин загара на белой коже, неестественно прямые спины.

Берк не выдержал. Тошнота требовала выхода. Его стало рвать, судорожно, как это бывает всегда, когда рвет от волнения, от перенапряжения сил, а не от недомогания. Он отполз в глубь пещеры, скорчился, старался сдержаться, не делать шума, но не мог.

Стоун и Нис не обращали внимания. Они замерли, следя за тремя тотенкопфами, бежавшими по берегу. Стоун мысленно ругал Берка за шум и радовался, что на плотном песке не осталось их следов. Берка опять стало рвать, и Стоун обернулся к нему.

— Ты бы потише, — сказал он. — Это было сказано обычным рассудительным тоном.

— Они сейчас сбегутся сюда на шум, — сказал Нис сердито.

Двое тотенкопфов шли теперь рядом и довольно беспечно говорили о чем-то, пока не подошли к лодке. Тут они заговорили о лодке. Это было ясно видно. Энгес Берк, у которого все уже прошло, смотрел на них вместе с остальными. Все три тотенкопфа вдруг ухватились за лодку и стали тащить ее. Рывками они тащили ее по песку вниз к воде. Но у них не хватило терпения. Когда они увидели, как это трудно, они остановились. Потом один бросил и пошел прочь. Двое других взялись опять, Они протащили ее ярдов двадцать, но оставалось еще пятьдесят.

Тогда и второй бросил лодку. Он заспорил с третьим, который упрямылся и хотел тащить один. Второй повернулся и побежал за первым туда, где стоял фотоаппарат.

Последний тотенкопф влез в лодку и принялся раскачивать мачту. Берк думал о его судьбе. Он думал — интересно, есть ли у него мать, знает ли она, что он сейчас делает. Потому что это его последние минуты, это последние минуты для всякого, кто только

взглянет сюда. Его убьет Стоун из своего смит-вессона, несмотря на то, что выстрел должен привлечь внимание остальных.

Тотенкопф вылез из лодки. Он схватился за один из фалов и стал дергать его, стараясь порвать.

— Вот скотина, — сказал Берк вслух.

Тотенкопф поднял голову и оглянулся на утес.

— Он может увидеть нас, — сказал Стоун.

— Нет, — сказал Нис.

— Он смотрит сюда, — сказал Берк.

— Нет.

Тотенкопф еще раз изо всей силы дернул фал. Но веревка не рвалась. Тогда он повернулся и пошел прочь. Он шел и смотрел на вершину утеса, потом перевел глаза вниз, как раз туда, где была пещера.

По тому, как он смотрел, ясно было, что он их не видит.

— Что-то он замышляет, — сказал Берк.

Они лежали, не двигаясь, и следили за тотенкопфом, который в это время пустился бежать, догоняя остальных. Тот, что был с фотоаппаратом, дал свисток. Все быстро оделись, и, не соблюдая строя, стали подниматься по склону утеса.

— Он что-то заметил, — сказал Стоун.

— Не думаю.

Уверенность Ниса раздражала Берка, у которого снова подступала к горлу тошнота.

— А на что ж он тогда смотрел? — спросил он Ниса.

— Не знаю. Только нас он не видел. Иначе они все были бы теперь здесь.

На этом спор кончился. Но заснуть опять не удалось никому. Напряжение еще увеличивало усталость. Лежали и ждали. Чего — они не знали сами. Что-то должно было случиться до наступления ночи.

Но когда тень от утеса, лежавшая на берегу, передвинулась к востоку, всему пришел конец. Высокий конус белого дыма возник в воздухе. Потянуло гарью, и земля дрогнула от удара. Раз. Потом раз-два.

— Они стреляют в лодку.

— Это бофорс.

— Они увидели нас.

— Бофорс бьет.

Они лежали и смотрели. Все трое понимали, что это конец. Они видели, как белый песок полетел во все стороны. Снаряд лег далеко от лодки. Они ждали. Это случилось минутой позже. Сначала дрогнула земля, потом раздался грохот двойного удара. И в ту же секунду они увидели, как два снаряда попали прямо в лодку, один за другим.

Сначала взрыло песок. Потом два раза бухнуло, и раздался треск ломающегося дерева. Лодка раскололась сразу. Она превратилась в щепки, перемешанные с захлебывающимся песком. Она взлетела вверх в грохоте разрыва. Ее разбило, разорвало, разнесло, развеяло по безмолвному воздуху. Призрачные обломки носились

кругом в фантастическом ритме, точно тела, заряженные движением.

Бум. Бум. И все было кончено.

В воздухе висела еще песчаная завеса. Там, где была лодка, осталось на песке пятно в двадцать семь футов четыре дюйма в поперечнике.

Они были теперь готовы ко всему. Берк и Стоун хотели ринуться навстречу. Удержал их Нис. Он заставил их остаться на месте. Он сказал им, что это была забава. Инстинкт разрушения, и только. Мальчишка, приставленный к бофорсу, взял и разбил лодку. Только и всего. Немцы ничего не видали. Это сделал тот самый железноголовый, который хотел порвать фал. У него было оружие и была непреодолимая потребность пустить его в ход. Вот только и всего.

И до наступления ночи они не двигались с места.

Что делать дальше, было неясно. Энгес Берк сказал:

— Вернемся в ту рыбацкую деревню и достанем другую лодку.

Остальные двое молчали.

— Ну как? — сказал он. — Надо же нам достать лодку.

— Только не там, — ответил ему Нис.

Это было уже ночью. Они еще сидели в своей крошечной пещере, но знали, что им надо поскорей уходить отсюда. До утра они должны уйти из этого района, во всяком случае подальше от бофорса. Но этот разговор был необходим и жизненно важен.

— А почему бы не там? — Берк опять настроился враждебно.

— Нельзя два раза обижать людей, — сказал Нис.

— Послушайте, — сказал Берк. — Речь идет о том, оставаться ли нам на этом острове до скончания века, или выбраться отсюда как можно скорее.

Для Энгеса Берка в этом была неопровержимая логика и здравый смысл. Если уж они сделали это раз, то тем более необходимо сделать и второй.

— Я больше не пойду туда, — сказал Нис.

— Стоун, — быстро заговорил Берк. — Что ж ты, не видишь? Ведь у нас нет выбора. Если мы не поторопимся выбраться отсюда, будет слишком поздно.

— Знаю, — спокойно ответил Стоун.

— Так скажи ты ему.

— Нет. Может быть, он и прав.

— Он не прав.

Нис недружелюбно поглядел на Берка.

— Вы не понимаете, о чем говорите, — сказал он сердито. — Без лодки рыбаку пропасть. Если с кем случится такая беда, вся деревня приходит на помощь. Сегодня один даст ему свою, завтра — другой, и так все по очереди. Сейчас, при железноголовых, жизнь и так нелегка. Если же в деревне станет еще одной лодкой меньше, им всем конец. Это уж слишком. Я на это не пойду.

— Сейчас не время для таких тонкостей, — сказал Берк.

— Я не могу идти против себя. Чего вы хотите?

— Не знаю. Но мы в пиковом положении.

— Я не понимаю.

— Он хочет сказать, что наше положение безвыходно, — объяснил Нису Стоун. Потом продолжал, обращаясь к Берку: — Нам-то безразлично. Но я его понимаю. Он не может второй раз пойти туда за лодкой. И там теперь, наверно, очень следят.

— Все равно. Вопрос стоит так: или мы берем у кого-то лодку, или остаемся здесь.

— Есть другие пути.

— Говори, я слушаю, — сказал Берк.

— Я еще пока не знаю, — сказал Стоун.

— Пойдем по деревням, — сказал Нис. — Есть ведь нам надо?

— А в этом вопросе у вас нет угрызений?

— Его угрызения понятны, — мягко сказал Стоун, чтобы прекратить это.

Энгес Берк был бит с обеих сторон. Мы самый настоящий триумvirат, но я всегда остаюсь в одиночестве. У этих двоих мозги одинаково устроены. Какого черта они думают о таких мелочах, раз это верный путь к спасению. Даже если в деревне теперь полно немцев, стоит рискнуть. Нам известно место, где есть лодки. Значит, надо идти туда и достать лодку.

— Может быть, если бы я не знал, я бы смотрел иначе. — Это сказал Нис, как бы оправдывая Берка.

— Чего не знал?

— Если б я был в вашей стране, я бы смотрел так, как вы.

— А какая разница?

— Большая.

Берк замолчал, признавая свое поражение.

Еще до рассвета они поднялись на белый утес с той стороны, где было всего ниже, и, следуя за Стоуном, стали спускаться по склону горы, кольцом окружавшей деревню. Все время над ними жужжали ночные самолеты, потому что аэродром Тимбаки был совсем близко. Стоун вел со свойственной ему спокойной уверенностью, но куда — этого не знал никто.

Берка все еще злила нелогичность того, что они делали, вместе с тем он был удивлен. Он размышлял о непоколебимом спокойствии Стоуна. О том, как мало он вообще говорит. Он служит буфером между ним, Берном, и Нисом. На Берка эта непоколебимая уравновешенность действовала раздражающе. Вот они идут куда-то, неизвестно куда, только чтоб уйти подальше от железноголовых. Да, черт возьми. Ну и что ж из этого? Что? Что? Что? Он понемногу начинал понимать то, что Стоун предвидел с самого начала: нельзя осуществить побег точно по заранее обдуманному плану. Вот теперь пришлось сделать ход, который имеет только негативный смысл, просто переменить место укрытия. Они действуют сейчас без всякого плана. Энгес Берк злился, считая, что логичным было бы идти к Спада за другой лодкой.

Стоун не находил причин ни злиться, ни отчаиваться, как Берк. Для него то, что они делали сейчас, было необходимым отступлением. Они на этот раз потерпели поражение и нужно было сберечь себя для следующего раза. Это была негативная необходимость. Стоун умел быть терпеливым.

Для Ниса это не имело значения. Уехать или остаться — само по себе было несущественно. Он хотел добраться до Египта. Но не видел в этом бегстве настоящего выхода для себя. Отсутствие перспективы здесь — вот что толкало его. Желание быть там, где схватка носила более решительный характер, где шла непосредственная борьба. Здесь, на Крите, борьба не была непосредственной, ее исход зависел от внешних событий. Нет. Нет. Нет, Лучше быть там, где исход решается в открытом бою. Это лучше, чем пинки в зад из-за угла. А тут в сущности все к тому только и сводится. Он понимал чувства, которые за этим кроются, простые и естественные. Но это не решающая борьба.

И они шли дальше.

Стоун вел, не останавливаясь. Мимо деревни, задами, в обход. Он шел до самого утра. Он знал о местности только то, что вчера удалось разглядеть с вершины утеса, но был уверен, что идет правильно. Он вел их к югу от Тимбаки, стараясь держаться все время параллельно Астерусской горной цепи. Они то спускались, то поднимались по невысоким уступам со стороны Мессарской равнины. Но на равнину не выходили. Чем дальше от моря, тем больше деревьев росло на склоне. И, наконец, войдя в густую чащу кленов и платанов, Стоун остановился.

— Дальше можно не идти, — сказал он.

Утро уже брезжило.

Все трое сели молча.

— Ну, теперь что? — начал разговор Берк.

— Вы как думаете? — спросил его Нис.

— Думаю, что надо идти в ту деревню за лодкой.

— Перестань, — сказал Стоун.

Тут вдруг Берк сорвался. Давно уже у него накипало внутри.

— Слушайте, — сказал он. — Ну вас к черту обоих. Я иду в ту деревню и беру там лодку. Идете вы со мной? Да или нет?

Он встал и принялся счищать мокрые листья, кучками налипшие на подошвы его башмаков.

— Я найду дорогу, — сказал он.

— Дорогу-то ты найдешь, — с расстановкой заметил Стоун.

— Да. И с лодкой тоже справлюсь, не сдохну.

— Вы не понимаете, что вы хотите сделать. — На этот раз терпел поражение Нис.

— Все понимаю, — сказал Берк.

— Нет, не понимаете, — сказал Нис.

— Вам что, — продолжал Берк. — Вы тут в конце концов почти дома. Но я не желаю здесь оставаться. А без лодки отсюда не уйдешь.

— Ты твердо решил, Энгес? — Стоун открывал ему лазейку.

— Да.

— Можно попытаться в другом месте.

— Где это? Другого места нет, — сказал Берк. — Сам знаешь.

— Пожалуй, — сказал Стоун уклончиво и нехотя.

— В какой деревне ни возьмешь лодку, будет то же самое, — сказал Берк Нису.

— Мы там уже одну взяли, — сказал Нис.

— Какое это имеет значение? — Энгес Берк раздражался все больше.

— Для такой деревушки — большое.

— Не знаю почему. Когда за них немцы возьмутся, еще не то будет. Бессмысленно деликатничать там, где другой не знает пощады.

— Я вам в этом не помощник.

— Черт вас дери. Да хоть вернемся туда. Может быть, там скажут, где еще можно достать лодку. Может быть, удастся переждать там:

Наступило долгое молчание.

— Что ж, пожалуй, это можно, — медленно сказал Стоун Нису, без убеждения в

тоне.

Нис пожал плечами. Выбора не было. Он видел это и сам не мог предложить ничего другого. Он понимал мысли и чувства своих спутников, хотя они его не понимали в вопросе о лодке. Взять одну лодку в такой деревушке, как Сирнос, или взять две — большая разница. Но деликатничать там, где железноголовые не знают пощады, — в этом Берк был прав.

— Когда льется кровь, надо или пить ее, или умереть, — тихо сказал он по-гречески, повторяя изречение так, как оно ему запомнилось.

— Что? — переспросил Берк.

— Это греческие слова.

— Так идете вы или нет? — решительно спросил Берк.

Нис снова пожал плечами.

— Я пойду. Но о лодке говорить не буду.

— Ладно, ладно, идем, — сказал Берк и нетерпеливо зашагал вперед, точно опасаясь, как бы они не передумали.

Стоун взялся довести их. Хотя путь лежал через людный простор Мессарской равнины, он сказал, что идти они будут и днем и ночью. Они останавливались днем только там, где опасность была явной. Ночью они не останавливались совсем. Стоун ориентировался чутьем, которое у него очень обострилось. Он ни разу не ошибся в направлении, а маршрут приходилось выбирать сложный.

Наконец они пересекли Мессару и снова повернули на север, в тень Иды. В маленькие горные деревушки они отваживались заходить даже днем.

Но однажды они забрели в деревню Сарос, которая оказалась больше других. Там была кофейня. Они спохватились слишком поздно. Кофейня была плохим знаком. Только в больших деревнях попадались кофейни. А почти во всех больших деревнях были немцы.

Они шли по каменистой улице, все время держась настороже. Но самая большая трудность возникла из-за цирюльника. Цирюльник расположился прямо на улице, он брил голову толстому критянину в белой рубашке.

— Вот что мне нужно, — сказал Берк остальным. Он говорил тихо, потому что они были уже близко.

Критянин сидел на стуле под окнами кофейни, и цирюльник левой рукой мылил ему голову, а правой брил.

— Как по-вашему? — спросил Берк.

— Насчет этого? — отозвался Стоун, поглаживая свои щеки. — Я, пожалуй, рискнул бы.

— А платить чем? — спросил Нис.

— Пусть раньше щетину сбреет, а там видно будет, — сказал Берк.

— Может быть, он одолжит нам бритву, — сказал Стоун.

— Сомневаюсь, — язвительно возразил Нис.

— Предложим ему изюму, — сказал Стоун.

— Хотите сразу же выдать себя?

— Ничего. Рискнем, — сказал Стоун и улыбнулся. — Куда ни шло.

— Хорошо, — сказал Нис. — Постараюсь ему объяснить.

— Как же объяснить? — отрывистым шепотом спросил Берк.

— Как-нибудь, — ответил Нис.

Был севильский цирюльник, цирюльник Гиббоне, который отрезал головы семнадцати клиентам; цирюльник — король Алжира. И это тоже был цирюльник, и перед ним стояли три человека: один — ярко-рыжий, высокий, настоящий великан, с квадратным лицом; другой — небольшого роста, с бородой как из проволоки, никакая бритва такую не возьмет; третий — плотный, почти круглый, и волос у него — одно удовольствие, тонкий и мягкий.

— *Калимера*, — сказал Нис цирюльнику.

— *Калимера*, — ответил тот. Он был в очках с овальными стеклами и походил на сфакийского крестьянина. Цирюльник на Крите — вечный странник. Он самый

непоседливый, самый беспокойный из людей.

Короткое молчание. Цирюльник усердно брил старика в белой рубашке, пальцами натягивая кожу.

— Вам угодно? — сказал он, поднимая голову.

— Да, — сказал Нис. — Нам угодно побриться.

— Сию минуту отпущу клиента, — сказал цирюльник.

Он снова намылил голый череп критянина. У него была широкая английская бритва, которой он проворно водил по голове. Все трое стояли молча и смотрели, как он работает. Он покончил с головой, выбрил щеки, затылок, дважды прошелся по подбородку. Потом обтер бритву о ладонь, сложил и спрятал в маленький холщовый чехольчик. Провел рукой по голове клиента и объявил, что все готово.

Старик в белой рубашке встал, поглядывая на трех спутников. Пощупал выбритую голову. Потом порылся в небольшом кошельке и достал несколько желтых монеток — драхм. Помедлил еще с минуту, повернулся и вошел в кофейню.

— Мы из Дикте, — вежливо сказал Нис.

— Стаял уже снег на Ласити?

— Да. — Потом: — У нас нет мелочи.

— И ничего нет?

— Мешочек изюму.

— Побрить надо всех троих?

— Да.

— Где ваш изюм?

Обратиться к Стоуну Нис не мог, а мешок висел у Стоуна на поясе. Нис запустил ему руку под рубашку и нащупал мелкие твердые шарики в мешке. Тогда он кивнул Стоуну, и тот отвязал мешок.

Цирюльник распустил тесемку, которой он был стянут, и заглянул внутрь. Потом вынул одну изюминку, разжевал и проглотил вместе с косточками.

— По вкусу похоже на виноград с Юктас.

— Он с Ласити, близ Кастелли, — сказал Нис.

— Всех троих? — повторил цирюльник, держа мешочек в руках.

Он обращался к Стоуну и Берку и смотрел прямо на них. Смотрел пристально. Энгес Берк подумал: я пою в опере и вот сейчас меня освищут и прогонят со сцены.

— Эти люди мусульмане, — сказал Нис, чтобы объяснить, почему его спутники молчат и только таращат глаза. — Дервиши. Они говорят по-турецки.

— Я их как-то видел в Кастелли, — сказал цирюльник.

— Этих?

— Ведь они обнажают голову перед солнцем?

— Да.

— Значит, этих, — уверенно сказал цирюльник. Он держал в руке мешок с изюмом и думал о бороде, которая как из проволоки, и улыбался всем троим.

— Пусть рыжий садится первым. Я его запомнил очень хорошо. Замечательно исполнял воинскую пляску — пиррихий.

Нис указал Стоуну на стул. Стоун сел и почувствовал, как смит-вессон вдавился

ему в бок. Плетеное сидение прогнулось под его тяжестью. Цирюльник снял очки и достал из чехольчика ножницы с тупыми концами. Он захватывал волосы между пальцами и отрезал их. Стоун посмотрел на Берка и заметил у него под буркой личный знак солдата, висевший на шее. Было жарко, и с Берка лил пот.

— Я всегда считал, что они не в своем уме, — сказал цирюльник Нису.

— Это кто как смотрит.

— А ты сам — не мусульманин?

— По отцу — да. Но я исповедую религию матери.

— По-моему, любая религия достойна уважения, если это религия родителей.

— Мудрые слова, — сказал Нис.

— Ты тоже дрался в Дикте?

— А кто дерется? Я ничего не знаю.

— На Ласити *инглези* еще воюют с итальянцами. Они пока держатся там, к востоку от Ласити.

— Первый раз слышу. Что же, это серьезные бои или только стычки?

— Нет, настоящие бои.

— Я считал, что все уже кончилось, — сказал Нис.

— Нет. *Инглези* хорошо дерутся. Они там еще держатся.

— Ничего не знаю про это, — повторил Нис.

— Да ведь сами жители Дикте тоже, говорят, дают отпор железноголовым.

— Понемногу, — осторожно ответил Нис.

— Дальше больше будет, — сказал цирюльник.

За разговором он обкромсал ножницами всю рыжую бороду Стоуна. Он обмакнул кисть в каменный кувшин с водой и потер ее о кусок простого оливкового мыла. Потом стал намыливать кирпично-красные щеки Стоуна. Делал он это не спеша, выписывая кистью крутые спирали, а под носом прошелся легкими, короткими мазками. Он мылил долго и тщательно, каждый раз макая кисть в каменный кувшин. Потом он надел очки и поточил бритву на ремне. Брить он начал не со щек, а с подбородка, как все греческие парикмахеры. Он три раза побрил Стоуна, затем подстриг ему волосы.

— Все, — сказал он Стоуну по-гречески.

Нис посмотрел на Стоуна, и Стоун встал.

Цирюльник взялся за Энгеса Берка и повторил ту же процедуру. Тщательно и не спеша и не глядя на то, что Берк не снял своей войлочной бурки, хотя и обливался потом. Снять ее Берк не мог, потому что на шее у него висел еще личный знак. Цирюльник не заводил разговора и только раз сказал Нису:

— Я и этого помню, он танцевал за женщину.

Нис кивнул с серьезным видом, но слова цирюльника вызвали в нем какое-то ироническое сочувствие к Берку.

Нис и Стоун дожидались, следя за тем, что происходит на улице. Один раз проехал мимо грузовик и затормозил неподалеку. Они с удивлением заметили, что машина греческой марки.

— Там, верно, сидит дух самого Метаксаса, — сказал по этому поводу цирюльник. — Бензина нигде нет. Железноголовые и метаксистов не очень-то балуют бензином.

Нис промолчал. Цирюльник кончил брить Берка, и его твердые, красноватые от загара щеки так и блестели.

— Они достаточно добра награбили, — сказал цирюльник, когда на стул уселся Нис.

— Да. — Нис рассеянно следил за тем, как из допотопной машины вылезали люди.

— В Смиросе железноголовые забрали все масло со склада. Я был там.

— А маслины?

— Тоже. Люди бы целый год кормились.

— И все смолчали?

— Нашлись пятеро, которые взяли да и разлили несколько бочек масла.

— И что же?

— Их расстреляли. В Дафнии железноголовые увезли весь урожай. Такой пшеницы одиннадцать лет не было. Знаешь, я тебе что скажу. Железноголовые все забирают, до последнего каика, до последней маслины. Но не везде это просто.

— Ну?

— Верно. В долине проще. Там народ никогда не умел за себя постоять. Но в Белых горах или в Дикте — другое дело. Да ведь ты из Дикте, сам знаешь.

— Да. Там им труднее приходится.

Цирюльник стал брить бороду, которая была как из проволоки. Он видел, как обнажились чистые, энергичные черты, видел стариковские морщины на молодом лице и умный, почти немигающий взгляд. Он тщательно выбрил Ниса, потом посмотрел и сам удивился новому облику этих трех странных людей.

— Готово, — сказал цирюльник, кончив бритье.

— Мне жаль, что нам нечем заплатить тебе, кроме изюма.

— Изюм превосходный.

— Спасибо тебе.

— Если пойдете дальше, не ходите на Сфакийское побережье и в Мессару. Там на всех дорогах и в деревне полно гостей. Все ищут младших *инглези*.

— Мы туда не пойдём, — сказал Нис, — *Адио*, и прими мою дружбу.

— Охотно. Передай мусульманам, что я никогда не видал лучших плясунов.

— Передам.

Тогда цирюльник взял мешок с изюмом, который он повесил на спинку стула, и протянул его Стоуну. Нис запротестовал, и не только для приличия. Цирюльник снял очки и засмеялся.

— Для меня это удовольствие, — сказал он. — Я уважаю таких людей. *Адио*, — сказал он.

— *Адио*, — ответили они все трое.

Потом они медленно прошли по главной улице Сароса и снова углубились в горы.

Когда они вышли на открытый склон Иды, Берк сказал:

— Ловко у вас вышло.

— Что вы ему говорили?

В первый раз за все время Стоун увидел смешок в глазах у Ниса — спокойный

смешок без улыбки.

— Про вас говорил. Сказал, что вы дервиши.

— Дервиши на Крите?

— Когда-то здесь были. Я сказал, что мы из Динге.

— И он поверил?

— У меня патрасский выговор. Кто вы — он сразу догадался.

— Ну и пусть, если только болтать не будет, — сказал Берк.

— Не будет. Он сказал, что ему очень понравились ваши пляски. Особенно он хорошо запомнил, как вы танцевали за женщину, — сказал Нис Берку все тем же ровным голосом.

— Какие такие пляски?

— Пляски дервишей. Он вас как-то видел близ Кастелли.

Берк усмехнулся иронически, а Стоун захохотал. Им теперь было друг с другом легче, чем прежде. Без бород они больше походили на самих себя.

Стоун долго еще смеялся над Берком, и они спокойно продолжали свой путь и на другой день вечером подходили уже к деревне, где жил Спада.

Они должны были выйти к деревне с запада. Прошлый раз они спустились к ней с северной стороны. Когда показались поросшие мелким кустарником склоны Сулийских гор, они узнали местность.

Берк, оглядевшись, спросил Стоуна, далеко ли еще.

— Не знаю, — сказал Стоун. — По-моему, должно быть близко.

— Мы идем прямо на деревню, — сказал Нис.

— Не знаю. — Стоун не был уверен.

— Будем ориентироваться по берегу, — сказал Нис.

Они прошли дальше, стараясь следовать всем изгибам побережья, видневшегося невдалеке.

И вдруг, после небольшого подъема, они очутились над самым фиордом. Они стояли на высоком берегу, и фиорд весь лежал внизу перед ними. Но в нем чего-то не хватало.

— Это не то место, — сказал Стоун.

— То самое.

— Что-то здесь теперь не так, — сказал Берк.

Пересохшая речка виднелась на своем месте. Но деревни не было. Правда, живописный соснячок, разросшийся по откосу, заслонял вид с одной стороны. Но они узнавали белый берег, поворот голубой каменной дороги. А самой деревни не было.

Они стали спускаться с откоса, чтобы посмотреть поближе.

— Черт подери, — сказал Берк.

— Все разрушено, — удивленно сказал Нис.

— Смотрите, что сделали, — сказал Стоун.

Они спустились еще. Там, где была деревня Сирнос, лежали груды белых, мертвых развалин. Все было сровнено с землей. Осталась лишь голубая дорога. Щебень, грязь, обломки, безмолвный прах — и только. Они вышли на дорогу и остановились, глядя на весь этот хаос.

— Разбомбили с воздуха, — сказал Берк.

Вероятно, так и было. Пятнадцать домов лежали, кучей белого мусора. Они рассыпались, как разбившаяся о берег волна. Белое крошево на зеленом фоне откоса. Белело в тех местах, где щебень и мусор выплеснулись на голубую дорогу. Белело над морем. Белело у поворота дороги. Груды разнокалиберных обломков, — маленькие, большие, камень, два камня вместе, осколки камня. Деревя не было совсем. Не осталось даже углов строений. Яйцо, раздробленное молотом. И тишина под стать хаосу кругом.

Бесстыдная тишина.

У края дороги стоял столб, и на нем белая доска с надписью. Они пошли туда. Нис с напряженным вниманием вчитался в надпись. Он прочел ее вслух по-гречески, потом повернулся и сказал:

— Это они разрушили.

— Что там сказано? — спросил Стоун.

Они растерянно стояли на дороге, засыпанной белой пылью, заваленной камнями, где все еще носился запах не то краски, не то сушеной рыбы.

Нис еще раз прочитал надпись.

— Сказано вот что, — сказал он. — Деревня Сирнос разрушена в наказание за убийство одного немецкого солдата. Сказано, что жителей деревни обвинили в пособничестве англичанам. Их судили военным судом, и приговор был — уничтожить всю деревню. За то, что здесь убили железноголового, сказано, здесь никогда больше не жить людям.

Они еще постояли, глядя на столб с надписью.

— Пойдем отсюда, — сказал Берк.

— Видал я подлости, но такой... — сказал Стоун.

— Это за нашу лодку. — В Нисе нарастал гнев.

— Взорвано динамитом, — сказал Берк. — По запаху слышно.

Они оглядели то, что осталось от пятнадцати домов, нераздельных и в разрушении. Дорога дальше изгибалась и вела к мосту. Они не пошли туда, а повернулись и быстро полезли вверх по откосу.

Они ползком добрались до скалы, которая приходилась на уровне моста. Отсюда они заглянули вниз, туда, где стояли лодки. Лодок не было.

— Нет, — сказали все трое, каждый по-своему.

— Чисто сработано, — сказал Стоун.

— Это не чисто, — гневно отозвался Нис.

— Он хочет сказать, что немцы довели дело до конца.

— А вы сомневались? — сказал Нис.

— Какого черта... — начал Берк, но Стоун посмотрел на него и покачал головой.

Они лежали ничком. Мост был слева от них, на той же высоте. Нис изогнулся всем телом и смотрел на мост. Он ничего не говорил. Потом он легко тронул Стоуна за локоть.

— Смотрите, — сказал он.

Стоун увидел, что под мостом висят двое. Два тела неуклюже висели в воздухе. Они были повешены за шею, и от этого головы неестественно вывернулись над плечами. Они висели под вторым, высоким, пролетом моста. В них не было напряженности. Все члены обмякли, как всегда у повешенных. Ноги повисли, точно тела, сникшие в непристойном изнеможении. Они смотрели в разные стороны. Один был больше, другой меньше. Они висели неподвижно и казались очень мертвыми.

Один был мужчина. Другой — женщина.

— Видите? — сказал Нис.

Теперь и Берк смотрел, и он чувствовал то же, что чувствовал Нис.

— Видите? — сказал Нис. — Это все из-за нас и ради нас. Кровь пролилась, и теперь мы пьем ее. Смотрите, — сказал он им гневно, негодуя, обвиняя их. — Смотрите, — сказал он.

— Вижу, — сказал Берк отрывисто.

Он видел: это Спада и скороспелка висели там, под мостом. Оба мертвые,

преданные смертной казни через повешение. Непристойно, бесстыдно мертвые. Даже отсюда виден был язык скороспелки, вывалившийся, когда она, задыхаясь, ловила воздух в последние секунды. Это случилось дня три назад. Нис смотрел и как будто чувствовал запах.

Но Берку лицо Ниса сейчас казалось пустым. Это он, Берк, потерпел последнее, непоправимое поражение. Это был полный крах. Один только раз в жизни он уже испытал такое. Он не помнил когда. Это, сегодняшнее, заслонило собою все. Я получил пощечину, удар по голове. Пинок ногою в пах. Сам не зная почему, он принимал все это как свое личное.

У Стоуна было такое чувство, словно он побил собаку, обидел ребенка. Словно он самого себя застиг за нехорошим делом. Тут было то же самое. Он испытывал омерзение, как будто у него на глазах творился извращенный блуд. В нем закипел такой гнев, что он вскочил на ноги. Ему хотелось голыми руками вцепиться кому-то в горло. Зубами рвать тех, кто повесил Спада и скороспелку там, на мосту. Он неистовствовал от бессилия и омерзения.

А у Ниса мысль работала ясно и спокойно. Он был потрясен, но принял все так, как будто ожидал этого. Спада уже давно могли повесить за то, что он бил рыбу динамитом. Но за что эти повесили его? Нелепость. Ведь они не знали. Они ничего не знали о том, что Спада помог ему и его спутникам. И все-таки они повесили его. И Смаро, юную жену динамитчика, повесили тоже. Эти две жизни пошли в уплату за то, чтобы мы трое неслись теперь на всех парусах к Александрии. Не знаю, повесили метаксисты моего отца или расстреляли. Между метаксистами и железноголовыми нет никакой разницы. Жить такими средствами — преступление. Им не должно быть пощады, их надо истребить всех. Дойти до того, чтобы вот так, хладнокровно, повесить человека на мосту в его родной деревне. Если когда-нибудь я боялся железноголовых, то сейчас не боюсь ничуть. Чтобы покончить с такими, как они, нужны крепкие люди и большие дела. Я надеюсь, *инглези* крепкие люди. Ведь сейчас мы полагаемся на них. Если они настоящие — значит, они сумеют осуществить это. Железноголовые и метаксисты — одно и то же. Одна порода. Повесить Спада. Повесили они моего отца или расстреляли?

Он встал на ноги.

— Ложитесь, — сказал ему Стоун.

— Я надеюсь, ваши там, в Египте, готовы, чтобы положить этому конец. Все равно, где это будет. Но с такими людьми надо покончить. — Нис стоял и смотрел на тех двоих, под мостом в родной деревне.

— Ложитесь, — сказал ему Берк.

— Не желаю ложиться, — ответил Нис громко и сердито.

— Вас увидят.

— Противно мне прятаться от таких. — Эта необходимость прятаться, когда чувствуешь то, что чувствовал он, вызывала в нем гнев, отвращение, тошноту.

— Повесят и вас, что толку, — нетерпеливо сказал. Берк.

— Разве в вас нет гнева? Разве вы не видите?

— Вижу, — спокойно сказал Берк.

Стоун сказал:

— Успокойтесь и лягте.

— Ничего вы не видите, — сказал Нис, и напряженное выражение вдруг сошло с его лица. Он чувствовал все бессилие одиночки, вынужденного прятаться. Он остро ощущал никчемность одиночки. Он хочет истребить этих железноголовых. Его, одиночку, остановят выстрелы их орудий. И втроем их все равно остановят. Это задача не для отдельных людей. Тут нужен размах. Сила. Жесткость. Его теперь особенно мучило то, что он один в этой борьбе. Что он не может с ревом, с грохотом ринуться вниз, истребить всех железноголовых и поднять из развалин деревушку Сирнос и вернуть к жизни Спада и его жену.

Стоун и Берк встали и пошли, а он все стоял.

— Идем, — нетерпеливо сказал ему Стоун.

Нис медленно двинулся вслед за ними. Они открыто шли по откосу вверх. Когда они перевалили через вершину, по ту сторону открылась небольшая, размытая морем балка, и там были люди. Стоун и Берк круто остановились.

— Это жители Сирноса, — сказал Нис.

Он был прав. Человек пятнадцать — двадцать расположились под нависшей скалой. Горел костер, что-то варилось в котелке, кругом лежали узлы с пожитками. Нис стал спускаться к тому месту, где был костер. Стоун и Берк шли за ним, поотстав немного.

Нис остановился. Перед ним были загорелые низкорослые рыбаки в лохмотьях, женщины, несколько ребятишек.

— *Калимера*, — сказал он им.

— *Калимера*, — ответили ему.

— Из Сирноса? — спросил он.

— *Нэ*. — Непостижимое греческое «да».

Он сказал, как его зовут, и про своего отца Галланоса, и про то, что он знал Спада.

— Я о тебе слышал, только не теперь, давно уже, — сказал один.

— За что они повесили Спада? — спросил Нис.

— Метаксистский сборщик налогов донес на него, — сказал тот самый, что слышал про Ниса.

— О чем же он донес?

— Что Спада был раньше антиметаксистом.

— И за это его казнили? — спросил Нис.

Тот, который слышал про Ниса, высокий, как Стоун, сутуловатый, с жесткими курчавыми волосами, ответил)

— Нашли убитого часового. Кто-то перерезал ему глотку. Потом хватились, что лодки Спада нет на месте. Тогда железноголовые объявили: если не признается тот, кто убил, они сожгут всю деревню и угонят лодки.

— Сволочи, — сказал Нис.

— Никто не признался, — продолжал высокий.

— По ведь не Спада убил часового?

— Нет. А сборщик налогов сказал, что он. Боялся, что, если железноголовые

сожгут всю деревню, не с кого будет брать налоги. Он неплохо наживался тут, на этих налогах. Он сказал железноголовым, что Спада против Метаксаса — значит, и против них, железноголовых, тоже; и сказал, что это он, Спада, перерезал глотку часовому. Вот железноголовые и повесили Спада вместе с женой. — Курчавый замолчал.

— А почему же все-таки взорвали деревню?

— Железноголовые велели своему дружку, сборщику налогов, сказать нам, что мы — все равно что рыба, которую мы ловим. А потом взяли и взорвали деревню.

— А лодки?

— Угнали в Сулию.

— Слушайте, — сказал им Нис. — Это я перерезал глотку часовому. Я и вот эти два *австралос* взяли у Спада лодку, чтобы плыть в Египет. Часовой увидел нас, и мы его убили. Нам пришлось вернуться из-за *мельтеми*. Разве на мосту не нашли зеленую рубашку *австралос*?

— Про это ничего не говорили, — сказала толстая женщина.

— Вот сестра Смаро, — сказал курчавый.

— Я сожалею о том, что случилось с тобой, — тихо сказал Нис женщине, ожидая вспышки гнева.

— Я всегда ждала, что его повесят за динамит. — Она слегка пожала плечами.

— Примите мою дружбу и располагайте мною, ведь это из-за меня вы лишились лодок, — сказал он веем остальным.

Никто не ответил.

— Что же вы думаете делать? — спросил он.

— Вернуть свои лодки, — сказал курчавый.

— Вы хотите увести их у железноголовых?

— Без лодки — значит с пустым желудком, — сказал кто-то.

— Мы вернем их. — Это сказал мальчик лет пятнадцати.

— Сюда вы их не можете привести.

— Нет. Мы разойдемся по деревням Ласити. — Он говорил о деревнях гористого южного берега Крита.

— Как вы думаете вернуть лодки?

— Они стоят в Сулии, — сказал курчавый. — Они все скованы вместе и привязаны к каменному молу. Мы уведем их.

— Все это не так просто, — сказал еще кто-то. — Надо перерезать цепи, поднять паруса и выйти в море. И за один раз все не уведешь, потому что людей мало.

— Вы пойдете ночью? — спросил Нис.

— Да, завтра ночью, — ответил курчавый.

— Располагайте мною, — сказал Нис.

Он ждал, что почувствует враждебность этих людей, но не почувствовал. Это были рыбаки, которые остались без лодок, и для них самое важное было получить лодки обратно. Вот и все. Железноголовые берут у человека лодку. А он, хоть кровь из носу, должен ее вернуть и вернет.

Все сказали, что, если Нис пойдет с ними в Сулию, это будет большая подмога.

— Я скажу и этим двум *австралос*.

— От них мы не можем требовать помощи, — сказал курчавый.

— Им это полезно, — сказал Нис.

Он смотрел на женщину, которая была повторением скороспелки, только старше и толще, широкоплечая, грудастая, с большим ртом, с сосредоточенным и недобрый взглядом. И ему снова вспомнилась скороспелка.

— А где сборщик налогов? — спросил он ее.

— Я его утопила, — ответила она просто.

— Он был не наш, не из Сирноса, — сказали другие в оправдание ей. — Метаксисты прислали его из Эллады. Он помогал выжимать из нас соки.

Нис рассеянно кивнул и пошел назад, к откосу, чтобы рассказать двум *австралос* про лодки в Сулии.

Он слышал, как сзади зашумели сирносцы. Особенно выделялся густой голос сестры Смари, той самой, что утопила метаксистского сборщика налогов.

Спорить не пришлось. Нис просто сказал им:

— Они идут в Сулию, куда немцы угнали их лодки. Хотят увести их. Я иду с ними. Решайте, как вы.

Он не встретил возражений. Берк только спросил:

— А что мы должны делать?

Стоун промолчал.

Если и возникли возражения, их рассеяла память о Спада и скороспелке, висящих под аркой моста в родной деревне.

Спада — это выкуп за нас, за нас троих. И эти сирносцы, без крова и без лодок, тоже.

Для Стоуна и Берка это было уже второе отступление. Неизбежное. Более неизбежное, чем первое. Так бывает, когда подталкиваешь машину, которую кто-то, сильнее тебя, толкает назад, и приходится пятиться. Они знали, что уклоняются от своего пути. Но слишком близко был мост, и разрушенная деревня, и надпись на доске, чтоб можно было возражать.

Гневное возмущение наполняло их.

Точно так же, как и сирносцам, им хотелось пойти и увести лодки. Это было то же чувство. Железноголовые забрали лодки. Эти скоты Железноголовые! Так нет же, черт возьми, мы сумеем их вернуть.

И они пошли за Нисом вниз, к нависшей скале.

Вечером, перед тем как ложиться спать, они подошли к большой луже, которую море оставило на дне балки, и умылись солоноватой водой. Тогда-то Берк и решил заняться своими швами.

— Стоун, — сказал он. — Снимешь мне швы.

Стоун знал, что у Берка наложены швы на рану.

— Чем?

— Найдется тут какой-нибудь нож, — сказал Берк.

— Подожди до завтра, — сказал Стоун.

— К черту завтра. Там уже гниет кругом.

— Темно. Я ничего не увижу.

— От костра достаточно света.

— Ладно, — сказал Стоун. — Читай предсмертную молитву.

Стоун надел башмаки на босу ногу, носки у него разлезлись. Берк и Нис свои давно бросили, еще когда разбилась лодка. Берк попросил у Ниса нож. Нис раздобыл у одного из сирносцев маленький кривой клинок дамасской стали.

— Только осторожно, — сказал Берк Стоуну.

Он опустился на землю у костра. Луна взошла уже, но одного лунного света было мало. Берк лег на живот и спустил свои критские штаны. Красные отсветы огня ложились на его ягодицы вперемежку с серебристыми лунными бликами.

— Перерезай по стежку и выдергивай, — сказал он.

Стоун наклонился над бедром Берка, разглядывая швы.

— Тут как будто гноится, — сказал он.

— Это швы. Они у меня всю душу вымотали.

— Ладно, — сказал Стоун. — Держись.

Он прокалил лезвие в огне костра и концом его стал нащупывать зигзаги нитки, стягивавшей края раны. Потом сразу резнул первый стежок и тут же выдернул нитку. Берк подскочил.

— Потихе ты, мясник, — заорал Берк. — Больно.

— А ты как думал? — сказал Стоун.

Сирносцы обступили их.

— Что это он режет? — спрашивали они.

— Уж не прокаженный ли он?

— Нет. Он не прокаженный.

— Я не видел ни одного прокаженного с тех пор, как побывал в Судзуро.

— Здоров очень для прокаженного.

— У него тут зашито, — объяснил Нис.

— Спрятано что-нибудь? — спросила одна женщина.

— Нет. Он был ранен.

— Кто ж ему зашил? Он сам?

— Не будь дикаркой. Разве ты не слыхала про людей, которые зашивают раны?

— Нет.

— А большой дом знаешь в Мессаре? Больницу?

— Значит, это ему там сделали?

— Нет, — сказал Нис. Ему было немножко смешно, но он не улыбался.

Он смотрел на Берка и видел, что Берк отчетливо представляет комизм своего положения. Лицо Ниса разгладилось. Теплое чувство смягчило его угловатые черты, хотя выражение по-прежнему оставалось сдержанным. Он испытывал симпатию к Берку, несмотря на существовавшую между ними враждебность. Берк, как и он сам, не любил проявлять своих чувств, и чем-то это было досадно Нису.

— Что ж, я всему Криту должен показывать свою голую задницу? — сказал Берк.

— Чудак. Это же большая честь, — сказал Стоун и весь затрясся от беззвучного смеха.

Нис не знал, о чем они говорят, но догадывался, что Берк подсмеивается над самим собой, и это было хорошо.

Тут один из сирносцев тронул его за рукав. Это был мальчик лет пятнадцати, с зелеными глазами, острыми торчащими ушами и торсом Пана. Он и лицом, слегка приплюснутым, походил на Пана.

— Я Талос, — сказал мальчик. — Могу я поговорить с тобою?

— О чем? — спросил его Нис.

Мальчик потянул его в сторону от костра, поближе к воде.

— Ты знаешь Хаджи Михали? — спросил он, поблескивая глазами с мальчишеским лукавством.

— Нет, — сказал Нис.

— Он живет в Литтосе, — сказал мальчик.

— Что же из этого? — спросил Нис.

— Не говорил ли ты, что вы хотите попасть в Египет?

— Да.

— Хаджи Михали послал в Египет одного человека, Экса, чтобы тот сговорился с англичанами.

— А для чего ему сговариваться с англичанами?

— Ты и в самом деле не знаешь, кто такой Хаджи Михали? — спросил мальчик с удивлением.

— Нет.

— Это он дрался с железноголовыми в Франко Кастелли.

— Не слышал, — сказал Нис. — Я ведь сидел в крепости.

— Да это было уже давно, — сказал мальчик.

— Зачем же ему теперь англичане? — спросил опять Нис.

— Чтобы продолжать борьбу против железноголовых.

— И у него налажена связь с англичанами?

— Я не знаю, — сказал Талос. — Но он послал к нему Экса, моего брата.

— Что же ты хочешь от меня?

— Когда будут разводить лодки по деревням, я отправлюсь в Литтос. Если хочешь ехать со мною, я буду рад тебе, — сказал Талос.

— Благодарю тебя, — сказал Нис без всякого оттенка снисходительности. — Я прошу взять также обоих *австралос*.

— Само собой разумеется, — сказал Талос со степенностью взрослого.

— Благодарю за них и от их имени, — сказал Нис.

— Вот и хорошо, — сказал мальчик. — Ты уже знаешь, как мы будем уводить лодки из Сулии?

— Нет еще.

— Я скажу, что ты поедешь со мной. Но тебе придется помогать и другим тоже.

— Кто-нибудь еще едет в Литтос?

— Нет. Но если ты попадешь на другую лодку, можно пересечь потом, когда выйдем в Ливийское море. Там уже безопасно.

— Кто придумал, как увести лодки? — спросил Нис.

— Мы придумали все сообща. Но мы еще будем обсуждать это.

И они вернулись к костру. Берк уже подтягивал штаны, а сирносцы с любопытством смотрели на него. И Берк все делал очень медленно, чтобы показать, что ничуть не стесняется.

Нис рассказал про Хаджи Михали и про мальчика, и все было принято без спора.

— Если этот Хаджи Михали мог снарядить одну лодку, почему бы ему не снарядить другую? — сказал Берк.

— Да, это удачно, — сказал Стоун.

— Все равно, не так это все просто, — сказал Нис и пошел вместе с Талосом обсуждать план увода лодок из Сулии.

Сулия при свете луны казалась совсем белой. Пенковые домики, обточенные морским ветром. Она лежала у вершины треугольного залива, как большинство мессарских деревень.

Они шли по проселку, ответвлявшемуся от большой дороги. С ними был Талос и еще один сирносец. Так выходило по плану.

План был довольно прост. Все разбиваются на три группы. Первыми идут те, чьи лодки стоят дальше всех, у конца мола. За ними — следующие по порядку. И, наконец, те, чьи лодки стоят первыми.

Мальчик Талос, еще один сирносец и они трое составляли последнюю группу. Лодка Талоса была крайней. Нис подумал, что лодка, должно быть, не его, а его брата Экса, того, что уехал в Египет. Завладев лодками, все поедут собирать семьи, которые еще вчера ушли на побережье. И потом разъедутся по разным деревням.

Казалось, тут нет ничего сложного. Но Нис, которому все обстоятельства были известны, понимал, что все это не так уж просто. Второй их спутник сирносец был, видно, из тех, с кем нелегко иметь дело. На нем была войлочная бурка такой ширины, что под ней можно было упрятать дом. Из-под бурки торчал мадсеновский пистолет-пулемет. Берку это сразу не понравилось.

— Откуда это у него? — спросил он Ниса.

— Взял у часового, которого мы убили, — сказал Нис. Он уже задавал Талосу тот же вопрос.

— Что ж он не знает, что его повесят, если поймают с этой штукой.

— Знает.

— Если ее увидят, мы все пропали, — сказал Беря.

— Она может нам пригодиться, — сказал Нис.

— А обращаться с ней он умеет? — спросил Стоун.

— В этом нет ничего мудреного, — сказал Нис.

И такое категорическое утверждение очень насмешило Стоуна.

Они шли теперь в обход деревни, мимо белых, ровными рядами выстроившихся домов, вглядываясь в даль, вслушиваясь в тишину. Две первых группы давно ушли и сейчас, вероятно, уже в море. Теперь и они в свою очередь подойдут к молу, отвяжут лодки и выйдут в море. Просто.

— Ветер сегодня соловьиный, — сказал мальчик.

— Подальше от деревни крепче будет, — отозвался сирносец.

— Лодки связаны вместе? Чем? — шепотом спросил Нис Талоса.

— Не знаю, — ответил мальчик. — Но придется трудно.

— Ветра почти нет, — сказал Нис. — У тебя парус какой?

— Высокий, — сказал мальчик. — При легком ветре как раз хорошо.

— Скажи своему товарищу, пусть будет поосторожней с оружием.

— Не из таких он, чтоб быть осторожным, — сказал Талос, и Нис в темноте почувствовал, что он ухмыляется.

Когда они вышли на прибрежную дорогу, сирносец пошел первым. Он один знал, куда надо идти. Это он выследил, что лодки стоят в Сулии, и разузнал, в каком порядке они привязаны. Поэтому они шли сзади, а он самоуверенно и важно вышагивал впереди, по изрезанной колеями прибрежной дороге Сулии.

Они шли мимо стоек, на которых растянута была для просушки сети. Мимо каменного парапета, у воды. Мимо домиков, выходивших окнами к морю, и темных переулков. Везде было угрожающе тихо. Пять человек открыто шагали по берегу, словно не боясь ничего.

Они свернули там, где от берега отходил длинный, сложенный из камня мол. Они пошли по узкому каменному настилу. Теперь видны были мачты, сети, сушившиеся у самой воды. Слышно было, как плещется вода под днищами лодок: хлюп-хлюп.

И чьи-то шаги.

Чьи-то шаги.

— Я никого не вижу, — спокойно сказал Стоун.

— Уже отплыли, — сказал Нис.

— Не говорите тут по-английски, — сказал им Берк.

Напрягая зрение, они шли за Талосом и вторым греком, пробиравшимися по неровным камням. Вода с двух сторон билась в каменную преграду, заглушая своим шумом все прочие звуки.

— Далеко еще? — спросили они Ниса.

— Он говорил. Почти у самого конца.

Талос и второй сирносец намного ушли вперед. Слышно было, как где-то рядом топчутся в лодке люди. Шарканье подошв по деревянному дну. Потом захлопал парус.

— Те уже отплыли, — сказал Нис по-гречески, подразумевая остальные группы.

Мол впереди становился шире и ниже. Нис увидел длинный ряд лодок, десятка два. Лодки из Сирноса должны были стоять в конце этого ряда. Только теперь он подумал о железноголовых. Не может быть, чтобы тут не было охраны. Впереди, у лодок, шла шумная возня.

— Не могут греки без шума, — прошептал Стоун почти с отчаянием.

— Могут, но редко, — ответил ему Берк. Он ступал по неровным выступам камней, все время оглядываясь назад и стараясь расслышать что-то сквозь шум разбивающихся волн.

— Кто-то идет за нами, — сказал он.

Они поравнялись уже с крайней лодкой. Теперь и Нис услышал шаги позади. Талос и второй грек побежали, Переговариваясь вслух.

— Тише вы там, — сказал им Нис.

Снова шум шагов позади.

Тогда и они пустились бежать, все трое. Нис сзади всех, потому что Берк и Стоун побежали раньше него. Длинный ряд лодок вдруг кончился. Три лодки, распустив паруса, уже шли по заливу. Нис видел, как хлопает грот на одной из них, видел человека, торопливо поднимающего кливера. Этим пора было плыть в открытом море.

Талос уже слезал по отвесной негладкой стене к небольшой низкобортной лодке, качавшейся на взбаламученной воде. Нис, повернув за ним, увидел, как на берегу, у

самого мола, показалась какая-то тень. Затем еще несколько.

— Скорей, — сказал он по-гречески. — Идут сюда.

Нис вслед за Талосом прыгнул в лодку. Стоун старался отцепить лодку Талоса от соседней.

— Тут цепь, — сказал он с досадой.

— Я ведь говорил. — Нис уже поднял гафель на мачту.

— Связано накрепко, — сказал Стоун.

— А ты развяжи, — сказал Берк.

— С этим до будущего года провозишься. — Стоун дергал тяжелую якорную цепь, которую обе лодки были связаны борт к борту.

Остальные в это время отвязывали и ставили паруса. Второй сирносец влез в соседнюю лодку и возился со снастями.

Теперь уже ясно было, что приближается не один, а несколько железноголовых.

Нис, широко расставив ноги для устойчивости, разматывал веревку, придерживавшую свернутый кливер. Оснастка лодки была такая же, как на плоскодонке Спада. Кливера дадут скорость и поворотливость на ходу. Берк отвязал длинную веревку, державшую обе лодки на причале.

Стоун стоял одной ногой в лодке Талоса, а другой в соседней и все возился с цепью, сковывавшей лодки вместе. Цепь была пропущена через отверстия в бортах обеих лодок и связана довольно небрежно, но лодки, качаясь на волне, тянули в разные стороны, и узел затянулся. Стоуну никак не удавалось ослабить цепь настолько, чтобы можно было распутать узел.

— Невозможно развязать, — зарычал он.

— Так разорви, — ехидно сказал Берк.

И тут все увидели их.

Четверо железноголовых гуськом продвигались по молу вперед.

Они не останавливались и не кричали. Подойдя на пятьдесят ярдов, двое выстрелили.

— Выводи лодки, — сказал Нис Талосу. — Расцепим потом, в море.

Талос ворочал руль из стороны в сторону, чтобы заставить сцепленные лодки сдвинуться.

Нис смотрел вверх, на паруса, ожидая ветра. Откуда он, с какой стороны? Но даже легкого бриза не чувствовалось. Верно, что соловьиный ветер. Никакого ветра. Штиль.

— Выводи скорей, — закричал он снова. Он огляделся в поисках весла или чего-нибудь, чем можно было бы оттолкнуться.

Он вдруг увидел лодки, которые должны были уйти первыми. Они находились на траверсе мола и шли под углом к нему. Их было три. Одна была с людьми. Она тащила на буксире другую, на которой паруса были спущены. В третьей сидел один человек. Эта шла только под кливерами.

Лодка Талоса отошла от причала, но Нису никак не удавалось развернуться. Он туго натянул кливер-шкот и привязал его. Потом бросился назад, к гроту.

Берк натягивал грота-шкот. Нис увидел, что вторая лодка все еще не отвязана. Обе лодки кренились на сторону и медленно кружились на месте. Стоун изо всех сил

дергал за конец цепи, но не мог его освободить.

— Ни черта не поддается, — рычал он.

Загремели подряд четыре выстрела. Нис услышал, как пули зашлепали по воде. Одна звякнула о дерево обшивки.

И вдруг рядом затрещал пулемет. Это грек во второй лодке дал очередь из своего мадсена. Про лодку он, видимо, совсем забыл. Он стоял во весь рост на баке и стрелял; неловко приложив пистолет-пулемет к плечу, как ружье, стрелял по четырем железноголовым, которые кричали что-то, столпившись на молу.

Нис с проклятием прыгнул во вторую лодку. Она теперь перетягивала лодку Талоса в свою сторону. Легкий бриз, поднявшийся с берега, надул паруса.

— Ложись на курс, — крикнул он Талосу.

— Ты меня тормозишь.

— Ставь грот по ветру. Ложись на курс, — закричал Нис. — Выходи и держи по ветру. Надо развернуться в разные стороны, тогда, может быть, лопнет цепь. Ложись на курс.

Он оставался во второй лодке, где грот не был натянут, а кливера полоскали по ветру. Не помня себя, он стал натягивать кливер-шкот, и в это время снова услышал выстрелы и ответную трескотню пулемета у себя над головой.

— Да отцепите вы эту лодку, — неистово закричал Берк.

Он натянул грота-шкот на лодке Талоса, и грот наполнился ветром, и обе связанные лодки понесло вперед. При этом они стукнулись бортами.

— Опускайте киль, — крикнул Нис Берку. Сам он во второй лодке бросил румпель и тоже взялся за киль.

Прогремели шесть выстрелов. Пули звонко застучали по обшивке бортов. Грек с мадсеном упал. Он свалился с бака, и пистолет-пулемет покатился Нису под ноги.

— Готов, — сказал Нис.

Стоун вдруг прыгнул в его лодку и схватил пулемет.

Теперь Нис и Стоун были в одной лодке. Берк с Талосом остались в другой.

— Слишком высоко целился! — закричал Стоун.

— Я так и знал, что этот болван стрелять не умеет, — сказал Берк.

Нис отводил гик в сторону. Лодка сильно кренилась под напором ветра, надувавшего кливера, и еще оттого, что первая лодка тянула ее за собой. Талос и Берк что-то кричали с той лодки, но за стрельбой и хлопаньем паруса ничего нельзя было слышать.

Нис споткнулся о банку, упал, но все же добрался до румпеля. Одной рукой он выпрямил руль, другой натянул до отказа грота-шкот. Гик пронесся у него над головой, и в ту же самую минуту Стоун с бака дал длинную пулеметную очередь. На молу закричали. Но гик уже встал на место, и Нис почувствовал, как лодка сдвинулась и пошла за буксиром.

— Выбирай, — крикнул он Талосу.

На молу вдруг затрещал пулемет. Обе лодки за это время успело снести ярдов на пятьдесят в сторону. Теперь они на всех парусах шли по ветру обратно. У Ниса расчет был на скорость хода. Сейчас обе лодки неслись прямо на мол. Чтобы изменить галс,

Талос и Нис должны будут развернуться в разные стороны. При этом цепь лопнет. Тогда они расстанутся и пойдут один к правому, другой к левому берегу, но это случится у самого мола. Оба хорошо понимали это. На молу опять затрещал пулемет.

— Давай, — крикнул Талос.

— Нет еще. Нет, — закричал Нис.

Стоун дал ответную очередь. Он стоял на баке без всякой опоры и, опустив ствол совсем низко, бил прямо по железноголовым, которые стреляли, лежа плашмя на молу. Он стрелял долгими очередями, медленно поворачивая ствол по кругу. Он видел в темноте, как летят брызги раздробленного камня и как точен его прицел.

У Ниса рука болела от напряжения, но он все натягивал и натягивал веревку, и обе лодки на раздутых парусах летели вперед. Он чувствовал сопротивление второй лодки, стремившейся оторваться. Берк и Талос нарочно раскачивали ее всем телом, чтобы сильней был напор на цепь.

Казалось, мол уже близко. Казалось, скорость слишком велика и вот-вот они налетят на мол. Нис дал лодкам подойти совсем близко и тогда закричал, пронзительно и зычно:

— Давай!

Он сильно потянул румпель на себя, и нос послушно повернулся. Талос сделал то же самое, лишь секундой позже. Он разворачивал свою лодку в противоположном направлении. На какое-то рискованное мгновение лодки стали неподвижно. Мол был уже рядом. И вдруг что-то треснуло, и лодки разом отделились друг от друга. От толчка обе лодки сильно накренились. Нис почувствовал, что его гик концом погрузился в воду. Но лодки уже были свободны.

Они были почти у самого мола. Нис поспешно натянул шкот. Важно было не упустить минуту.

Он точно рассчитал время.

Он навалился на румпель. Лодка стала поворачиваться на воде, сначала медленно, потом вдруг стала против ветра. Парус сильно рвануло.

Нис оглянулся на Стоуна. Тот топтался на баке, запутавшись в снастях.

— Выбирайся оттуда сейчас же, — крикнул он по-гречески. — Уйдите от кливера, — сказал он по-английски.

Стоун потерял равновесие и упал на переднюю банку. Кливера заполоскали, лодка повернулась еще и почти легла на курс. До мола было ярдов двадцать, не больше. Стрельба теперь не прекращалась, пули свистели кругом над головой, шлепались в воду. Щепки летели во все стороны. Стоун расстрелял свои патроны. Он бросил пулемет и оттащил раненого грека на середину лодки.

Нис правил по ветру, и лодка медленно удалялась от мола. За парусом он не видел, где вторая лодка, на которой были Талос и Берк. Он с трудом сдерживал парус.

— Идите сюда, — сказал он Стоуну.

Оба машинально пригибались при каждом выстреле, слыша, как трещит под пулями дерево бортов.

— Грот, — выговорил Нис.

Стоун сидел на дне лодки. Он подполз ближе и взял у Ниса из рук грота-шкот.

Лодка шла по ветру. Медленно. Неимоверно медленно. Но, держа такой курс, Нис все дальше уходил от мола.

Вдруг он круто положил румпель вправо. Нос тотчас же стадо заносить влево. Грот откачнулся назад. Стоуна застигло врасплох. Высокий парус, такой же, как был у Спада, но только поменьше, при неожиданном повороте едва не вырвался из рук.

Лодка легла на другой галс. Теперь она шла в направлении, параллельном молу. Но только вперед, к выходу из бухты в открытое море. И с большой скоростью. Большой скорости при таком ветре не могло быть. Она сильно кренилась на сторону, но Нис не выпрямлял ее, чтобы ветер наполнял паруса до краев.

Стреляли теперь не так часто, но он все ждал, когда же одна из многих пуль угодит в него.

— Где та лодка? — спросил Стоун.

— Не вижу.

— Она ушла от мола?

— Как я могу знать?

Они оглядывались во все стороны, почти забыв о пулемете на молу, который стрелял теперь явно вслепую, наобум. Они неслись с шумом рассекая воздух, и мол остался далеко позади.

— Вот она, — сказал Стоун.

Нис взглянул и увидал. Талос слишком затянул галс, не решаясь расстаться с попутным ветром. Теперь ему приходилось, в сущности, идти в обратном направлении. С мола опять открыли по ним стрельбу.

— Слишком затянул галс, — сказал Нис.

Кругом совсем стемнело. Точно синие тени двигались в неосвещенной комнате. Парус скользил едва заметным серым пятном. Нис вел свою лодку прямо к выходу в море. Впереди, у правого берега, он разглядел одну из лодок первой группы.

И тут он услышал стрекот мотора. Сначала с перебоями, потом мерно и ровно, на полный ход.

— Погоня, — негромко сказал Стоун.

— Мы пойдем вдоль берега. Только держите, не отпускайте, — сказал Нис про парус.

— Правьте к той лодке. Надо захватить Энгеса, — сказал Стоун.

— Он нужен Талосу. Мальчик не справится один.

— Его поймают. За ними идет моторка.

— Ничего, уйдут. Талос не может без него.

— Правьте к ним, — сказал опять Стоун.

— Нет. Я скажу ему, чтоб он шел вдоль берега.

— А он умеет управлять лодкой?

— Это всякий мужчина умеет, — сказал Нис сердито.

Обе лодки шли почти навстречу друг другу. Мерный стук мотора доносился в темноте. Бензина была уже недалеко. Лодка Талоса почти поравнялась с их лодкой. Она шла к противоположному берегу длинной и широкой бухты Сулии. Их разделяло теперь ярдов сто, не больше.

- Талос, — закричал Нис.
— Мы сейчас повернем, — отозвался Талос.
— Ступай к берегу, — сказал ему Нис. — Держись как можно ближе.
— Я пойду за тобой, — сказал Талос.
— Нет. Иди, как идешь. Разве ты не слышишь мотора?
— Слышу. Но так будет слишком долго. Я сейчас поверну.
— Если тебе жизнь дорога — не смей. Ступай к берегу. Вдоль берега и пойдешь.
— Твой *австралос* умеет управлять парусом?
— Нет.
— И этот тоже нет. Откуда только они, такие?
— Оттуда, где нет моря.
— Не могу понять, что за люди, дикари какие-то. Но ты скажи *австралос*, что я им друг.

— Хорошо, скажу. Смотри, правь к берегу.

Нис вспомнил, как обычно шли каики с грузом оружия. Старались по возможности не выходить на открытое место. Держаться поближе к берегу. Прячься в его тени. Лавировать короткими галсами. Никогда не убегать от погони. Короткие галсы на близком расстоянии от берега. Прячься. Прячься.

— Ну, как ты там? — крикнул Стоун Берку.

— Ничего, если только этот чертов грек знает, что нужно делать, — отозвался Берк.

— Мы идем к разным берегам, — сказал Стоун.

Теперь уже приходилось кричать. Стоун выпрямился во весь рост. Лодки относило все дальше одну от другой.

— Вы будете приставать к берегу?

— Нет, — прокричал Стоун. — Но смотри, чтоб он не отходил далеко от берега.

— А вы куда идите?

— К другому берегу.

— До свидания, — заорал Берк.

— До свидания, — крикнули они в ответ.

И Берк вместе с Талосом скрылись на другой стороне широкой сули некой бухты. Дизельный мотор стрекотал мерно и сдержанно. Нис слегка повернул руль, и лодка пошла почти перпендикулярно к берегу. Он то и дело оглядывался посмотреть, не видна ли моторка.

— Я ее не вижу, — сказал он Стоуну.

— Она близко. Я слышу ее, — Стоун свободной рукой старался перевернуть раненого грека на спину.

— Отпустите немного, — сказал ему Нис.

Стоун стал отпускать веревку, пока Нис не сказал: довольно.

Теперь дул свежий бриз, который крепчал, по мере того как они приближались к выходу из бухты. Поднялась легкая зыбь, и они качались на волнах, ожидая порыва ветра, который бы сразу подогнал их к берегу.

Нис правил прямо, пока лодка не вошла в тень высокого берега. Тут он

развернулся и переменял галс. Они шли теперь параллельно берегу, по направлению к мысу, за которым было уже открытое море. Моторка держалась посредине бухты. Они не видели ее, потому что луна зашла, и все тонуло в тени берегов.

Нис шел в рискованной близости от берега, отвесно обрывавшегося в море.

— Верно, за этой лодкой гонятся, — сказал Стоун. Он думал о Берке, которого лодка Талоса увозила на милю с лишним отсюда, на другую сторону бухты.

Стук мотора замирал понемногу.

— Если они будут держаться берега, их не найдут.

— Так-то так. А будет он держаться берега?

— Не знаю, — сказал Нис.

Он посмотрел назад, но увидел только суживающуюся глубь залива. Он повернул на несколько румбов, готовясь обогнуть мыс и выйти в открытое море. Он думал о том, где находится деревня Литтос. Туда направятся Талос и Берк, если им удастся выскочить благополучно. Там живет Хаджи Михали. Он все еще думал об этом, когда огибал мыс, и, обогнув, направил лодку прямо вдоль морского побережья.

Куда, он не знал сам. Сейчас важно было одно: подальше от моторки.

Раненый грек очнулся, когда они снова проходили мимо сулийской бухты. Обогнув мыс, Нис должен был взять курс на запад. Но на запад он идти не хотел, так как это привело бы их в Фаэстос. А от таких мест, как Фаэстос, лучше было держаться подальше. Это был город, и довольно большой. Нис решил до рассвета курсировать вдоль побережья, в надежде встретить вторую лодку, на которой были Талос и Берк.

Раненый грек пришел в себя.

— Это моя лодка? — спросил он.

— Твоя, — сказал Нис. Он и Стоун удивленно переглянулись. Они только что собирались посмотреть, жив ли еще этот грек. — Что у тебя болит? — спросил Нис.

— Спина, — сказал тот.

— Он ранен в спину, — сказал Нис Стоуну. — Привяжите парус, сможете тогда осмотреть его.

— Я думал, он убит, — сказал Стоун. Он закрепил грота-шкот и встал.

— Как это она в тебя попала сзади? — спросил Нис.

— Кто она? — Грек сидел на дне лодки и смотрел на темный парус, надутый ветром.

— Пуля.

— Никакой пули и не было. Просто я упал.

— Значит, ты не ранен?

— Нет.

— Ну тебя тогда к черту.

В темноте человека не было, был только голос. Но по голосу Нис угадывал весь склад человека, его вздорное упрямство, опрометчивость, бесшабашное отношение ко всему.

— Не похоже, чтоб он был тяжело ранен, — сказал Стоун.

— Он совсем не ранен. Он просто упал.

Стоун промолчал. Он снова отвязал грота-шкот и распустил парус по ветру.

— В какой стороне Литтос? — спросил Нис грека.

— У самого Кавро Мелисса.

Это был мыс милях в двадцати пяти от Сулии. Если держаться все время того берега, вдоль которого они сейчас шли, то рано или поздно они должны были попасть туда.

Нис больше ничего не сказал, но почувствовал облегчение.

— Все лодки увели? — спросил грек.

— Не знаю. Железноголовые выслали *бензина* в погоню за ними.

— Нам надо в Энтос, — сказал грек, вспомнив вдруг, что его спрашивали о Литтосе.

— В Литтос, — поправил его Нис.

— Литтос дальше Энтоса, — сказал сирносец.

— Свезешь нас туда, а потом можешь вернуться, — сказал Нис. Он сказал это, не

повышая голоса.

— Моя жена и все мои ждут меня в Энтосе.

— Что ж, разве из Литтоса туда пути нет?

— Пока я буду ездить взад и вперед, бензина меня нагонит.

— Послушай, — сказал ему Нис, — нас двоих и еще одного *австралос* обещали доставить в Литтос к человеку по имени Хаджи Михали, который связан с англичанами. Мы пробираемся в Египет.

— А мне нужно отвезти своих подальше на восток, — сказал сирносец.

— Поедешь за ними из Литтоса, — сказал Нис.

— К тому времени подоспеет погоня. Мне надо поскорей выбираться отсюда вместе со своими.

— Это ты прав. — Нис был верен себе.

— Чтобы выбраться с острова, мне пришлось взять чужую лодку. Из-за этого железноголовые уничтожили целую деревню, а того, кто дал мне лодку, повесили вместе с женой. Теперь мне нужно попасть в Литтос. Куда-бы я ни двинулся, из-за меня страдают вот такие, как этот, который должен кочевать со своей семьей, потому что по нашей вине у него сожгли дом и отняли лодку.

— Придется нам идти в Литтос пешком по берегу, — сказал он Стоуну по-английски.

— А почему не на лодке?

— Ему надо за семьей в деревню, которая ближе Литтоса.

— Что ж, он не может сперва довести нас?

Нис отрицательно покачал головой, но, впрочем, этого Стоун не мог видеть. Нис сидел, привалившись всем телом к румпелю. Усталость одолевала его так, что он с усилием размыкал слипавшиеся веки. Уже почти рассвело, и он даже рад был наступлению дня. Ему не хотелось сейчас думать о том, как они попадут в Литтос. Или о Берке. Или о том, удастся ли достать в Литтосе лодку, чтобы добраться до Египта, до англичан. Слишком дорого это должно было стоить. Он знал из собственного опыта, что лодка — это все. Никто так легко не расстанется с лодкой. Три года в каменном мешке в Лариссе, в безделье, полном, мучительном безделье, и не с кем даже перекинуться словом. Он успел позабыть, что значит лодка для человека. Но теперь он испытывал те же чувства, что и этот сирносец. Он помнил его слова: «Без лодки — значит с пустым желудком». Он понимал, отчего упрямый грек лежит на дне своей лодки и его не тянет взяться за руль или за конец грота-шкота, ему хочется только отдохнуть. А еще больше хочется стать снова хозяином своей лодки.

— Может быть, Берк уже там, — сказал Стоун.

— Как только мы попадем туда, опять начнутся трудности.

— Мне не очень нравится, что мы идем в большую деревню.

— Не в том дело, — сказал Нис. — Но ведь, чтоб ехать в Египет, нужна опять лодка.

— Кто этот грек, про которого они говорили?

— Хаджи Михали. Должно быть, энергичный человек, который продолжает борьбу.

— А лодка откуда возьмется?
— Может быть, он держит связь с англичанами. На это вся надежда.
— Никому не охота отправлять свою лодку в Египет.
— Вполне понятно.
— Остается, значит, одно — украсть лодку.
— Этого мы не сделаем, — сказал Нис.
— Пожалуй, что нет. Но тогда, рано или поздно, нас тут поймают.
— Посмотрим, что скажет этот Хаджи Михали.
— Посмотрим. Если у него действительно есть связь с англичанами. — По тону, которым были сказаны эти слова, ясно было, что Стоун не очень верит в это.
— Вы думаете, это невозможно?
— Сомнительно, — сказал Стоун.
— Неужели англичане совсем отказались от Крита?
— Очень похоже, — устало сказал Стоун.
— Это было бы глупо. На острове все против железноголовых. Как раньше были против Метаксаса.
— А что же, по-вашему, могут сделать англичане?
— Борьба все равно будет идти. Критяне ненавидят железноголовых.
— Допустим. Но что тут могут сделать англичане?
Нужно было менять галс и отойти от берега, который вдруг оказался рядом. Когда лодка выровнялась и пошла дальше, они продолжали разговор.
— Могут посылать на Крит оружие. Могут помочь населению организовать, — сказал Нис.
Стоун демонстративно засмеялся.
— Не верите? — спросил Нис.
— Нет.
— Не понимаю, почему.
— Я сам иногда не понимаю, — сказал Стоун, чтоб кончить разговор.
— С такой политикой они проиграют войну, — внушительно сказал Нис Стоуну.
— Меня вы не уговаривайте, — сказал Стоун.
— Не думаю, чтобы англичане были так глупы. Чтобы они не понимали собственной выгоды.
— Поживем — увидим, — сказал Стоун и опять недоверчиво засмеялся.
Нис больше ничего не сказал. Лодка кренилась на правый борт. Ветер крепчал и хорошо надувал парус, похожий на крыло чайки, Стоун уже успел овладеть несложным искусством натягивания шкотов.
Этого было достаточно.
— Мы идем в Литтос. Наверно, Хаджи Михали держит связь с англичанами. Англичане не так глупы, чтобы оставить Крит на произвол судьбы.
— Дай, я буду править, — вдруг сказал сирносец.
Он спал, и неожиданный крен лодки разбудил его.
— Далеко еще до твоего Энтоса? — спросил его Нис.
Сирносец взгляделся в очертания гористого берега, темневшего сквозь утреннюю

мглу.

— Еще час, — сказал он.

Он взял румпель из рук Ниса. Нис перешел на нос и там лег на мокрое дно, упершись ногами, чтобы не перекачиваться при качке.

И так он уснул.

Через час сирносец разбудил его. Нис сразу почувствовал, что лодка лежит в дрейфе.

— Высаживаться будете в Энтосе? — спрашивал сирносец.

— Там есть железноголовые? — спросил Нис, приподнимаясь.

— Не знаю, — сказал сирносец. — На этом берегу еще много деревень, до которых железноголовые не добрались.

— А ты не можешь спустить нас на берег, не доезжая Энтоса?

— Могу.

— Так будет лучше, — сказал Нис.

Уже совсем рассвело. Нис посмотрел на Стоуна, который огромным калачом свернулся под банкой и крепко спал, не чувствуя даже, что ноги у него в воде.

— Я рад бы довести вас до Литтоса, но это невозможно.

— Я понимаю, — сказал Нис. — Дороги тут, в Энтосе, есть?

— Нет.

— А в Литтосе?

— Тоже нет. Тут только морем ездят. В Литтосе плетут сети и делают вино.

— Значит, должны быть какие-то пути.

— Нет. Только морем.

Они снова развернули лодку на курс. Лодка накренилась под ветром и заскользила к узкому заливчику, одному из тех, что лежали между морем и крутыми холмами берегов.

Стоун проснулся и сел.

— Приехали? — спросил он.

— Да, — сказал ему Нис. — Мы высадимся, не доезжая деревни.

Они шли левым галсом, покуда не очутились у входа в изогнутый полумесяцем залив. Тут сирносец переменял галс и с попутным береговым ветром вошел в залив, на ходу убрав киль. Нис направил лодку к отлогому месту берега, развернулся по ветру, и корма врезалась в песчаную отмель.

— Здесь есть еще деревни на пути к Литтосу? — спросил он сирносца, стараясь перекричать хлопанье парусов.

— Есть. Все рыбацьи деревни.

Стоун уже соскочил с кормы на мокрый песок и отошел подальше, чтобы не попасть под косые взбрызги набегающей волны.

— Адио, — сказал Нис сирносцу.

— Адио. Прими мою преданность за то, что помог выручить лодку.

— Я благодарю тебя и понимаю, — вежливо сказал Нис.

— Объясни этому младшему *инглезос*, что я не бегу от железноголовых. Объясни, что мне и моим надо податься на восток. Но я не бегу. По мне железноголовые и

метаксисты — одно и то же. Я и там могу бороться против тех и других. Но чтобы бороться, мне нужна лодка.

— Я все скажу, — нетерпеливо отозвался Нис.

— Скажи ему, что лодка — это хлеб для рыбака и для его семьи тоже. Вот почему плохо иметь дело с семейными людьми. В борьбе с железноголовыми и метаксистами крепче всех тот, у кого нет семьи, нет нашего и моего. И нет лодки, о которой надо беспокоиться. Он поймет, как ты думаешь?

— Поймет, поймет, — сказал Нис.

Он толкнул лодку обратно в воду. Сирносец отвязал грота-фал и спустил гафель. Он готовился идти только под кливерами, потому что с гротом и с кливерами не справиться одному.

— *Адио*, — сказал Нис еще раз.

— Объясни ему хорошенько, и сам тоже постарайся понять.

— Хорошо.

— *Адио*, — сказал сирносец. Он потянул за кливер-шкоты, и кливера надулись ветром. Он вышел в море, лавируя короткими галсами.

Нис и Стоун, одни на пустынном берегу, некоторое время смотрели ему вслед. Потом Стоун сказал:

— Пулемет остался в лодке.

— Ничего, он там нужнее, — сказал Нис.

— Жаль, что этот грек не захотел идти в Египет.

— Нет, не жаль, — сказал Нис.

И они стали взбираться вверх, чтобы идти на восток, к Литтосу, где, может быть, ждал их Берк.

Только через три дня они добрались до Литтоса. Они прошли дальше, чем было нужно, и это отняло у них целый лишний день. Выяснилось это на второй день к вечеру. Нис зашел в пастушью хижину купить немного хлеба и чеснока, и пастух сказал ему. На много миль кругом Литтос был единственным местом, где были виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады.

Нис сразу же вспомнил, что они проходили над таким местом. Они повернули назад, шли всю ночь и утро и легко нашли его опять. Спустившись в долину, они миновали несколько одиноких домиков и, наконец, очутились в деревне, расположенной там, где долина, изгибаясь, выходила к морю. Она была не так уж обширна, как расписывал пастух. Небольшая котловина, окруженная с трех сторон горами и с четвертой замкнутая морем. Единственным населенным пунктом в ней и была деревня Литтос.

Литтос тянулся вдоль ломаной линии побережья и частью вдавался в глубину плодородной маленькой долины. Наподобие буквы Т. Это было селение, сочетавшее в себе черты рыбацкого поселка и винодельческой деревни. Сады и рощи были разбросаны в беспорядке. Но всюду чувствовалось изобилие. Маслины, абрикосы, виноград и хурма росли попеременно.

Почва здесь была такая же, как и в Мессаре, — триасовые известняки. Дома в деревне были из камня, глинобитных хижин вовсе не попадалось. Многие дома были выбелены, что на Крите редкость.

Нис и Стоун вышли к деревне узкой тропой, со стороны гор. Дорогой они видели группы крестьян, работавших в долине: они подрезали лозы, другие снимали созревшие абрикосы. Попадались навстречу мулы с корзинами, полными винограда.

Нис и Стоун не заговаривали ни с кем, пока не вошли в деревню.

Правильных улиц в Литтосе не было. Каменистые тропки вились между домами в самых неожиданных и неопределенных направлениях. Нис и Стоун, не останавливаясь, прошли эту часть деревни и вышли к побережью. Здесь все было такое, как в Сирносе, только больше, и без голубой дороги. Полоса белого камня тянулась вдоль длинного ряда домиков, обращенных на восток, отделяя их от взморья. Но к деревне не вело никаких дорог.

Вдоль всей прибрежной полосы были вбиты колья для просушки сетей. Кое-где возились рыбаки, чинившие сети; дальше на воде покачивались ряды одинаковых маленьких лодок. Нис взгляделся, но лодки Талоса не было видно. Когда они шли по взморью, все с любопытством оглядывались на них, но вежливо молчали. Он подошел к одному рыбаку и остановился.

Рыбак, с которым Нис собирался заговорить, наматывал на колышек веревку для сети, пропуская ее между большим и вторым пальцами правой ноги. Его коричневую от загара голову прикрывал вязаный колпак.

— *Калимера*, — вежливо сказал Нис.

— *Калимера*, — ответил рыбак, чинивший сеть.

Нис решил, что лучше всего приступить прямо к делу.

— Я ищу мальчика по имени Талос, из Сирноса, и с ним должен быть еще один человек.

— Эта деревня называется Литтос, — сказал рыбак.

— Знаю. Он приплыл в Литтос на своей лодке.

Рыбак ничего не ответил.

— А больше здесь никого нет из Сирноса? — спросил его Нис.

— Не слышал что-то.

— Тогда скажи мне, где найти человека по имени Хаджи Михали.

Рыбак перестал наматывать веревку, но ничего не сказал. Подошли еще двое и остановились рядом.

— Ты кто такой? — спросил один.

Нис знал, что эти люди настороженно приглядываются к ним. Знал и то, что должен говорить о себе начистоту.

— Я Нис Галланос. Я попал сюда из Сирноса, который разрушили дотла.

— А этот? — про Стоуна.

— Он франк. — Нис употребил слово, которым обычно называют всякого иностранца.

Рыбак, чинивший сеть, пристально посмотрел на Стоуна, но тот встретил его взгляд не мигая. Его большие голубые глаза смотрели открыто и доверчиво.

— Идите за мной, — сказал рыбак.

Он обтер потные ладони о парусиновые штаны, сунул ноги в сандалии на деревянной подошве и пошел вдоль каменистой улицы.

— Узнали что-нибудь? — спросил Стоун Ниса.

— Пока ничего. Нам не доверяют.

— Лодки, на которой ехал Берк, я здесь не заметил, — сказал Стоун.

— Да, ее, по-видимому, нет здесь.

Они замолчали, потому что рыбак, шедший впереди, оглянулся и покачал головой в знак того, что разговаривать не следует. Женщины оглядывались на них, голые ребятишки бежали вслед, потом отставали. Был полдень, и, проходя по дороге, они поднимали облачко горячей пыли.

Рыбак вел их извилистыми проходами мимо белых каменных домиков. Они шли к другому концу деревни, где дома были побольше. Земля здесь вся была занесена тонким слоем мелкого белого песка. Камни были гладко отполированы этим песком.

Рыбак остановился у длинной низкой хижины и постучал в дверь, состоявшую из двух створок, верхней и нижней. Потом ударил в нее ногой.

— Сарандаки, — крикнул он. Слово это по-гречески означает «сорок», но он, видимо, употреблял его как собственное имя.

— Говори, кто, — послышалось из-за двери.

Рыбак назвал себя.

— Политис, — сказал он.

Верхняя створка двери отворилась, и в просвете показался человек еще крупнее Стоуна. По лицу сразу можно было угадать в нем грека, но кожа у него была черная,

как у египтянина или сирийца, настоящий джинн. Большой, темно-коричневый череп был совсем голый, глаза прятались в мелких морщинках, выражение было настороженное.

— *Калимера*, старый филин, — сказал он.

— И тебе *калимера*, — сказал рыбак.

— Это кто еще? — Он смотрел на Ниса и Стоуна.

— Отвори дверь.

— Погоди, не торопись. — Великан, которого звали Сарандаки, видно, был с хитрецей.

— Отворяй дверь, — повторил рыбак.

— А зачем? — спросил тот и широко, во весь рот ухмыльнулся.

И снова Нис подумал, что надо говорить все начистоту.

— Я Нис Галланос. Мне нужно повидать людей из Сирноса или же Хаджи Михали.

— Они только тебя и ждут, — насмешливо сказал Сарандаки и захохотал, точно из кузнечных мехов воздух вырвался.

— Мне надо их видеть, — твердо сказал Нис.

— Послушай, молодой филин. Приходишь ты сюда, да еще не один, а с каким-то франком, и говоришь: подайте мне Хаджи Михали. А с чего ты взял, что я его знаю?

— Знаешь, — сказал Нис, глядя ему прямо в глаза. — Скажи, где молодой сирносец?

— А зачем тебе?

— Затем, что мне нужен Хаджи Михали. Где мне его найти?

— Да ты, видно, сам все знаешь. — Сарандаки весело смеялся.

— Нет, я не знаю, — сказал Нис. — Скажи, где.

— Ну-ну, поспокойнее, — сказал Сарандаки медленно и со вкусом. Ему все это явно нравилось. — Я про такого и не слыхал никогда.

— А Талоса знаешь? Брата Экса.

— Нет.

Нис терпеливо стал рассказывать все с самого начала; про то, как они угнали лодку из Сулии, как Талос и еще один *австралос*, по имени Берк, отправились в Литтос.

Сарандаки с минуту глядел на него испытующе.

— Может быть, и найдется тут кое-кто из Сирноса, — сказал он и снова засмеялся.

Он вышел на улицу и повел их к другой, такой же длинной и низкой хижине, стоявшей у самого моря. Он распахнул цельную, плетеную из раффии дверь.

— Вот, поищите тут своих сирносцев, — сказал Сарандаки, указывая внутрь хижины.

Нис вошел первым, Стоун за ним. Пол в хижине был каменный. В углу лежала большая куча белых губок. В другом углу, в темноте, шевелились люди.

— Талос, — окликнул Нис. Ничего нельзя было разглядеть. — Талос, — повторил он наугад. Он еще не был уверен, здесь ли Талос.

После паузы:

— Да? Кто это, Георгий?

— Нет. Это Нис Галланос.

Талос вступил в освещенную полосу у двери. Его лицо Пана светилось невинным лукавством.

— Хо! — закричал он. — А мы думали, вас поймали.

Он крепко жал руку Нису, а Берк в это время подошел и просто стал рядом. Это было очень похоже на Берка. Всем своим видом он как бы старался показать, что ничего не случилось. Они неожиданно появились здесь, и он их встречает. Ничего больше. Но встречает тепло. А Стоуну он даже попросту рад. Нис чувствовал скрытую теплоту в отношениях между этими двумя людьми и ценил ее.

— Здорово, Стоун, — первым сказал Энгес Берк.

Его слова послужили сигналом. Все трое пожали друг другу руки. Вышло это торопливо и немного неловко, особенно у Энгеса Берка с Нисом.

— Когда вы попали сюда? — спросил Стоун.

— На второй день. А вы куда девались?

— Шли пешком, — сказал Нис.

— Они потопили вашу лодку? — спросил Ниса Берк.

— Нет, — сказал Нис. — Мы шли пешком только от Энтоса.

— Мы чуть-чуть не угодили им в лапы, — сказал Берк.

— Слышно было, как они гнались за вами, — сказал Стоун.

— Этот сорвиголова сразу же стал править в открытое море. А они, видно, искали нас у берега.

Нис между тем спешил поговорить с Талосом обо всем. Об Энтосе. Нет, сначала о бензине. Потом о Хаджи Михали и о том, что Экса, брат Талоса, еще не вернулся из Египта.

— Пока его нет, я живу тут, в хижине у ловцов губок, вместе с твоим *австралос*, — сказал Талос Нису.

— Разве литтосийцы занимаются ловлей губок?

— Нет. Но ловцы приходят сюда на лето.

— Этот вулкан Сарандаки тоже из них, судя по цвету его кожи?

— О, это знаменитый Сарандаки. — Когда мальчик рассказывал о чем-нибудь, лицо его всегда принимало лукаво-довольное выражение. — Знаешь, откуда у него такая кличка? Он и его два брата умели нырять на сорок морских саженей. Целых сорок. Чем глубже, тем губки лучше.

— Братья тоже здесь?

— Нет. Теперь только Сарандаки и остался. Один брат раз как ушел под воду, так и не выплыл больше. А другого где-то метаксисты прикончили.

Нису смутно вспомнились ловцы губок из Фамагусты, такие же черные от солнца и ветра и с могучей грудной клеткой, развитой затяжным дыханием.

— Где же твой Хаджи Михали? — спросил Нис.

— Здесь.

— Наладил он связь с англичанами?

— Не совсем еще, — сказал Талос. Опять у него появилось это выражение сосредоточенного лукавства. — Я сейчас пойду поговорю с ним о вас. — Потом: — Мы с *австралос* только что завтракали. Садитесь и вы. Что есть — все ваше.

Ответа он не стал дожидаться, толкнул дверь и вышел.

— Куда он пошел? — спросил Берк.

— К этому Хаджи Михали, — сказал Нис.

— Вы знаете, — сказал ему Берк, — ваш Хаджи Михали тут заправляет всем.

Они прошли в дальний угол комнаты, и Берк открыл ставни, которые он захлопнул, когда слышал их шаги. Стало светло, и Нис увидел на земле чашку с тертым чесноком и круглый крестьянский пшеничный хлеб. Они сели и с голодной жадностью принялись за еду.

— Я ничего о нем не знаю, — сказал Нис.

— Счастье будет, если нам удастся отсюда выбраться, — сказал Берк.

— Вы уже пробовали заводить разговор? — спросил его Стоун.

— Тут еще есть пятеро, кроме нас, — сказал Берк. — Наверху, в горной хижине, засели два английских офицера и трое томми. Я завтра собирался сходить к ним туда. Пошел бы раньше, да все вас ждал.

— Англичане? — спросил Стоун.

— Он обещал отправить их? — спросил Нис.

— Нет. Этот Хаджи Михали ни одной лодки не хочет выпустить отсюда.

— Почему?

— Не то ждет англичан, не то собирается кого-то выкуривать с какого-то острова.

— Откуда это известно?

— Среди англичан есть один майор. Он говорит по-гречески. Он на этого Хаджи Михали зол, как собака, за то, что тот не хочет дать ему лодку. А Михали не дает, пока не приедет кто-то из Египта. Он, видно, сам что-то затевает с лодками. Мы тут просидим до будущего года.

— Вот черт, — сказал Стоун. — Никто не хочет давать лодку.

— А вы как думали? — быстро спросил Нис.

Стоун даже растерялся. Потом добродушно усмехнулся и покачал головой.

— Никак, — сказал он.

— Вот вы все увидите сами, — сказал Берк. — Там, на горе, уже грызутся между собой. Этот Михали не дает им лодки. А они со дня на день ждут сюда железноголовых. — Он нарочно употребил это слово.

Некоторое время они ели молча.

Потом возвратился Талос. Он пришел за Нисом, чтобы вести его к Хаджи Михали. И Нису теперь особенно хотелось поскорей увидеть этого человека с железной хваткой, который так полновластно распоряжается всем, и спорит с англичанами, и ни одной лодки не отпускает в Египет.

Он встал и вместе с Талосом пошел к Хаджи Михали.

У него были совсем белые волосы, густая грива, такая же пышная, как у Ниса, только белая, не черная. Он был невысокого роста, еще меньше Ниса. Но загорелый, почти такой же смуглый, как Сарандаки, ловец губок. Глаза были черные, и в углах глаз много мелких морщинок, стягивавшихся, когда что-нибудь веселило его, а это бывало часто. Но взгляд открытый, прямой, и глаза смотрели не мигая. Ему было лет сорок, а может быть, пятьдесят или шестьдесят. Во всяком случае, человек этот прожил немало, но был подтянутый и крепкий, и в нем чувствовалась не тяжесть лет, но зрелая сила.

— Так тебе не терпится удрать отсюда? — были его первые слова.

— Удирать я не собираюсь, — ответил Нис.

— Молодой Талос говорил, что ты направляешься в Египет.

— Разве это значит удирать? — спросил Нис.

— Как смотреть, — сказал Хаджи Михали.

Они стояли друг против друга, и у обоих был одинаковый взгляд, испытующий и в то же время настороженный. Они находились в кухне просторного каменного дома. Стены были голые, с потолка свешивались гирлянды чеснока. На решетке очага лежал вертел и стояла медная посуда. Один медный кофейник грелся на небольшом огне. Хаджи Михали, видимо, только что кончил завтракать. Талос стоял у притолоки и, явно наслаждаясь происходящим, тербил свои светлые волосы.

— Разве там войны нет? — не повышая голоса, сказал Нис.

— Есть, — сказал Хаджи Михали. — Но и здесь война.

— Дело будет решаться там. Где-нибудь. Только не здесь.

— Здесь тоже. То, что здесь, очень важно. — Хаджи Михали движением головы подчеркнул свои слова.

— Нет.

Они стояли друг против друга, как два борца, выжидательно застывших посреди ринга.

— Чтобы раздавить железноголовых, нужно взяться всем. И нам тут тоже. Это забота не одних только англичан.

— Верно, — сказал Нис. — Но сейчас большая часть этой заботы лежит на них.

— И потому ты пробираешься к англичанам?

— Да, потому. Хоть я не так уж верю в них, — сказал Нис.

И тут на Хаджи Михали вдруг нашло веселье, словно он получил подарок, о котором и не помышлял перед тем. В черных глазах заплясали искорки, а по углам стянулись благодушные морщинки.

— Принимаю тебя, молодой орел, — сказал он улыбаясь.

Нис не знал, что ответить. Эта неожиданная перемена была слишком уж скоропалительна.

— Откуда ты родом? — спросил его Хаджи Михали.

— Из Патраса. Я Галланос.

— Каичник?

— Да. Ходил на каиках с отцом.

— Мятежник Галланос — отец твой?

— Да.

— Я знал его, — довольным тоном сказал Хаджи Михали. — Да его все знали. У меня тут до сих пор есть кое-какое оружие из Кувейта.

— Нас поймали, когда мы везли его, — сказал Нис.

— Знаю это. А что же стало с отцом?

Нис покачал головой:

— Не знаю.

— А тебя отпустили?

— Я сидел в крепости в Лариссе до самого начала войны. Потом меня взяли в армию и привезли сюда, на Крит, вместе с англичанами и македонцами.

— Но почему же все-таки ты хочешь в Египет?

— Здесь нечего делать, — упрямо сказал Нис. — Чтобы довести все до конца, нужна большая сила, а такая сила есть только у англичан.

— Здесь тоже дело найдется. — Хаджи Михали энергично тряхнул головой, и белая грива распушилась.

— С железноголовыми надо покончить раз и навсегда, а здесь это невозможно.

— Послушай меня, — настойчиво продолжал Хаджи Михали. — Все то, что мы готовили метаксистам, теперь обращено против железноголовых. А это не так мало.

— Что же, вы думаете напасть на них?

— Именно так. Забавно, что на долю старшего брата должно прийти то, что мы готовили для младшего. Если б не война, мы бы уж покончили с метаксистами.

— Все равно это мелочь, — сказал Нис.

— Знаю. Но ведь сейчас речь идет о железноголовых, а это уже серьезно. То есть это то же самое, но только больше. Нужно действовать. И действовать вместе с англичанами, вместе со всеми, кто ведет борьбу против железноголовых. Особняком — не годится.

— Ты уже получил ответ от англичан?

— Нет. Но Экса скоро должен вернуться.

— Значит, дело за этим? Ты ждешь ответа?

— Нет. Мы все равно начнем.

Видно было, что Хаджи Михали полностью и безраздельно захвачен тем, о чем он говорил.

— Что начнете?

— Гавдос.

Гавдос — скалистый остров, напоминающий Мальту, милях в тридцати от Латтоса. Нис вспомнил, как он обходил там прибрежные рифы.

— А что там, на Гавдосе?

— Крепость. Ты разве не знаешь? Там заключены все наши, кто был против Метаксаса. Это тюрьма.

— Да, я слышал про это.

— Там их двадцать человек. Не меньше десяти я знаю лично. Все из Литтоса. Остальные — ловцы губок.

— И ты хочешь идти на Гавдос, чтобы освободить их? — недоверчиво спросил Нис.

— Ну да. Именно. — Хаджи Михали терял терпение. Это был человек, который всегда горел. Белая грива развевалась вокруг его головы, точно пламя.

— А кто охраняет лагерь?

— Пока метаксисты. Мне известно, что железноголовых там еще нет. Представляешь, что будет с этими людьми, когда железноголовые придут туда? Представляешь?

— Да, — сказал Нис. Он думал о Спада.

— Они хуже, чем метаксисты. Там все антиметаксисты, в лагере на Гавдосе. Их нужно освободить раньше, чем железноголовые вспомнят про Гавдос.

Нис ничего не ответил.

Его прежде всего удивило, что немцы до сих пор не заняли Гавдос. Он смотрел на Хаджи Михали и видел, что вовсе это не такой спокойный, благодушный человек, каким он иногда казался. И не такой грозный, одержимый, каким становился в другие минуты. Но и то и другое в нем было. Кроме того, у него был острый взгляд и острый ум — с таким сочетанием приходилось считаться.

— Я просил англичан, которые здесь, помочь нам, потому что мы сами не управимся с орудиями, — сказал он.

— С какими орудиями?

— У нас есть минометы, — сказал Хаджи Михали. — Они для этого дела очень необходимы.

— Откуда они у вас?

— Здесь недалеко упал *аэроплано* железноголовых, там мы их взяли.

— Сколько их?

— Три. Но до чего хороши. Толстые, как гуси, а сила какая.

— Почему же они так необходимы?

— Без них в бухту Хавро Спати не проберешься. Я тебе объясню почему. На Гавдосе есть три маленьких форта, где установлены пулеметы, и, пока они целы, в Хавро Спати не проберешься. Но они очень высоко. Разрушить форты может только орудие, которое стреляет минами.

— А ночью нельзя подойти?

— Нет. Там кругом рифы, и очень много подводных. Нужно, чтобы было совсем светло.

— Как же вы раньше собирались это сделать? — недоумеая, спросил Нис.

— Мы и не собирались. Думали попытаться гранатами, но у нас нет гранат. Невозможно было что-нибудь сделать, пока пастух Идрис не нашел в горах *аэроплано*, на котором были минометы. Тогда стало возможно. А потом стало опять невозможно, потому что мы не знали, как с ними обращаться. Потом пришли англичане, и опять стало возможно. Ведь англичане все знают толк в машинах. Вот мы и обратились к ним.

— Как?

— Один из них говорит по-гречески, так что хоть с трудом, но разобрать можно, — сказал Хаджи Михали.

— Англичанин говорит по-гречески? — Нису не верилось.

— Я тоже удивился. Но он заладил одно. Требуется, чтоб я дал ему лодки. А где же взять для него лодки? Вот я и обратился к нему за помощью. Как ты думаешь, все англичане умеют стрелять из таких орудий?

— Вероятно, — сказал Нис, хотя он сам не был уверен.

— Потом я дам им лодку. Но не сейчас. Чтобы освободить заключенных с Гавдоса, нам понадобятся все наши лодки. И англичане понадобятся, потому что кто-нибудь должен стрелять из миномета. Да и лишние люди пригодятся.

— И ты пообещал им лодку, если они согласятся?

— Да. Когда все будет кончено. Я охотно дам им свою лодку. Или пошлю Экса отвезти их, если он вернется к тому времени.

— Откуда вернется? — Нис уже проникся чувством важности того, о чем шла речь.

— Я послал Экса на его лодке к англичанам. Он скоро должен возвратиться.

— Знаю. Но куда именно он поехал?

— В Александрию.

— Значит, это через него ты ждешь ответа от англичан из Египта?

— Да.

Сейчас, столкнувшись так близко с человеком, который пытался установить связь с англичанами, Нис вдруг начал сомневаться и понял сомнения Стоуна. Именно здесь, где попытка была уже сделана, это казалось нереальным.

— Как же ты все-таки рассчитываешь подойти туда? — спросил он.

— С моря. Это единственный путь, потому что лагерь, в котором они заключены, наверху, над бухтой Хавро Спати. С суши туда попасть невозможно. Все подступы сильно укреплены.

— И эти три форта держат под огнем всю бухту?

— Да. Когда они стреляют, пройти невозможно. Все три форта надо разрушить. Поэтому начинать должны минометы.

— А как вы попадете туда, кто проведет вас? — настаивал Нис.

— Сарандаки, ловец губок, знает путь как свои пять пальцев. Он много раз нырял за губками в бухте Хавро Спати, еще до Метаксаса. Но это будет не просто.

— Стрелять из минометов с лодки тоже не просто.

— Это уже дело англичан, — твердо сказал Хаджи Михали. — Если они согласятся, это уж их дело. Но мы зависим от их умения, потому что форты закрывают доступ в Хавро Спати.

— А если форты удастся разрушить? — Мало-помалу весь план становился ясен Нису.

— Остаются еще проволочные заграждения на берегу, в том месте, где песок. Понимаешь, лагерь устроен на высоком обрыве. Сейчас же за проволокой начинается ущелье. Это единственный путь в лагерь.

— И проволока загораживает его?

— Да. Но если англичанам удастся разрушить форты, с проволокой справиться будет не трудно. Прежде всего надо разрушить форты.

— Какой там гарнизон?

— Мы не знаем. Но в Элезии на Гавдосе гарнизон большой. И надо все сделать очень быстро, чтобы оттуда не успело подойти подкрепление.

— Все это будет очень трудно, мне кажется, — живо сказал Нис.

— Да, не легко, — сказал Хаджи Михали. — Но если ты и в самом деле знаешь по-английски, как я слышал от Талоса, ты уговоришь англичан.

— Попробую, — сказал Нис, не задумываясь.

— Где сын Галланоса выучился английскому языку?

— На Кипре.

— Ну вот ты и уговоришь их. Можешь ты сделать так, чтоб они тебя послушались?

— Не знаю, — отвечал Нис. — Странно, что англичане не взяли лодок просто так.

— Взять просто так они не могут.

— Им настолько не терпится уехать, что я не удивился бы, — с усмешкой сказал Нис.

— Лодки у нас стоят в закрытой бухте, — сказал Хаджи Михали. — Не думай, что мы так доверчивы. Я сказал тому, который говорит по-гречески, что расстреляю всякого, кто вздумает взять лодку без спроса. Да, всякого, и даже англичанина, так я сказал ему, хоть не знаю, понял он или нет. И это правда. Разве я могу сейчас отпустить хоть одну лодку? Вот вернется Экса, пусть едут с ним. Чего им еще нужно?

— Они торопятся. — Нис вспомнил Берка.

— И мы тоже. Времени терять нельзя, потому что железноголовые скоро будут здесь. Что, англичане все такие нетерпеливые?

— Они не любят ждать и откладывать.

— А тех двух *австралос*, что с тобой, ты можешь уговорить?

— На это?.. Не знаю. Нет, не знаю, — повторил Нис как бы про себя.

— Уговори их, — сказал Хаджи Михали очень твердо и внушительно. И сразу же засмеялся с обычной для него отходчивостью.

— Когда ты думаешь начинать?

— Как можно скорее. Если мы не добьемся ничего от англичан, мы начнем без них. Потому что железноголовые со дня на день могут прийти туда. И сюда тоже. А сейчас нам никто не мешает. Нам было легко подготовить все, потому что здешних метаксистов, полицейских и сборщиков налогов мы захватили сразу.

— А если англичане откажут?

— Если откажут, будем действовать без них. Но это почти невозможно. Ты им растолкуй про метаксистов.

— Они не поймут.

— Чего же тут не понять? Разве им никогда не говорили, что есть такие люди, как метаксисты? Что они сосут кровь из народа?

— Все это они знают, — сказал Нис почти со злостью. — Но они считают, что им до этого дела нет.

— Что ж, растолкуй им еще раз. Расскажи, что проделывали здесь, в Литтосе. У нас тут маслины лучшие на Крите, не считая разве Мессары. Весь урожай мы должны были продавать метаксистам. Их власть, их фабрики и заводы. И хозяевами земли тоже были они. Вот они и делали что хотели. Мы должны были продавать по той цене, которую назначали они. Мы отвозили на их склады и маслины, и рыбу, и даже вино, которое давили у себя здесь. Они высасывали из нас все. Высасывали кровь. А платили горсточкой драхм. Кто противился, того отправляли на острова. На тот же Гавдос хотя бы. Вот и объясни англичанам, что мы хотим освободить литтосийцев из гавдосского лагеря.

— Что вы сделали с метаксистами, которых захватили здесь? — Нис понемногу постигал всю огромную силу, которая была в этом человеке, и дивился ей.

— Посадили под замок. Так, как раньше они сажали нас. Туда же и посадили. В дом, где мэрия.

Нис едва успевал опомниться. Хаджи Михали в торопливой, прерывистой, но вразумительной речи выкладывал ему всего себя.

— Медлить нельзя. Если наши антиметаксисты попадут в руки железноголовых, их изрубят на куски, — сказал Хаджи Михали, как будто вот именно сейчас, сию минуту нужно было начать действовать.

— Если минометы целы... — Нис не кончил фразы.

— Они в разобранном виде. Части лежат у ловцов губок. Но сразу видно, что это прекрасное оружие.

— И мины к ним тоже есть?

— Три ящика мин. И еще у нас есть два маленьких пулемета. Послушай, молодой орел, — с жаром продолжал Хаджи Михали, — уговори англичан. Если ты сумеешь растолковать им как следует, половина дела сделана. Ты в самом деле знаешь их язык? Ступай к ним сейчас же.

Нис уже загорелся. Ему незачем было вспоминать крепость в Лариссе, где метаксисты три года продержали его в заточении. Незачем было представлять самого себя в лапах у железноголовых. Не нужно было думать и решать. Все было ясно. Надо идти и делать. К чертям все, но только вырвать этих антиметаксистов из гавдосской тюрьмы. Но первая задача — уговорить англичан. И прежде всего — Стоуна и Берка. Энгеса Берка.

Нис знал, что от него сейчас зависит многое.

Он готов был понять этих людей, если они не захотят.

Он — другое дело. Знать метаксистов так, как он их знал, ненавидеть их, на себе испытать их ненависть — и так же ненавидеть железноголовых. Этого было достаточно.

Если те двое не поймут, я не вправе укорять их. Берк наверняка не поймет. Стоун, тот чутьем доходит до того, чего не умеет понять до конца. Но Берк не захочет понять, хотя уменье у него есть. Наверняка не захочет.

Нис еще не сознавал, что для него, Ниса, все это уже никак не связывалось с лодкой. Просто нужно было вовремя освободить с Гавдоса заключенных литтосийцев, чтобы они не попали в руки к железноголовым.

— Я сначала поговорю со своими *австралос*, — сказал он.

— Но и с англичанами тоже. Уговори их поскорей, — настаивал Хаджи Михали.
— Сегодня, завтра. Это только ты можешь сделать, потому что англичанин, который говорит по-гречески, зол на меня. Талос покажет тебе дорогу.

Талос стоял у двери, не шевелясь. Он только и ждал, когда, наконец, понадобится его участие.

Нис между тем уже дошел до двери. Он толкнул ее и обернулся, чтобы сказать что-то.

— Уговори их, — сказал Хаджи Михали. — Объясни, что, если тех освободят, они будут продолжать борьбу. Это настоящие люди.

— Хорошо.

— Скажи, — продолжал Хаджи Михали, — что это нужно для того, чтобы одолеть железноголовых. Скажи им.

Нис знал, что не скажет этого, но знал и то, что это правда.

— Хорошо, — повторил он.

— *Адио*, — сказал Хаджи Михали.

— *Адио*, — сказал Нис.

И Нис так стремительно зашагал по каменистой тропке, как будто вот сейчас, сию минуту, должен был начаться штурм Гавдоса.

Талос, лукаво ухмыляясь, вприпрыжку бежал рядом.

Он вошел в хижину и без всяких предисловий сказал им:

— Если хотите получить лодку, нам придется помочь освободить нескольких литтосийцев, которые сидят в лагере на острове Гавдос.

— Этого еще не хватало, — сказал Берк.

— А что это за люди? — спросил Стоун.

— Они были против Метаксаса, и метаксисты засадили их в лагерь.

— И мы должны вытащить их оттуда?

— Да, пока на остров не пришли железноголовые.

— Прелестно, — сказал Берк. — Ну, а еще что?

— Они могут попасть в руки к железноголовым — разве этого не довольно?

— Допустим, — сказал Стоун. — Но что от нас требуется?

— Мы должны обстрелять из минометов форты, чтобы литтосийцы могли подойти к острову на лодках.

— Из минометов? — переспросил Стоун.

— Да, из минометов.

— Сумасшествие, — сказал Берк.

В сущности он был прав.

— Чья это выдумка? — спросил Стоун.

— Это не выдумка. Он, Хаджи Михали, сделает это.

— Там у него свои ребята, что ли?

Нис посмотрел на него с недоумением.

— Ну, братья его или товарищи, — пояснил Стоун.

— Нет. Там люди, которые боролись против Метаксаса, как и сам Хаджи Михали.

— Без нас обойдется, — сказал Берк.

— Литтосийцы не умеют обращаться с минометами. А минометы необходимы, потому что нужно разрушить береговые форты перед лагерем.

— Удачно мы попали, нечего сказать, — сказал Берк.

— Это не только из-за лодки, — сказал Нис.

— Вот как? — сказал Берк. — А что, если мы просто возьмем одну лодку, и все?

Нис покачал головой. Потом рассказал подробно, как Хаджи Михали обещал расстрелять всякого, кто вздумает взять лодку именно теперь. Впрочем, он знал, что ни Берка, ни Стоуна этим не испугаешь. Угроза не повлияет на их решение.

— Сколько времени это займет? — спросил Стоун.

— Три-четыре дня.

— Много на этом острове греков? Он, вероятно, хорошо укреплен?

— Точно не знаю. Но минометы дадут нам преимущество.

— Миномет, — сердито сказал Берк, — требует точного прицела. Точной дистанции. Все должно быть точно рассчитано. И вообще, если установить миномет на такой лодчонке, она сейчас же перевернется.

— У них есть лодки побольше, — сказал Нис, тоже начиная сердиться.

Они заспорили. Но спор быстро потерял остроту. Нис вел разговор, как всегда, в спокойном и ровном тоне и держался как незаинтересованный посредник. Но для него все это уже было личным делом, почти в такой же степени, как и для Хаджи Михали. А для австралос это была возможность получить лодку. Он доказывал, что им прямой расчет согласиться. Они хотели бы поскорей выбраться отсюда? Что ж, тянуть с этим не будут, потому что все должно быть кончено раньше, чем железноголовые явятся на Гавдос или даже сюда, в Литтос.

— Когда же они хотят начать? — спросил Берк.

— Сейчас же. Как только англичане дадут согласие. Без них нельзя.

— Почему?

— Людей мало. А главное — минометы. Нам втроем разве справиться с тремя минометами?

— Понятно, нет, — сказал Стоун.

— Значит, нужно уговорить англичан, — сказал Нис.

Он не знал, что именно заставило Берка вдруг решиться. Но Берк сказал нетерпеливо:

— Ладно. Если уж непременно нужно, чтоб мы спасали кого-то с какого-то острова, давайте спасать. Только чем скорее, тем лучше.

— С минометами? — сказал Стоун. — Это невозможно.

— Кто на этот раз упирается?

— Господи боже мой, Энгес. Ты ведь знаешь, что такое минометы.

Стоун помолчал. Они все молчали, глядя друг на друга. Потом Стоун пожал плечами.

— Если без минометов не обойтись, — сказал он, покоряясь, — надо все заранее продумать. И хорошенько. Где они, эти минометы? Трехдюймовки, что ли?

— Не знаю, — сказал Нис. — Я еще должен уговорить англичан.

— Уж это во всяком случае невозможно, — сказал Берк.

— Пойдемте со мной, — предложил ему Нис. Он догадывался, что Берк с его *давайте-уж-там-спасем кого-то-с-какого-то-островка и-поскорее-выберемся отсюда* может оказаться существенной подмогой.

— Надо посмотреть эти минометы, — сказал Берк.

Нис отломил кусок оставшегося хлеба и обмакнул в чеснок. Потом поднялся и вышел, дожевывая на ходу.

Молодой Талос подождал, пока все трое вышли из хижины, и пошел за ними, непривычно молчаливый.

Молчания хватило ненадолго. Он улыбнулся своей невинно-лукавой улыбкой.

— Если тебе удастся уговорить этих людей, — сказал Талос, — я тоже хочу быть с вами.

— Ты когда-нибудь близко миномет видел?

— Нет. — Талос подпрыгивал на своих коротких ногах.

— Что ж, если твой Хаджи Михали позволит тебе, — сказал Нис.

— Он позволит.

— Как это вышло, что он стал тут за старшего?

— Он дрался с метаксистами в Франко Каstellи. Я ведь говорил тебе.

— Помню. Но разве только в этом дело?

— В Литтосе все были против Метаксаса. Но он первый по-настоящему взялся за метаксистов. Даже виноградари и давилщики считаются с Хаджи Михали.

— Вот как, — сказал Нис.

— Да, вот как. Он всегда был против метаксистов, — продолжал Талос. — Они ловили его, хотели арестовать, но он уходил с Сарандаки и ловцами губок. А потом опять возвращался.

— И метаксистам ни разу не удалось поймать его?

— Ни разу, благодаря Сарандаки. Ловцы губок за него горой. Но про Гавдос я ничего не знал, пока он не рассказал тебе. Чудно, что ловцы губок тут как будто наравне с рыбаками. Ведь тебе известно, как на них смотрят у нас.

Нис знал о розни, существовавшей между рыбаками и ловцами губок. Ловцы губок были низшей кастой, подонками народа. У рыбаков ловля губок считалась недостойным занятием. Это был трудный и неблагодарный промысел. Люди шли в ловцы губок с отчаяния. Или же в надежде обрести независимость в обособленной жизни. Ловцы губок жили на маленьких скалистых островках. Только летом они перекочевывали на побережье. Для такой деревни, как Литтос, принять их в качестве равных было нарушением устоев. Тут не обошлось без Хаджи Михали. Он, верно, многим обязан этому Сарандаки. Или все дело во влиянии, которым он пользуется как среди литтосийцев, так и среди ловцов губок. Нис знал, что метаксисты нарочно разжигали взаимную вражду и раздоры в таких местах, как Литтос. Они стравливали крестьян-землеробов с рыбаками, рыбаков — с ловцами губок. Но Хаджи Михали, видимо, удалось создать здесь единство, вопреки метаксистам.

— Да, это удивительно, — сказал он Талосу.

— Захотят англичане помочь?

— Эти два *австралос* — да.

— А англичане? Как ты думаешь?

— Не знаю. Я их еще не видал.

— Если они не захотят, — объявил белокурый Пан, — я отказываюсь понять их.

Нис негромко фыркнул. Стоун и Берк, шедшие впереди, удивленно оглянулись.

— Он хочет, чтобы мы его взяли с собой, когда будем обстреливать остров из минометов, — смущенно сказал Нис в пояснение.

— Вот гаденьш, — сказал Берк.

— Он говорит, что не поймет англичан, если они откажутся.

— Я зато пойму, передайте ему, — сказал Берк.

Так, гуськом, они дошли до самой окраины селения. Потом, пропустив Талоса вперед, стали карабкаться по тропе, которая вилась по ближнему склону. Подъем был крутой, почти отвесный. Красный дрок рос по сторонам. Земля была сухая, желтая и крошилась под ногами. Глядя вниз, они видели долину Литтоса, лежавшую среди сонных оливковых рощ. Неровные ряды зрелых зеленых лоз. Белые домики,

разбросанные у подножия склонов. И бухту, замыкавшую долину со стороны моря.

Мирный пейзаж в лучах позднего солнца.

Они уходили от него вверх, стараясь поспевать за Талосом, приплясывавшим впереди на своих коротких толстых ногах. Берк, глядя на него и часто переводя дух, бормотал из Оскара Уайльда:

Козлоногий бог аркадский,
Что осталось от тебя?

Стоун спросил:

— Что?

И Берк ответил сухо:

— Ничего.

Вдруг они очутились перед нагромождением скал, утесов, отвесных круч. На плоской вершине одной скалы стояла черная пастушья хижина с низкой кровлей. Вокруг, на камнях, лежали, растянувшись, человек пять или шесть. Полуголые, обросшие, они похожи были на дикарей. У всех на груди висели знакомые тесемки с личными знаками.

Вероятно, это и были англичане.

Дорогой Энгес Берк назвал Нису некоторые имена. Нис их не запомнил, потому что английские имена запомнить невозможно. Он запомнил только, как зовут майора, потому что о нем Берк сказал Стоуну:

— Большая сволочь.

Имя майора было Тилли.

Он был высокий и жилистый, с совершенно лысой головой. У него были черные усы, нижняя губа отвисала немного, взгляд казался пустым. Кроме него, был еще один офицер в чине лейтенанта. Этот был плотный, круглый и добродушный на вид.

Остальные четверо были рядовые. Один из них казался приметнее других. Он был небольшого роста, смуглый; глядя на него, постоянно чудилось, что он вот-вот улыбнется, но улыбка не появлялась. Нис инстинктивно обратился именно к этому солдату.

— Я пришел просить вашей помощи, — сказал он просто.

Никто не ответил.

— Хотите помочь нам достать лодку, чтобы ехать в Египет? — сказал Нис.

— Это насчет освобождения каких-то там заключенных с Гавдоса? — спросил лейтенант.

— Да.

— Бредовая затея, — сказал лейтенант.

— Разве лодка не стоит того?

— Смотря по обстоятельствам.

— С минометами — это гиблое дело, — сказал один солдат. По выговору можно было сразу признать в нем человека из лондонского простонародья.

— Не в минометах трудность, — сказал лейтенант. — Но так, как хочет этот грек внизу, вообще нельзя. С моря не подойдешь. И думать нечего.

— Почему?

— Оглянуться не успеешь, как зацапают. — Это сказал лондонец.

— От этого и тут не уйдешь, — ответил ему Стоун.

Некоторое время все молчали.

Смуглый, тот, у которого брезжила улыбка, подошел ближе и остановился, играя личным знаком, висевшим у него на груди.

— Это ты — Хаджи Михали? — спросил он. Он выговорил правильно, потому что он был шотландец и у него было широкое, открытое «а».

— Нет. — Нис назвал себя и объяснил, кто такой Хаджи Михали.

— Ты нам поподробнее расскажи, — сказал шотландец.

Нис рассказал им, как недавно рассказывал Стоуну и Берку, о необходимости освободить литтосийцев из лагеря на Гавдосе сейчас же, немедленно, пока не пришли туда железноголовые.

— Пока это не будет сделано, нам лодки не получить, — сказал Нис.

— Да ведь как же с минометами? — сказал третий солдат. Этот был маленького

роста, старый и заморенный.

— Это вам решать, — сказал Нис.

Они не поняли.

— Наше дело — обдумать все подробности, — пояснил Стоун.

— Послушайте, — сказал им Нис. — Рано или поздно железноголовые явятся сюда. Что же, вы будете сидеть на горке и дожидаться их?

— Мы хотим одного — выбраться отсюда, — сказал лейтенант.

— Для этого нужна лодка, — сказал Нис.

— Ты тоже собираешься в Египет? — спросил его шотландец.

— Да, — сказал Нис. — Я тоже.

Снова наступило молчание.

В нем была нерешительность или ощущение тупика, а может, и еще что-нибудь. Все теперь стояли, сидел только английский майор. Он еще не сказал ни слова. Он поднял голову и смотрел на Ниса с явным пренебрежением.

— Нельзя стрелять из минометов с лодки, — сказал лондонец.

— Вы с минометом знакомы? — спросил его Нис.

— Кое-что смыслю в этом деле, — усмехнулся лондонец.

— Значит, вам это не будет трудно, — сказал Нис.

Берк усмехнулся. Но в нем накалилось раздражение. Стоун тоже злился. Наконец Берк дал себе волю.

— Черт вас всех дери, — сказал он. — Ведь ясно же, без лодки отсюда не выбраться. Так давайте освободим там кого нужно и получим лодку и выберемся с этого проклятого острова. — Берк выговорился, и ему словно легче стало.

— Из вас кто-нибудь умеет править лодкой? — спросил лейтенант.

— Нет. Вот он умеет, — Берк мотнул головой на Ниса.

— И чего только вы жметесь? — сказал Стоун.

— Не желаю сломать себе шею из-за этих минометов, — сказал лондонец.

— А что, тебе больше нравится протирать тут штаны и молиться об избавлении?

Нис не вмешивался, предоставив все Берку.

— С такого дела цел не вернешься, — сказал старик солдат.

— Трусите вы, и больше ничего, — сказал Стоун. — Все трусите:

— Ну, довольно. — Это произнес майор, молчавший до сих пор. Но как произнес!

— Довольно? Нет у черта с два. Вы, видно, и сами боитесь не хуже остальных.

Это было уж слишком.

— Это вы мне говорите? — Майор встал на ноги.

Он был выше Стоуна, но казался маленьким рядом с рыжеволосым рыжебородым великаном, у которого глаза горели боевым огнем.

— Вам говорю, — сказал Стоун.

Положение становилось затруднительным, потому что майор все-таки был майор. Но никто не вступился. Нису стало ясно, что у англичан уже начались раздоры.

— Никто ничего не боится, — спокойно сказал шотландец. Но он сказал это не для того, чтобы вступить за майора. Он просто констатировал факт.

— Ладно, — сказал Берк. — Давайте покончим с этим.

— Вы, австралийцы, делайте что вам угодно, — сказал майор.

— Не упрямитесь, майор, — сказал Берк. — Если хотите выбраться отсюда, придется вам заняться спасательной службой.

— Зачем это мы будем спасать каких-то заключенных? — сказал майор.

— А затем, чтобы выбраться отсюда, — ответил ему Берк.

— Никуда мы не пойдем и никого спасать не будем, — сказал майор.

— Это каждый пусть решает за себя, — сказал Нис, глядя на шотландца.

Все чего-то ждали. Шотландец стоял посредине и раздумывал, наморщив лоб с таким видом, словно все это его чуть ли не забавляло.

— Ну как, Макферсон? — спросил его лейтенант.

Все выжидательно смотрели на маленького шотландца, который был всего только капралом. Берк, наблюдая эту сцену, вспомнил Джека Лондона. Его рассказы о том, как люди, попав в исключительные обстоятельства, сами избирают себе вождя, обходя тех, кто по рангу или достоинству имеет право командовать. В трудную минуту человек становится только человеком, и все искусственные преграды и привилегии рушатся. Здорово. Ну и здорово. Джека Лондона бы сюда.

И лондонец, и старик солдат, и лейтенант — все ожидали, что скажет шотландец. Майор остался в стороне.

— Что же нам еще делать? — сказал шотландец. Он сказал это мирно, как человек, готовый подчиниться неизбежному.

— Идти, и идти сейчас же, — сказал Нис.

— Надо бы взглянуть на эти минометы, — сказал кокни. Он шепелявил, потому что у него спереди не хватало двух зубов.

— Минометы. Вот еще напасть, — сказал старик.

И все было кончено. Шотландец в сущности почти ничего не сказал. Он только принял решение и ждал, когда его спросят. Так представлялось Нису. Шотландец нравился ему своей неторопливой рассудительностью.

Тогда майор сказал, с яростью отчеканивая слова:

— Вы все — стадо болванов.

— Бросьте, Тилли, — сказал лейтенант. — У нас нет выбора.

— Дело не в этом. Дело в принципе. Этот паршивый грек внизу станет указывать нам, что делать.

— Я думал, что вы, как офицер, первый дадите согласие, — сказал Нис.

— Мало того, что мы тут воюем за вас, — майор был вне себя от бешенства, — вы еще заставляете нас спасать каких-то сумасшедших греков, которых за что-то засадили в тюрьму.

— За то, что они против Метаксаса, — стараясь сдерживать себя, сказал Нис.

— Наплевать мне на это, — сказал майор.

— Вот что, — сказал Нис, обращаясь непосредственно к нему. — Хотите — идите, не хотите — оставайтесь. Обойдемся и без вас. Но помните: если вы останетесь, то в лодке, которая пойдет в Египет, для вас места не будет. Мы уходим без вас. А вы устраивайтесь как знаете.

— Уходите вон отсюда, — сказал майор.

— Сами вы убирайтесь вон, — заорал Нис. — Вон там Ливийское море. Видите? Можете пуститься через него вплавь, *инглези*. Вплавь, черт вас возьми.

Это было настоящее исступление. Нис оборвал почти на крике, высоком и надрывном. Потом повернулся и быстрым шагом пошел по тропе вниз, часто и тяжело дыша. Он ничего не слышал кругом. Только стук двухсотсорокасильного мотора внутри. Тук, тук, тук.

Наверху на какое-то мгновение все замерло.

Потом один за другим люди двинулись в хижину одеться и уложить пожитки.

Майор остался один.

Нис ничего этого не видел. Он бежал вниз по тропе, и внутри у него все звенело и билось.

Но потом это прошло.

Спуск по кручам был трудный, и, преодолевая его, он постепенно остыл. Тогда он представил себе то сопротивление, с которым пришлось столкнуться майору. Это почти развеселило его и сразу успокоило. Он уловил главное: все они, кроме майора, спорили только против частности, против использования минометов. Никто не отказывался помочь освобождению антиметаксистов из лагеря на Гавдосе. Им только представлялось трудным и неосуществимым пустить в дело минометы.

Все, кроме майора.

Нис думал о нем без злости. Но он больше думал о маленьком шотландце, о его решительной повадке и о том, как прислушивались к нему остальные.

Но что бы ни думал Нис, а майор в это время стоял и смотрел, как остальные спускаются с горы. Они на ходу застегивались, поправляли туго набитые ранцы. Немного спустя майор вошел в хижину, взял свою аккуратную офицерскую сумку и стал спускаться вслед за остальными.

Хаджи Михали дома не оказалось. Какая-то старуха сказала Нису, что он на берегу, где лодки. Там он и нашел его вместе с Сарандаки. С десятков голых ребятишек барахтались в воде у отмели. Они с любопытством смотрели на Ниса, когда он шел вдоль ряда рыбацких лодок к тому месту, где Хаджи Михали разговаривал с Сарандаки.

— *Сауда*, — сказал он Нису.

Это слово было арабское.

— *Сауда*, — повторил Нис.

— Будьте знакомы, — сказал Хаджи Михали ему и Сарандаки.

— Мы уже познакомились, — прогудел Сарандаки.

Сарандаки смотрел на растрепанного, обросшего Ниса и на его глаза, красные от усталости, но сохранившие свой прямой, напористый взгляд. Он оценивал силу, чувствовавшуюся в этом невысоком человеке, и готов был простить его напористость, как бы она ни была утомительна. Но он думал о том, что, глядя на Хаджи Михали, Нис мог бы поучиться уменью быстро отходить после вспышки. Что в нем нет ничего похожего на Михали. Что он слишком уж неуступчив, слишком напорист всегда. Но вместе с тем великан признавал силу этого человека и, как все вообще, был осторожен в разговоре с Нисом. Сейчас он прислушивался к греческой речи Ниса, звучащей по-иностранным, но чисто.

— Они готовы помочь, — сказал Нис.

— С радостью принимаю такую весть, — сказал Хаджи Михали и весело засмеялся.

— Талос ведет их сюда.

— А как англичане?

— Я про англичан и говорю, — сказал Нис. — *Австралос*, его само собою.

— Ха! — Восклицание, изображавшее восторг. Они были в полном восторге оба, Хаджи Михали отложил кусок двухдюймового каната, который он держал в руках, и встал.

— Ты, видно, мастер говорить по-английски, — сказал он.

— Должно быть, — сказал Сарандаки. — Уж ты на них нагнал страху. — И он захохотал, точно лавина обрушилась.

— Нет, — сказал Нис. — Они все хорошие люди. — Он не склонен был размякать, но ему было приятно их одобрение.

— Значит, начинаем.

— Где у вас минометы? — спросил Нис.

— В хижине, где был твой *австралос*.

— Идем туда, — сказал Нис.

— Ну, за этим и тебе не угнаться, — сказал Сарандаки, опуская на плечо Хаджи Михали свой кулак.

— В нем мое нетерпение, — любезно ответил Хаджи Михали.

Нис в самом деле испытывал нетерпение. Уже протянулись вечерние тени, а Нис

хотел, чтобы *австралос* осмотрели минометы, пока светло. И сам он тоже хотел взглянуть на них. Он вдруг вообразил, что никогда не видел миномета. Он чувствовал свое техническое невежество и превосходство этих *австралос*, а теперь еще и англичан. Это было ему неприятно. Человеку умелому всегда неприятно чувствовать себя невеждой, даже в чужой области.

Он встретил Талоса и остальных на дороге, которая вела к лодкам.

— Передай англичанам, что я ценю их согласие, — сказал Хаджи Михали Нису, когда они поравнялись.

Нис повернулся к причудливой группе, авангард которой составляли Стоун и Талос. Рядом с Нисом стоял Сарандаки. Оба великана инстинктивно смерили друг друга взглядом, по привычке всех взрослых людей.

Один — с клочкастой рыжей бородой, с глазами, взгляд которых был добродушным и кротким; торс словно гора, а рыжие волосы — лес.

Другой — грек, джинн из сказки, весь черный, с лоснящейся загорелой кожей, с квадратными белыми зубами и огромным выпуклым лбом, венчавшим его, точно купол, под которым весело топорщились густые брови.

— Этого я принимаю как брата. — Сарандаки снова оглушительно захохотал.

— Он говорит, что вы его брат, — сказал Нис Стоуну.

Стоуну это показалось похоже на разговор индейцев в кинофильмах.

— Скажите, что я его младший брат. — Стоун потихоньку улыбнулся, оглядывая могучую фигуру Сарандаки. Первая встреча, когда Сарандаки усомнился в них, была не в счет. Сейчас Сарандаки казался исполином, вышедшим из кратера вулкана. Он всех готов был принять как братьев. Но Стоун особенно привлекал его. Стоун, с рыжими волосами и клочкастой бородой, которая уже успела отрасти, и с квадратным спокойным лицом. Они, смеясь, пошли рядом по улочке, посреди которой стояла лужа, натекавшая из давилен.

Дойдя до хижины. Хаджи Михали сказал:

— Они спрятаны под губками.

— Надежное ли тут место? — спросил Нис.

— Нужно, чтобы оружие было под рукой, — терпеливо ответил Хаджи Михали. — Что пользы хранить оружие в безопасном месте, если до него нельзя добраться?

Нис подумал: как это ему самому не пришла в голову такая мысль. Но в Хаджи Михали многое было так просто, что именно поэтому казалось замечательным.

— Смотрите, сколько песка, — проревел Сарандаки, захватив целую охапку губок из кучи, наваленной на каменном полу.

— Сарандаки, огонь мой, пламя мое, — сказал ему Хаджи Михали. — Пора бы тебе уже успокоиться.

— Успокоиться, — рычал джинн. — Ты смотри, какая тяжесть от этого песка. Хоть бы еще был тонкий морской песок. Продаешь губки проклятым скупщикам чистенькими, как собственная ладонь. А они засыпают их песком.

И Сарандаки с омерзением принялся расшвыривать губки во все стороны, пока из-под них не показалось оружие.

Оно было сложено прямо на полу, у самой стены хижины. Три миномета, — два

восьмисантиметровые и один пятисантиметровый; все были на двуногих сошках. Длинные ящики с боеприпасами, из дерева, окованного сталью. Один ручной пулемет солотерна и один немецкий пистолет-пулемет эрма. Два люгера в деревянных футлярах. Запасные обоймы. И аккуратно сложенные пирамидкой старые немецкие маузеровские винтовки с оборванными, висящими ремнями. Эти винтовки принадлежали к партии оружия, полученной из Кувейта. Все оружие было покрыто пятнами от приставших к нему губок и засыпано мелким песком.

Уже стемнело настолько, что нельзя было как следует разглядеть все.

— Вытащим на улицу, — сказал Нису Энгес Берк.

Нис повторил его слова Хаджи Михали, потом оглянулся и увидел, что Стоун уже тащит сразу два миномета; их короткие стволы, похожие на печные трубы, торчали у него под мышками. Тащить их было нелегко даже и вдвоем, особенно потому, что мешали привинченные сошки. Берк и англичане несли остальное. Они сложили все оружие на каменные плиты у входа в хижину. Так оно и лежало там черной грудой.

Пятеро англичан — майор молча стоял в стороне — разглядывали минометы. Маленький, пятисантиметровый, и два больших.

Стоун и Берк занялись одним из больших минометов. Стоун искал что-то, оглядываясь по сторонам.

Нис смотрел, как Берк проверяет установочный винт и подъемный механизм. Он дивился тому, как несложно на вид устройство миномета, хотя стрелять из него должно быть нелегко. Весь он состоял из ствола, похожего на кусок печной трубы дюйма три в диаметре, установленного на двуногой сошке и снабженного рычагами, которые позволяли регулировать его направление и высоту. Сейчас он торчал в воздухе почти вертикально. Вероятно, чем выше поднят ствол, тем короче траектория. И наоборот, чем ближе положение к горизонтали, тем больше дальность.

Нис протянул руку и погладил зеленый металлический ствол. Он оказался более тонкостенным, чем можно было ожидать, крепким и не из очень хорошего металла. Зато прицел обнаруживал тонкую работу. Ствол смотрел прямо в небо. Сошка, прицел и весь механизм соединялись со стволом почти у самого дула. Откуда заряжается миномет, было непонятно. Казенная часть отсутствовала. Вероятно, снаряд закладывался прямо в дуло.

Остальные теснились вокруг двух других минометов. Талос стоял в группе англичан и снова скалил зубы. Они осматривали маленький миномет, устройство которого казалось более сложным. Стоун подошел к ним.

— Где опорные плиты? — спросил он.

Тогда все стали оглядываться и искать.

— Посмотри там, — сказал Берк, указывая на хижину.

— Смотрел, — ответил Стоун.

— Ну, если опорных плит нет, ничего не выйдет, — сказал Берк.

— Спросите его, где плиты, — сказал Стоун Нису.

— А что это такое?

— Вот, видите. — Стоун указал на два больших миномета, стволы которых свободно качались на сошках. — Здесь должна быть плита. Такая штука, вроде

подноса, в которую ствол упирается снизу. Смотрите вот сюда.

Он подвел Ниса к маленькому миномету. Конец ствола здесь плотно входил в стальной поднос, лежавший прямо на земле. Поднос образовал основание ствола. К нему была приделана ручка, совсем как у чайного подноса. Он служил опорой всему миномету. Без него нечего было поддерживать ствол и принимать всю силу отдачи при выстреле.

Хаджи Михали был тут же, потому что это было его оружие. Ему нравились эти тяжелые *Minenwerfers*^[2].

— Должны быть плиты к тем двум, вот такие же, как эта, — сказал ему Нис.

Хаджи Михали покачал головой.

— Я не знал, — сказал он.

— Кто доставал все это из самолета?

— Я сам, вместе с братьями Коста. Я не знал про эти плиты.

— Он говорит, что не видал их, — сказал Нис Стоуну.

— Скажи ему, что без плит эти штуки ничего не стоят, — сказал Стоун.

Нис повторил это Хаджи Михали.

— Они, наверно, остались там, в самолете, — сказал Хаджи Михали. — Разве только пастухи нашли их и взяли. Попроси *австралос*, пусть он пойдет вместе со мной и сам поищет их. Наверно, они там. Я не знал, что должны быть еще плиты.

— Сегодня уже поздно, — сказал Нис.

— Ничуть не поздно, — сказал Хаджи Михали.

— Где этот *аэропланос*?

— За второй цепью холмов, там, где начинается известняк.

Когда Нис перевел им, Стоун сказал:

— Ладно. Идем сейчас. Пусть возьмут что-нибудь, чем посветить, и подумают о том, как перетащить плиты.

Разумеется, Берк пошел тоже, хотя и отнесся ко всему этому с обычным своим цинизмом.

— Скажи англичанам, что их накормят, как всегда, — сказал Хаджи Михали. — Еду принесут сюда, в хижину. Пусть здесь и дожидаются нас. Скажи им, как только минометы приведут в порядок, мы начнем. Лодки у нас наготове. Талос, — окликнул Хаджи Михали мальчика.

— Слушаю тебя.

— Принесешь еду этим *инглези*.

— А где взять?

— У жены моего брата, которая живет в моем доме.

— Знаю, — сказал Талос.

И Хаджи Михали зашагал рядом с Сарандаки своей частой и легкой походкой. Нис, Берк и Стоун шли сзади. Нис слышал, как Хаджи Михали говорил Сарандаки про какую-то марсельскую шхуну и про то, что надо заготовить бурдюки для воды. Выслушав все это, Сарандаки ушел.

Нис, Берк и Стоун шли за Хаджи Михали мимо давилен, вдоль улочек, где женщины сидели у дверей и переговаривались, отдыхая после трудового дня, или же

возились с ребятами. Потом, в быстро сгущавшемся сумраке, узкими тропками, мимо первых оливковых деревьев, тянувшихся неправильными рядами. Мимо виноградников и абрикосов, и зеленой травы, к хижине, одиноко стоявшей в стороне от деревни.

Здесь, после недолгих переговоров, Хаджи Михали получил двух мулов без седел. Он настоял, чтобы Берк и Стоун сели на них. В руки каждому он дал по палке и объяснил, как нужно ударять мула по морде справа или слева, смотря по тому, куда его хотят повернуть. Все это он рассказывал им по-гречески, к немалому удовольствию Ниса, который, впрочем, ничем этого удовольствия не выдавал. Потом он раздобыл еще двух мулов и длинную палку, на конце которой привязана была какая-то вонючая тряпка. Это ему дали в одном домике при выходе из долины.

И, сидя без седла верхом на мулах, они мелкой трусцой стали взбираться по склону. Они миновали котловину и песчаные холмы за ней, и известняковые скалы и, наконец, выехали на окруженное деревьями плато. По этому плато они ехали, пока Хаджи Михали не остановил своего мула. Спешившись, он вскарабкался на одну скалу, потом на другую и, наконец, сказал Нису:

— Здесь. Веди их сюда.

Еще не совсем стемнело. Было похоже на английские сумерки. Разбитый Юнкерс-52 отчетливо выделялся на земле. Он шел на бреющем полете над цепью низких гор и врезался в эту, более высокую. Сила удара оказалась слишком велика. Самолет разбился вдребезги, сотни кусков усеяли скалистый склон. Но тень целого осталась. Сохранил очертания фюзеляж, смятый, точно комок серебряной бумаги. Крылья отскочили и лежали в обломках. Повсюду торчали из земли куски металла причудливой формы.

Нис подошел к призраку фюзеляжа. Еще за милю он уловил нестерпимый смрад разложения. Здесь, на месте, это было самое страшное из всего.

— Фу ты черт, — сказал Стоун. — Давайте-ка скорей покончим с этим делом. Ну и вонища.

— Это тут не один месяц лежит, — сказал Берк.

Хаджи Михали выбирал, откуда удобнее подступить к фюзеляжу. Он зажег тряпку, привязанную к палке, чтобы лучше рассмотреть то, что нужно. Ветер раздувал черно-желтое пламя.

— Как будто ничего не тронута, — сказал Хаджи Михали.

Нис подошел тоже. И вдруг перед ними предстали тени тех железноголовых, что летели в этом самолете. Один лежал на спине, как будто кто-то уложил его на обе лопатки и избил до неузнаваемости. Он лежал так близко, что видна была страшная работа времени. Мясо, сгнившее и отвалившееся от костей, лохмотья одежды в провалах обнаженных ребер.

— Я брал минометы там, внутри *аэропланос*.

Хаджи Михали словно извинялся перед ними за необходимость продолжать поиски в этом немислимом смраде.

Посреди самолета, отдельно от остова фюзеляжа, лежали три исковерканных мотора. Вероятно, при толчке фюзеляж отскочил назад. При свете факела Хаджи Михали Нис заглянул в отверстие кабины.

Среди обломков валялись изуродованные трупы железноголовых. Они лежали в неестественных позах на полу. Они прилипли кусками к развороченным стенкам фюзеляжа. Это были призраки людей. Гниющая материя. Тлен.

Хаджи Михали шарил в дальнем углу фюзеляжа. Там валялись обрывки брезента, металлические части, жестянки, патронные обоймы, трупы железноголовых. Пламя факела вырывало из темноты отдельные участки.

— Вот тут стояли те два, что побольше, — сказал Хаджи Михали.

Из-за смрада каждый старался не дышать, и говорить никому не хотелось.

— Здесь, — сказал Нис Стоуну.

Все вчетвером они принялись торопливо разгребать хаос мусора и обломков, загромождавших пол в разбитой хвостовой части.

Плит нигде не было.

— Посветите здесь, впереди, — сказал Стоун торопливым шепотом.

Нис повторил его слова Хаджи Михали, и они гуськом стали пробираться через груды обломков, согнувшись, чтобы не стукнуться о потолок, и обходя трупы. Стоуну попал под ноги ящик от пулеметных патронов; неразорвавшиеся патроны высыпались и валялись на полу фюзеляжа и на камнях кругом.

Стоун отшвырнул ящик ногой. Дальше лежал искромсанный труп железноголового, одной руки не хватало, вместо головы был кисель, наполнявший стальной шлем, из-под туловища торчал край алюминиевой прокладки.

Берк подобрал с пола кусок какой-то трубы. При мерцающем свете факела он попытался этим куском отпихнуть труп в сторону. Но конец трубы весь ушел в прогнившую мякоть, и Берк невольно отскочил в сторону, как будто труп вдруг ожил.

Он снова взялся за трубу. Приладив ее сбоку, ему удалось сдвинуть тело. Потом он отбросил алюминиевую прокладку. Под нею были обе плиты. Они были связаны вместе широким брезентовым ремнем и стояли ребром, ручкой кверху, вдавившись в тонкую переборку пола.

— Вот, — сказал Берк. Остальные уже были рядом.

Стоун ухватил плиты за торчавшие ручки и бросился вон из фюзеляжа. После факела трудно было что-либо разглядеть снаружи. Стоун спотыкался среди обломков, но, не останавливаясь, бежал дальше. Остальные следовали за ним.

Никто не произнес ни слова, пока они не спустились под гору, туда, где были привязаны мулы. Стоун сорвал ремень, перетягивавший плиты. Он бросил их и долго тер землей, чтобы отбить запах. Потом стал оттирать руки.

По-прежнему все молчали. Вчетвером, неловко толкаясь, они взвалили плиты на мулов. Потом тронулись в путь, стараясь не дышать носом, пока еще стоял в воздухе этот запах.

Но они не могли отделаться от него, как далеко ни уходили. Он впитался в их одежду, в их кожу. Тошнотворная смесь гликоля, бензина, земли и гниющего мяса.

Он был упорен, единственный материальный след человека, остающийся после

смерти.

Но Хаджи Михали торопил их, чтобы можно было немедленно идти на Гавдос.

Хаджи Михали хотел, чтобы они не ложились спать. Он хотел сейчас же, вечером, договориться обо всем и рано утром начать или даже начать сейчас же, вечером. Он уже отвел мулов туда, откуда брал их.

— Так скоро это не делается, — сказал Нис.

— Почему? — спросил Хаджи Михали.

Но Нис только покачал головой.

Оба *австралос* были теперь уже не те, какими он их повстречал впервые. Щеки у них ввалились, черты заострились. Даже у круглого Энгеса Берка. Они приобрели закалку, но были изнурены до крайности. Перед тем, что предстояло, им необходимо было выспаться. Поэтому Нис отрицательно покачал головой.

И эту ночь все проспали.

Спали вповалку на полу в хижине, где был склад губок. В одном углу сложено было грудой оружие. В другом — ящики с боеприпасами.

Прежде чем заснуть, они долго разговаривали между собой обо всем. Говорили о греках, правда, сдержанно, потому что Нис был рядом. Непонятно, почему эти греки так раскипятились, говорили они. Видали мы греков, и обычно у них что можно сделать сегодня, то и завтра не поздно. А этот, как его там, который тут всеми командует, торопится все куда-то. Стоит только послушать, как он разговаривает. Он, видно, терпеть не может этого Метаксаса. Все они его терпеть не могут. Должно быть, порядочный сукин сын был этот Метаксас. С кем ни говоришь из греков, только и слышно — того он сослал, этому голову отрубил.

— Так ведь это же была нацистская шайка, — сказал старик солдат.

— Ты откуда знаешь? — спросил Энгес Берк.

— Когда я еще был в Кандии, — сказал старик, — там устроили военный парад в честь победы, и греческая полиция шагала вместе с итальянцами. Им только того и надо было. Одна шайка.

— А ты что делал? — спросили его.

— Разгуливал в греческой ночной рубашке, — ответил он.

— Интересно, куда все девались отсюда, — сказал лейтенант. — На Крите одно время было немало видных людей.

— Сидят в Каире, целы и невредимы, можете быть уверены, — сказал шотландец.

— Ну, а метаксисты как же? — спросил старик.

— Что метаксисты? — спросил Энгес Берк.

— Ведь это те же нацисты. Все они за немцев.

— Брось ты политикой заниматься, — сказал ему Берк.

— Да мне-то что? — сказал старик, на этот раз как бы оправдываясь. — А только греки на это молчать не будут.

— Ну и что же?

— Ах ты господи! Ну, мы-то на чьей стороне? За кого мы воюем?

— А тебе-то что? — сказал Берк, передразнивая его.

— Перестань, Энгес, — сказал Стоун примирительно.

— Что перестать?

— Разыгрывать его.

— Я его не разыгрываю, — сказал Берк, притворяясь, что обижен.

— А ведь верно, глупо получается, — сказал шотландец.

В темноте Нису казалось, что в голосе его, как в складке губ, чувствуется затаенный смешок.

— Завтра, — сказал он, — мы собираемся набить морду каким-то метаксистам. А приедем в Египет, и окажется, что эти же сволочи там в наших союзниках считаются.

— А тебе какое дело до этого? — сказал Берк.

— Да как тебе сказать, — добродушно отозвался шотландец.

— Трогает это тебя? — Берку явно что-то не давало покоя.

— Может быть, и трогает.

— Все равно ты в это мешаться не будешь.

— А ты будешь? — спросил его шотландец, и Стоун весело захохотал.

— И не подумаю, — ответил Берк, чтобы кончить разговор.

Но лейтенант сказал без всякой задней мысли:

— Какая разница, есть в Каире метаксисты или нет?

— Вот, — сказал Берк ехидно, — это правильный подход.

— Вредный вы человек, — беззлобно сказал лейтенант.

— Давайте спать, — сказал Стоун.

И на время все замолчали.

Нис изумленно прислушивался. Он тут был ни при чем. Это был семейный разговор между братьями, встретившимися после долгой разлуки. *Австралос* и англичане. Разговор велся сдержанно, из-за него, но он в нем своего слова не имел. Его это не задевало, и ему правилось все, что говорили, даже подзадоривания Берка. Его удивило, как много они знают про Метаксаса. И отсутствие протеста в них удивило тоже. Судя по тому, как терпимо англичане в свое время относились к Метаксасу, он готов был предположить, что они ничего о нем не знают. Правда, ведь это все люди, чье дело только воевать, и у них не спрашивают, стоит водить дружбу с Метаксасом или нет.

В разговоре принимали участие все, кроме английского майора, который и не пытался вступить в него. Потом заговорили о своем. И выходило задушевно, оттого что было темно и только слышались голоса. Теперь разговаривали двое *австралос* с англичанами.

— Кто-нибудь имел дело с этими немецкими восемьюсантиметровками? — спросил Стоун. До сих пор он говорил мало, только одергивал Берка.

— Они все равно что трехдюймовки Стокса, — сказал Макферсон, шотландец.

— Видал я их Granatenwerfer^[3] в ту войну, — сказал старик.

— Granatenwerfer совсем другие, — сказал лейтенант.

— Все равно, Granatenwerfer я хорошо знаю, — сказал старик. — И с этими управлюсь. Ничего не стоит.

— Мы управимся без тебя, — нетерпеливо сказал ему Макферсон. — Ты не

поедешь.

— Поди ты знаешь куда, — сказал старик.

— Нет, нет, Тич. В море холодно. Схватишь воспаление легких и помрешь.

— Пока еще не схватил, кажется.

— Ну, ну, ладно, — сказал Макферсон. — Подождешь нас здесь.

Ниса удивило, что старик не стал оспаривать права Макферсона указывать ему. Все они безоговорочно признавали авторитет маленького шотландца. Нису он нравился тем, что легко улавливал суть вещей. Вероятно, это определилось у них еще раньше, и потому-то английский майор был так зол.

Некоторое время все лежали тихо, прислушиваясь к шуму прибоя у скал внизу. Лондонец уже спал. Он тоненько храпел, и даже храп у него выходил шепелявый из-за отсутствия двух передних зубов.

— Любопытно, где мы сейчас там, в пустыне? — сказал немного спустя лейтенант.

— Сидим где-нибудь под Мерсой, — сказал старик.

— А какая разница? — сказал Берк. — Нам самое главное выбраться отсюда.

— Едва ли мы далеко ушли от Суэцкого канала, — сказал лейтенант.

— Это что же такое? — ехидно спросил Берк. — Вы, кажется, теряете веру?

— Вы, австралийцы, чересчур уж бойки, — огрызнулся лейтенант.

— Ладно, давайте спать, — снова сказал Стоун.

— Все равно, — сказал Макферсон. — Когда доедем до Египта, лучше нам высадиться где-нибудь близ Александрии. Только не западнее.

— Кто же это у нас так хорошо определит курс? — сказал старик.

— Тот грек, с которым мы пришли, — сказал Берк. — Он ориентируется по телам.

— По каким телам?

— По солнцу и луне, — сказал Берк, подражая Нису. Но это не была насмешка. Это было дружеское подтрунивание. Нис инстинктивно в темноте оглянулся на Берка и хоть не увидел его лица, но почувствовал, что тут ничего такого нет. Немного спустя старик сказал:

— А что же это все-таки за народ, кого мы будем освобождать?

— Литтосийские рыбаки, которых засадил Метаксас, — сказал Стоун.

— И надо спешить, пока немцы не пришли туда, — сказал лейтенант.

— Они и сюда придут, — сказал Берк. — Какая разница?

— Ты сегодня как с цепи сорвался, — сказал Стоун Берку.

Тогда Макферсон, тот, у которого брезжила на губах улыбка, вдруг рассмеялся в темноте. Раздался словно тройной выхлоп дизельного мотора. Шотландец вдруг представил себе все дело как бы с высоты миллиона футов.

— Ну и кавардак, — сказал он.

Это поставило точку. Все замолчали. Разговор оборвался. Нис думал, как приятно лежать на полу после сырой земли, на которой пришлось спать столько ночей, Он заснул и спал как убитый.

Хаджи Михали разбудил их, когда еще не занялась заря.

— Теперь мы все подробно обсудим с ними, — сказал он Нису.

— Подожди, они сейчас вернутся, — сказал Нис.

Стоун, Энгес Берк и все англичане вышли из хижины, размяться немного и умыться холодной морской водой. Нис тоже пошел на берег и освежил лицо и руки, от которых еще шел запах. Потом он вернулся в хижину. Его ждали пятеро англичан, Стоун и Берк. Один миномет уже вытащили из угла.

— Вот, объясни им, — сказал Хаджи Михали. И начал: — Они все разместятся в двух больших плоскодонных лодках, из тех, на которых выходят в море ловцы губок, а третьей возьмем маленькую лодку Талоса. Ведь среди минометов есть один поменьше. Эти плоскодонки самые большие у нас. Ты поведешь одну лодку, Сарандаки другую. Талос пойдет на своей. Скажи англичанам, пусть разделятся, кому с кем ехать.

— А сколько всего лодок пойдет? — спросил Нис.

— Десять. Наши лодки маленькие. Но они все будут нужны, ведь надо посадить тех, кого мы освободим. Мы выходим из Литтоса вместе и держимся вместе, пока не увидим Гавдос. Там мы расходимся, чтобы подойти к Хавро Спати с разных сторон. Но попасть туда мы должны все в одно время. Хавро Спати — это бухта перед лагерем. Оттуда мы и начнем. Сарандаки пойдет первым, потому что он знает все проходы.

— Там глубоко, в Хавро Спати?

— Не очень, и там много подводных скал, их не видно, но они у самой поверхности. Обойти их можно, но это, как ветер позволит. Будем идти за Сарандаки, он там знает каждый метр.

— А где самые форты?

— Мы должны пройти большой риф, тогда только увидим их. Как только они покажутся, дело англичан обстрелять их и разрушить. Без этого невозможно подступить к проволочным заграждениям, потому что вся бухта находится под огнем этих трех фортов.

— А что там за орудия, в этих фортах?

— Точно мне не известно. Но знаю, что там есть пулеметы, а может быть, даже скорострельные пушки. Может быть, солдаты будут спать, когда мы подойдем. Но только, не разрушив фортов, нам не добраться до проволочных заграждений. Тут и думать нечего.

— А за проволокой что?

— Больше ничего. Тогда уже только солдаты, если они будут сопротивляться. Проволока перегораживает узкое ущелье, которое ведет к самому лагерю. Литтосийцы и ловцы губок, которые сидят в нем, должны услышать стрельбу. Если им не удастся выйти самим, мы пройдем через ущелье и освободим их.

— Значит, больше укреплений нет?

— Лагерь обнесен стеной. Но это уже не трудно.

— А как маленькие лодки? Они будут приставать прямо к берегу?

— Мы постараемся войти в бухту, после того как откроют огонь по фортам. Если

форты удастся разрушить, остальное будет просто. Мы возьмем все свои пулеметы и кувейтские винтовки. Числом нас будет достаточно. Мы пристанем на маленьких лодках к берегу. Освобожденных литтосийцев выведем на берег. Нескольких вам придется взять на большие лодки. Но большим лодкам опасно подходить к берегу, говорит Сарандаки, потому что проходы между рифами слишком узки.

Все-таки Нису еще не все было ясно.

— Кто же вас проведет к берегу, если Сарандаки будет на большой лодке?

— Там, у берега, рифы торчат над водой. Обойти их не трудно.

— И это весь твой план?

— Весь.

— Форты расположены на большой высоте? Очень большой?

— Они в трех местах над бухтой. На крутых обрывах. Все берега бухты — отвесные стены, только в одном месте есть ущелье, которое ведет к лагерю. Эти форты выстроили, когда Метаксас увидел, какая против него готовится сила. В то время в лагере много сидело аитиметаксистов. Но когда началась война с железноголовыми, видно, всех вывезли, остались одни литтосийцы и ловцы губок. Так что, может быть, сейчас там и охрана меньше.

— Значит, когда форты будут взорваны, англичанам больше делать нечего, только сидеть и ждать?

— Да. Как видишь, все просто.

— Просто или непросто — это будет зависеть от минометов, — ответил Нис.

— Да, — сказал Хаджи Михали и широко улыбнулся. — Ты скажи англичанам, что мы полагаемся на них.

Пока Нис разговаривал с Хаджи Михали, Стоун, Берк и пятеро англичан занимались сборкой больших минометов. Кроме того, они осматривали длинные ящики мин, аккуратно переложенных войлоком.

— Ну, слушайте, — сказал им Нис.

Они окружили его. Он еще продумал все про себя, более детально даже, чем Хаджи Михали, и затем стал рассказывать, тщательнее обычного подбирая английские слова. По-английски все выходило не так ясно, как по-гречески. Он и сам чувствовал, что не так.

Для него, Ниса, во всем этом не было ничего необычного. Еще при отце ему не случалось причаливать к городским пристаням на маленькой лодке с грузом контрабандного кувейтского оружия, которое нужно было доставить по назначению. Думал он при этом только об одном, как выполнить задание точно и побыстрее. Он уже был тогда достаточно взрослым, чтоб понимать опасность. Но он никогда не думал о том, что их могут схватить. И план Хаджи Михали был для него делом такого же порядка. Это продолжалась доставка кувейтского оружия. После трехлетнего перерыва, после трех лет в крепостных стенах Лариссы. Но и заключение не научило его страху, чувству опасности, как не научила этому нелегальная перевозка оружия из Кувейта. Оно научило его только решительнее действовать, яснее понимать, что он

делает, и сильнее, гораздо сильнее ненавидеть.

И Нис изложил весь план по-английски как можно складнее, чтобы им сразу все сделалось ясно.

Когда он кончил, некоторое время все молчали. Потом Берк сказал с иронией в тоне:

— На словах все выходит превосходно.

— На словах все выходит прямо как на ученье по десантным операциям, — сказал лейтенант. — Другого способа нет подойти к этому лагерю?

— Нет, — сказал Нис. — В нем когда-то содержалось много антимеретаксистов. Поэтому все подступы сильно укреплены.

— Когда мы обогнем большой риф, далеко еще будет до этих дотов? — спросил Стоун.

— До фортов? — переспросил его Нис.

Стоун сказал:

— Да, до фортов.

Нис спросил Хаджи Михали. Потом сказал по-английски:

— Метров триста.

— Так, — сказал кто-то.

— Все это прекрасно, — сказал Энгес Берк. — Но ведь мы еще не знаем, выдержит ли вообще такая лодка миномет.

— А это мы сейчас испытаем, — сказал Стоун. — Когда он хочет выходить в море?

— Сейчас же. Он очень торопится, боится, как бы железноголовые не пришли.

— Спроси его, какая там высота, — сказал Макферсон.

— Он говорит, двадцать пять метров, но совершенно отвесные стены.

— Это даже и маленький достанет, — сказал Макферсон.

— Если мы сейчас выйдем в море, — сказал вдруг майор неуверенным тоном, — когда мы доберемся до места?

Все кругом неловко молчали.

— При благоприятном ветре завтра к утру мы будем в виду Гавдоса, — неторопливо ответил Нис.

— Ладно, — сказал Стоун, шумно переводя дыхание. — Все зависит от того, можно ли с лодки стрелять из миномета. Значит, нужно произвести испытание.

Стоун подхватил рукой один из больших минометов и оглянулся на остальных.

— Они все поняли? — спросил Ниса Хаджи Михали.

— Вполне, — ответил Нис. — Они готовы.

— Идем, идем скорее, — возбужденно сказал Хаджи Михали. Он сжал руку Стоуна, которую тот прижимал к себе миномет. — С таким великаном, да еще с Сарандаки, о чем нам беспокоиться. Все будет очень просто, — сказал он.

Нис и все остальные, захватив ящики с минами, спустились к закрытой бухте. Десять лодок лежали на берегу, отдельно от остальных. Вокруг них хлопотали жители деревни, пристраивали мешки — видимо, с провизией, бурдюки с водой, вроде того, который Нису дал Спада. Некоторые мужчины укладывали на дно маузеровские винтовки.

Стоун подтащил миномет к самой большой плоскодонной лодке. На ней была мачта с двумя поперечными реями для прямых парусов.

— Эта? — спросил Стоун.

— Да.

Нис быстрым взглядом окинул такелаж и паруса, подобранные к реям. Паруса спускались и поднимались, как шторы, гиков не было. Кливер был свернут. Оснастка была неудобная, и Нису не понравилась. Маленькие каики Спада и Талоса были оснащены куда лучше. Но для судна с широким корпусом такой парус больше подходил, хотя и не давал особой скорости.

Стоун внес собранный миномет в лодку и бережно уложил на дно, прислонив к выдвигному килю. Потом он взял в руки две мины и маленький ящик с зарядами.

— По четыре, не меньше, — сказал он.

— Попробуем с двумя, — сказал Энгес Берк.

— На такой дистанции непременно нужно четыре.

Чем больше зарядов, тем дальше полет мины.

— Вся лодка на воздух взлетит, — сказал Берк.

— Ладно. Попробовать можно с двумя. Садитесь.

Литтосийцы и ловцы губок толпились вокруг, деликатно сдерживая любопытство. Хаджи Михали велел им оттолкнуть лодку. Макферсон и лейтенант сели тоже. Стоун и Берк придержали миномет, когда лодка закачалась на волнах.

— Здесь хотите испытывать? — спросил Нис. Он уже сидел у руля. Они отошли от берега всего на несколько ярдов.

— Да.

— Здесь ведь волнения никакого, — сказал он. — Надо выйти в залив.

Талос поставил паруса, и Нис через узкий проход направил лодку в залив. Выйдя из бухты, они сразу легли в дрейф. Стоун заложил в мину два заряда. Берк придерживал основание миномета. Стоун опустил мину в ствол миномета и тотчас же отскочил.

Это было настоящее землетрясение. Их расшвыряло во все стороны, вода вокруг заходила ходуном. Лодку отбросило, точно пробку. Когда мина вылетела из ствола, вся сила отдачи пришлась в днище лодки.

Лодка завертелась на месте и едва не опрокинулась. Нис быстро выбрал грота-шкот, и она выровнялась и встала по ветру. Они видели, как мина шлепнулась в море, далеко-далеко.

— Что ж. Все в порядке.

— Так запустим, что чертям тошно будет, — сказал лейтенант.

— Можно выходить, — сказал Стоун Нису.

Нис направил лодку назад в бухту и подвел ее к берегу, где стояли другие лодки. Он сказал несколько слов Хаджи Михали, и все началось всерьез.

Час спустя они расселись по лодкам и отплыли к Гавдосу, на штурм береговых фортов.

Нис шел под всеми парусами. Лодка, грузно оседая на каждой волне, неслась по Средиземному морю. Она оказалась довольно устойчивой на ходу. Ветер сильно надувал прямые паруса, и нос глубоко зарывался в воду, но зато скорость выигрывалась. Они шли с попутным ветром. Ветер был восточный, резкий. Нис решил идти так до самого вечера, потом изменить курс и повернуть к югу.

Это было то, что он хорошо знал. Здесь ему принадлежало признанное и неоспоримое превосходство. Пока речь шла о минометах, он испытывал неприятное ощущение оттого, что сознавал свое техническое невежество. Он только служил связующим звеном между Хаджи Михали и *австралос*. Он с почтительным удивлением думал о том, сколько нужно было учиться, чтобы так разбираться во всей этой механике. Должно быть, оба *австралос* всю жизнь имели дело с минометами.

Зато здесь мне все знакомо. Мне не нравится оснастка этой лодки, но я бы взялся доплыть на ней куда угодно. Она зависит от моего умения. Минометы зависят от лодки, а лодка зависит от меня. И все это не так-уж просто. Будет много трудностей, потому что план не продуман до конца. И многое будет решаться там, на месте, когда мы начнем разрушать форты.

Нис облокотился на румпель и осмотрелся по сторонам, ища остальных. Вблизи была только вторая плоскодонка, которой правил Сарандаки. Остальные значительно отстали. Некоторых совсем не было видно. Скорость хода у всех лодок была разная, и потому им трудно было держаться вместе. Но он подождет их перед входом в Хавро Спати, бухту на восточном берегу острова Гавдос.

Завтра к утру они будут там.

Он оглянулся на свой экипаж. Стоун и Берк — это само собою. Третьим был одноглазый ловец губок, полуголый, в одних бумажных шароварах. Он сидел на передней банке, под кливерами.

У Сарандаки в лодке был шотландец капрал Макферсон, черноволосый человек, никогда не улыбающийся во весь рот. Это он при посадке указал каждому из англичан его место. Маленького лондонца он взял с собой. На их лодке был второй восьмисантиметровый миномет.

В Литтосе на берегу Сарандаки подошел к ним и одним махом перебросил миномет в лодку.

— Хороша штука, — сказал он, шлепнув его ладонью.

— Спросите, откуда у него этот пистолет, — сказал Макферсон Нису.

У Сарандаки за широким турецким кушаком заткнут был большой черный пистолет с широким дулом. Это был немецкий сигнальный пистолет Бери, значительно превосходивший качеством английские сигнальные пистолеты.

— Хаджи Михали нашел в *аэропланос*, — ответил Сарандаки Нису. — Как раз по моему росту. Эх, хорош. — Он вытащил его из-за пояса и показал Нису дуло в дюйм диаметром и толстые патроны.

— Что ты с ним собираешься делать?

— Как, что делать? Убивать. — И захохотал, довольный собой.

— Да это же сигнальный пистолет, — сказал ему Нис. — Он ракетами стреляет.

— Ну и что ж, — сказал Сарандаки. — Из него вполне можно убить человека. Только если недалеко. Вот на Гавдосе увидишь.

И Сарандаки сам оттолкнул лодку, крикнув что-то другому ловцу губок, уже сидевшему в ней. И стремительно понесся к выходу из залива.

Английский майор и лейтенант были в лодке Талоса, и с ними маленький миномет. Эта лодка была самая быстроходная. Но Талос был слишком нетерпелив и, лавируя, не давал себе труда подумать. Он не умел рассчитывать курса. Он просто правил все время вперед и менял галс тогда, когда уже нельзя было иначе. Только тогда. Вот и сейчас он сильно уклонился под ветер, в сторону от всех остальных, и теперь шел почти вдоль берега, чтобы догнать их. Но с парусами он управлялся хорошо.

Хаджи Михали и остальные литтосийцы сильно отставали, но курс держали правильный.

Завтра, если все пойдет как надо, придется им держаться ближе друг к другу.

Стоун и Берк все возились с минометом на дне лодки. Нис попросил их объяснить поподробней его устройство. Они показали ему грушевидные мины с хвостовым оперением и похожие на патроны заряды, которые закладывались с хвоста. Можно было заложить один снаряд, два, три или четыре. Чем больше зарядов, тем дальше летит мина. Заряжать миномет надо с дула и отходить в сторону. От взрыва зарядов мина получает толчок и высоко взлетает в воздух. Вертикальная и горизонтальная наводка производятся винтовыми механизмами. Прицелом пользоваться нельзя, сказал Берк, потому что деления на нем даны в миллиметрах, а он привык к дюймам, так что наводить придется на глаз.

И снова Нис почувствовал, что не будет все это ни легко, ни просто, ни точно по плану, хотя бы потому, что плана в сущности нет, а есть только полплана. Да иначе и быть не может, когда имеешь дело с орудиями и снарядами, которых никто не знает толком.

И он задумался о Сарандаки. Сказочный джин. Человек, рожденный дикарем. И дикарем оставшийся благодаря своему промыслу.

Ловцов губок Нис видал и раньше. Обычно они с полчаса тренировали дыхание, а после этого ныряли, обхватив большой плоский камень, тяжесть которого сразу увлекала их на дно. Они оставались под водой иногда несколько минут и потом всплывали, обвешанные губками. Случалось, они становились добычей акул. Или их больно обжигали небольшие медузы, называемые здесь *врома*. Они начинали совсем молодыми и молодыми умирали. У них была тяжелая жизнь. Губки свои они продавали скупщикам почти задаром. Только самые нежные губки, которые ловились на больших глубинах, шли чуть подороже. Нис встречал таких скупщиков в Кандии и Мирабелле. Они покупали губки на вес и тщательно проверяли, нет ли в них песку. А потом сами набивали в них песок перед продажей. Если их уличали в этом, они сваливали вину на ловцов. Торговать губками было прибыльным делом, и все скупщики держали сторону Метаксаса. Были преданы ему всей душой. Этому ублюдку, помеси человека с собакой. Оттого-то Сарандаки пришел в такое остервенение при виде песка в губках.

Так Нис раздумывал о Сарандаки. А с соседней лодки доносился мощный голос самого Сарандаки, распевавшего песню. Это была критская народная песня о невесте, которая не любила чеснок, а жених любил. Он так любил чеснок, что всегда ел его, даже тогда, когда делал кое-что другое, и в конце концов невесте надоел и чеснок и другое и она убежала искать себе такого жениха, который бы не ел чесноку.

И после песни — хохот Сарандаки.

Так они плыли к Гавдосу.

Они беспокойно ждали неподалеку от входа в бухту Хавро Спати.

Небо было серое, набухшее. Ветер налетал с берега яростными порывами, и казалось, что ветер и небо существуют сами по себе. По морю ходили высокие, частые волны. Ветер срывал верхушку с каждой встающей волны и рассыпал вокруг сплошным водопадом брызг. Небо набухло дождем. Дождь лил бесконечными косыми потоками, береговой ветер подгонял их. Дождь наполовину скрадывал дневной свет. Кругом было серо.

Они готовились обогнуть ближайший мыс и войти в укрепленную бухту Хавро Спати. Нис шел в крутой бейдевинд, только под гротом и кливерами. Остальные паруса были убраны. При таком море ход был вернее без них, хотя и медленнее. Волны подбрасывали и перекачивали лодку, точно мальчонку, усевшегося верхом на отцовскую ногу.

Нис пока старался держаться поближе к берегу. Он только что лег на новый галс, и так теперь должен был идти до самой бухты. Он догонял Сарандаки. Оба они еще затемно подошли к острову и с тех пор дожидались здесь остальных. Только шесть лодок подошло за это время. Казалось чудом, что и эти шесть добрались в такую погоду. Почему это всегда все против тебя? Вот и с каиками было так же. Всегда все против.

Нис втянул голову, укрываясь от брызг, и поглядел вперед, на острый мыс Хавро Спати. Вот там все начнется. Только они начнут огигать мыс, их тотчас же заметят сверху. Разве только все метаксисты в фортах спят крепким сном. А может быть, там и нет никого? Может быть, и минометы не понадобятся? Сейчас вся затея казалась безумной. Здесь, у самого входа в Хавро Спати, она казалась явно безумной. Я всей душой за это дело, но минометы — это дикость. И вообще дикость в такую погоду.

Энгес Берк давно уже крикнул ему:

— Нельзя стрелять из миномета с этой перекачивающейся бочки.

А Стоун отозвался:

— Может быть, в бухте спокойнее.

— Черта с два спокойнее, — сказал Энгес Берк. — Ничего не выйдет из всего этого.

И Нис про себя согласился с ним. Но так или иначе он не отступит до конца.

Теперь он догонял Сарандаки, решив не дожидаться больше.

— Чего мы ждем? — спросил его Берк.

— Не знаю, — ответил он. — Сейчас догоню Сарандаки и будем начинать.

И Нис крикнул одноглазому, чтобы тот поднимал топселя. Лодка рванулась и понеслась вперед. Ее швыряло волнами, заливало со всех сторон. Наконец Нис поравнялся с Сарандаки и тогда снова пошел в бейдевинд.

— Давай начинать, — закричал он.

Лодка Сарандаки была залита водой, паруса полоскали по ветру.

— Где остальные? — проревел он в ответ.

— Черт с ними, с остальными. Подойдут.

Он оглянулся назад и увидел пять маленьких лодок, приближавшихся под дождем. Надо начинать. Хаджи Михали там, он последит, чтобы и все остальные вошли в бухту.

Талоса с маленьким минометом все еще не было видно. Все равно придется начинать без него. Нельзя без конца околачиваться тут. Потом будет поздно. Нужно начинать.

— Давай! — загремел он.

Сарандаки встал во весь рост — настоящий корсар, черный, мокрый, с сигнальным пистолетом за поясом.

— Давай! — загремел он.

Он скомандовал помощнику поставить топселя. Он скомандовал Макферсону и лондонцу приготовиться. Он командовал своим громовым голосом на гортанном островном диалекте. И лодка, круто повернув, пошла к оконечности мыса Хавро Спати.

Высокий серый берег вставал из воды. Он казался серым сквозь завесу дождя.

Нис пошел за Сарандаки по вспененным волнам. Он почти поравнялся с ним, но Сарандаки закричал:

— Не налезай на меня. Придержи. Иди следом.

— А ты давай быстрее.

— Молодой филин. — Сарандаки захохотал, откинув голову назад. Лодка его под внезапным порывом ветра сильно накренилась, и вода плеснула через борт, с ног до головы обдав Макферсона и лондонца. Нис увидел, как Сарандаки описывает полукруг, чтобы обогнуть мыс и войти в бухту.

— Начали, — отрывисто сказал он остальным.

Стоун и Берк ели маслины, доставая их из намокших карманов. Теперь они бросили это и занялись минометом, с которого текла вода, стараясь укрепить его, чтобы он не ездил по дну. Они смотрели на берег, темневший в тумане. Нис оглянулся. Остальные растянулись неровной линией позади.

Все равно теперь уже поздно. Сарандаки уже входил в бухту. Нис развернулся полукругом, качаясь на волнах, и вошел вслед за ним.

Они обогнули длинный, вытянутый мыс и теперь уже находились в Хавро Спати. Стоун и Берк смотрели по сторонам вверх, отыскивая месторасположение фортов.

Нис сейчас не думал о фортах. Он следил за рифами, которые на каждом шагу возникали из-под воды. Берега Хавро Спати представляли сплошную отвесную стену. Бухта имела форму полукруга, и в самой середине у берега виднелась полоска белого песка. Песок был исчерчен зигзагами колючей проволоки, поднимавшимися к темной расселине в скале. Оттуда и начиналось ущелье.

— Вон он, — сказал вдруг Стоун, указывая назад.

Огибая длинные пальцы рифов, Нис глянул по направлению его руки и на вершине одного из рогов полумесяца увидел приземистое квадратное строение форта. Издали он казался совсем крошечным.

Нис поспешно опустил глаза. Он немного отвел румпель, потом потянул на себя, потом отпустил. И крикнул одноглазому, чтоб тот внимательней следил за парусами, потому что лавировать между рифами становилось все сложнее и трудней. Они теперь значительно отстали от Сарандаки, который шел очертя голову полным ходом. Он уже был почти у противоположного берега и поворачивал, чтобы идти назад, к середине бухты.

Это произошло в ту минуту, когда Нис попытался прибавить ходу, и лодка его понеслась, виляя из стороны в сторону, точно пьяный на коньках. Первое впечатление было, что это само по себе, что это не направлено в них. Просто вдруг раздался какой-то частый, прерывистый треск. Он шел откуда-то спереди. Не из-за кормы.

— Ну вот вам, — сказал Берк.

Где-то в глубине сознания у Ниса определилось: пулеметная очередь. И длинная. Должно быть, по Сарандаки. Нет, метаксисты не спят. Нис навалился на румпель, стараясь держаться в разрез волны. Лодку тащило прямо на бесчисленные мелкие рифы впереди. Поверхность рифов чернела в белой пене разбивающихся волн.

— Приготовься убрать киль, — кричал Нис одноглазому.

— Ты правь, правь, не бойся, — быстро ответил одноглазый.

Но Нис снова зарычал, чтобы он приготовился убрать киль. А сам так круто отвел румпель от себя, что лодка повернулась на шестнадцать румбов. Теперь за своим гротом он не видел Сарандаки. Но он продолжал лавировать между скалами и только время от времени встряхивал головой, мокрой от дождя и брызг. Все время он слышал пулеметную стрельбу. Стреляли только с одной стороны. Он увидел, что Стоун и Берк устанавливают миномет под углом к борту лодки. Стоун, широко расставив ноги для равновесия, держал уже в руках мину и готовился заряжать. Они что-то кричали друг другу, вода ручьями стекала по их лицам.

Нис знал только одно: волны. Волны, которые неуклонно гнали их в глубь бухты. Море кругом походило на шахматную доску. Черные рифы, белая пена волн. Море толкало лодку на каждый встречный риф.

— Убирай топселя! — заорал Нис одноглазому.

Одноглазый сидел, зажав концы четырех шкотов в кулаке, далеко откинувшись за борт. Он крепко упирался ногами и неотрывно следил за бешеными поворотами Ниса, все время держась наготове. Услышав команду, он встал и закрепил все шкоты. Потом отдал топсель-фал. Топсель спустился, хлопая, словно бич.

Они уже были у другого берега бухты. Нис услышал, как Стоун сказал, что здесь, наверху, второй форт. Именно отсюда и стрелял пулемет, но Нису было все равно. Он снова, как тогда, в ураган, боролся с морем, призывая ветер в союзники. Перед ним открылось свободное от рифов пространство, на котором только что разворачивался Сарандаки. Сейчас Сарандаки держал прямо на берег, в глубину бухты.

И тогда заработал второй пулемет.

Нис готовился повернуть вслед за Сарандаки. Крепко сжав румпель, он откинулся назад, подстерегая такую волну, которая помогла бы ему лечь на новый галс. Треск пулемета он слышал не сразу. Он слышал только рев разбивающихся о рифы волн. Он увидел, как мелко там, куда его несет. Еще раньше он это услышал. Характерное

клокотанье воды над скалой. Потом он увидел и закричал одноглазому, чтобы тот убирал киль.

Пулемет стрелял теперь прямо по ним. Он видел, как оба *австралос* инстинктивно пригнулись, но сам он боялся пригибаться. Он не сводил глаз с рифа, темневшего под водой. Он видел белый водоворот пены в этом месте и видел скалу под ним.

— Убирай киль! — закричал он одноглазому. Если киль не убрать, лодка заденет за скалу.

Одноглазый возился с килем, у него что-то не ладилось.

Нис повернул лодку, используя последнее мгновение, пока киль еще был в воде. Теперь осталось только ждать, когда волна или швырнет их на риф, или перенесет через него.

— Сволочь, так в нас и жарит, — сказал Берк, потому что в эту самую минуту снова затрещал пулемет.

— Выбираться надо отсюда, — сказал Стоун.

Нис лег в дрейф, и лодка только качалась на волнах. Он ждал вала, который либо перебросит их через скалу, либо разобьет об нее. Больше ничего не оставалось. Без киля они могли только дрейфовать по течению. С килем неизбежно должны были задеть за скалу.

— Какого черта мы не двигаемся? — заорал на него Берк.

Он и Стоун забрались под банки и оттуда глядели вверх, на форт. Нис не знал, что происходит там, наверху. Он только смотрел на валы, перекатывающиеся через риф, который теперь был совсем близко. Наконец под долгую пулеметную очередь их подхватило волной.

— Держись.

Нис изо всех сил навалился на румпель, не давая волне повернуть лодку боком. Они взнеслись высоко, на самый гребень вала. Сейчас они или рухнут прямо на риф, или перелетят через него.

Только это — одно из двух.

Лодка на миг замерла в вышине. Потом стремительно ринулась вниз, точно пущенный из рогатки камень, и вновь закачалась, уже по ту сторону рифа. Нис повернул руль, и тотчас же паруса надулись ветром.

— Киль, — закричал он одноглазому.

Пули сыпались вокруг них. Падали в воду, вздымая фонтанчики брызг, откальвали щепки от бортов, решетили парус, бешено свистели над головой.

— Ходу, — кричали Нису.

Одноглазый выдвинул киль наполовину. Но достаточно было и этого. Нис выровнял лодку и зажмурился, пряча глаза от дождя. Лодка шла теперь прямо на середину бухты.

Сейчас он отчаянно, всем существом ощущал необходимость минометов. Потому что пулеметный огонь преследовал их. Пули летели над ними и вокруг них, подвывая, с треском расщепляя дерево бортов. Он вдруг почувствовал, как руль дрогнул у него под руками. Пуля угодила в скрепление румпеля с рулем. Стоун и Берк держали миномет, не давая ему опрокинуться от качки, от почти непрерывного крена. Стрельба не

прекращалась. Теперь стреляли еще где-то.

Нет, они не спят. Они все проснулись. Они уже знают про нас. Мы все во власти этих фортов.

— Стреляйте, что ж вы? — крикнул Нис обоим *австралос*.

— Какого тут черта, — сердито сказал Берк.

— Стреляйте! — бешено закричал Нис.

Но тут же он забыл обо всем, так как нужно было пройти вторую линию открытых рифов. Пулемет все трещал им вслед. Они распустили все паруса, чтобы поскорей уйти от него.

На короткое мгновение Нис увидел впереди Сарандаки. Он был уже далеко, посреди бухты, и шел по направлению к песчаной полоске берега, прямо на каменную глыбу, торчавшую на пути. Нису сразу представилось, как лодка, налетев на нее, разбивается вдребезги. Это не трудно было вообразить.

— Он хочет пристать к берегу, — сказал он, с напряжением выговаривая английские слова.

Пулемета, стрелявшего им вдогонку, они теперь не слышали. Они только видели лодку Сарандаки, которая, бешено кувыркаясь на волнах, летела под всеми парусами вперед, туда, где зигзаги колючей проволоки протянулись над белым песком. Прямо туда. И они видели свинцовый дождь, потоки раскаленного свинца, беспрестанно хлеставшие вокруг лодки. И впереди лодки. И над самой лодкой. Стреляли два форта, средний, и тот, что был напротив них. Тучи пуль проливались над лодкой Сарандаки, пули шлепались в море, треск отдавался у дальнего берега тесной бухты.

— Ходу, — бешено кричал Нис Сарандаки. — Давай. Давай.

Свистопляска свинца продолжалась. Все было предрешено. Широкая плоскодонка Сарандаки вдруг завертелась и встала косом к ветру. Руля она уже не слушалась. Парус сильно отдуло в сторону, и в просвете Нис увидел хаос скал впереди. Ветер подхватил вырвавшийся на свободу парус и с силою грохнул лодку бортом о скалу. Нис был так близко, что сразу увидел: двое в лодке уже готовы, Макферсон и лондонец. Уже готовы. Потом он увидел, как миномет, качнувшись, свалился на борт, и тяжесть его перевесила лодку. Вода хлынула через борт.

Сарандаки, когда лодка накренилась, запутался в оборванных снастях и теперь изо всех сил старался высвободиться. Огромные валы перекатывались через него. Кругом все кипело. Сквозь грохот моря слышен был временами рев Сарандаки и треск пулемета, который все еще расстреливал их.

Среди водяного хаоса, неразберихи снастей, парусов, разбросанных тел Сарандаки вдруг снова поднялся во весь рост. Макферсон стал грузно сползать с кормы... Конец. Они поняли сразу. Это его кровью была залита лодка.

И Сарандаки попало тоже.

Но он еще стоял, изрыгая проклятия метаксистам, суля им загробные муки, и землетрясение, и семейный позор, и смерть. Рука великана протянулась вперед. Сигнальный пистолет был наведен на маленький форт на скале. Сарандаки покрепче

уперся ногами. Прогремел выстрел. Ракета взвилась по кривой. И взорвалась. Желтые и зеленые огни плавными дугами полетели вниз. Она взорвалась высоко в небе, над самым фортом, и рассыпалась в гордом блеске огней, ярче солнца, упорней жизни, сильнее смерти, плавнее движенья земли.

Желтое и зеленое.

Тогда со стороны форта ударила очередь. Сарандаки принял все на себя. Сердито и жадно он принял все. Сила удара была огромна, ему бы такого не нанести. В маленьких прыгающих пулях тоже был великан, и этот великан оказался сильнее его.

Это был конец.

Его шатнуло. Он ухватился за парус. Стал падать, задевая за банки, за раскинутые ноги Макферсона, увлекая своей тяжестью мачту, парус, все.

Лодка опрокинулась, сползла с рифа и скрылась под водой.

И вместе с ней скрылся он сам, и Макферсон, и миномет, и маленький лондонец, который шепелявил.

Зеленое и желтое догорало на лету.

Лондонец мелькнул в воде последним, потом и он ушел под воду.

Голос Сарандаки, выкрикивающий проклятия, еще стоял в ушах.

Снова затарахтел пулемет. И дождь, дождь кругом. Дождь. Зеленые и желтые огни, падающие звезды, гасли и дымились под дождем.

Взгляд Ниса был прикован к зеленым и желтым огням. Он был не в силах отвести глаза. Он проследил их путь до самого конца. Потом оглянулся на Сарандаки.

Сарандаки уже не было. Ничего не было — все исчезло под водой. Только белый отодранный лоскут топсея вздулся пузырем, но волна прихлопнула его, и он сразу опал.

Когда Нис подошел к этой груде скал, лодка его почти лежала на боку. Оба *австралос* и одноглазый — все привалились к наветренному борту, стараясь уравновесить напор ветра.

— Можно сейчас стрелять? — крикнул Нис.

— Нет, нет. При таком море нельзя, — сердито отвечали ему.

— Тогда идем к берегу, — сказал Нис. И тотчас же стал разворачивать лодку.

— Те тоже шли к берегу.

Берк указал туда, где скрылся под водой Сарандаки и все остальные. Но это было ни к чему. Они уже попали под перекрестный огонь двух фортов. Клеп-клеп-клеп — только щепки летели кругом.

Нис круто лег на правый галс. Он не делал попыток уйти из-под огня. Он просто рассчитывал подойти к берегу с наветра. Прямо к берегу. Прямо туда, где глаз ловил нагромождение земли, проволоки, рифов, прибоя, скал и узкий клин белого песка.

Раскаленный свинец проливался над ними. Лодка под ветром кренилась все сильнее. Они откидывались за борт, стремясь своей тяжестью уравновесить ее. Это было сейчас важнее, чем раскаленный свинец вокруг.

У Стоуна вся кровь прилила к голове. А Энгес Берк — ничего. Только гримаса боли на лице.

Вдруг одноглазый упал. Он упал за борт. Свалился с грузом свинца в теле. И бело-зеленый водоворот подхватил его.

У Ниса от напряжения болела спина. Он вцепился в румпель, выгнулся весь, точно ивовый прут, сопротивляясь бешеной скорости, с которой они неслись вперед, на берег.

Прямо впереди, ближе, все ближе, в пене, желтый, не белый, песок несетя навстречу, прямо на них. Лодка разлетится вдребезги, когда ударится об это. Даже волны разбиваются здесь. Они летят стремглав, вот сейчас, вот.

И вверх на волне. И снова вниз. И двойною силой волны и ветра вперед, под пулеметную трескотню. И — с грохотом — вниз. Лодка спикировала, как самолет. И море швырнуло ее на желтый песок.

Парус, вырвавшись, развеялся по ветру, задевая, сбивая с ног. Это был конец. Лодка лежала, полузарывшись в камни и песок. Камни, которых раньше не видно было. Волны вливались в лодку. Паруса трещали.

Стоун, великан Стоун, по пояс в воде, подхватил миномет, взвалил его себе на голову. И побежал с ним по воде. Нис рванул за ручку ремня и вытащил из лодки ящик с минами. Парус ударил его и свалил. Он протянул ящик Берку. Круглый Энгес Берк, с головой уйдя в белую пену прибоя, и слышал и чувствовал рев пулемета теперь только с одной стороны. Только с одной.

И, спотыкаясь, прячась под тенью скал, они двинулись к проволоке, протянувшейся от скалы до скалы.

Но тут же бегом пустились назад, потому что раскаленный свинец взрыл желтый песок вокруг них. Проволока загромождала путь. Так их живо перестреляли бы одного

за другим.

— Стреляет один только форт. Остальные слишком далеко, — сказал Стоун.

Он добежал до разбитой лодки, которую море подкидывало и снова бросало на камни, в желтый песок.

— Вот тот. — Берк указал пальцем.

Это был форт, расположенный по диагонали через бухту. Тот, который первым открыл стрельбу.

Нис и Берк поволокли ящик с минами за Стоуном к лодке. Там, в хаосе воды и хлопающих парусов, они хотели укрыться от раскаленного свинца, которым их по-прежнему обливал пулемет. Они отгородились от него изувеченной лодкой. Они присели за ней и услышали, как раскаленный свинец забарабанил по дну и бортам.

Камни пробили, продырявили лодку во многих местах. Корма почти отвалилась. Ветер изодрал паруса, лохмотья плавали в набегавших волнах. Нис и оба *австралос* легли за лодкой в воду. Дождь полил еще сильнее. Пулемет струил раскаленный свинец. Пули летели над их головой, откалывали щепки от перевернутого корпуса плоскодонки.

— Что же вы? — сердито сказал Нис. — Стреляйте же наконец.

Стоун установил миномет на отмели. Он приподнялся и выглянул из-за лодки, которая лежала на боку и нижним бортом зарывалась все глубже в мокрый песок. Выглянул и тотчас же снова присел. Берк мокрыми трясущимися руками шарил в ящичке с минами. Потом сунул руку под свое хаки, застегнутое на все пуговицы, и вытащил сумку с зарядами. Он взял три заряда и вставил их в мину.

— Тут ярдов пятьсот, — сказал Стоун.

Энгес Берк стукнул по мине ладонью, и заряды высыпались. Он вставил их снова, на этот раз только два. Он ждал Стоуна, который поворачивал винты наводки и укреплял плиту на скользком каменисто-песчаном дне отмели, над которым плескалась вода.

— Давай, — сказал Стоун и присел на корточки.

Нис лег на живот. Берк обеими руками поднял мину и опустил ее в ствол. Вдруг заряды подмокли? Вдруг в ствол попала вода? Вдруг что-нибудь? Но выстрел грянул.

Бум.

Звук был такой, точно взорвался ящик со снарядами. Подземный толчок. Извержение вулкана. Мина летела неправдоподобно медленно. Сначала она с грохотом взвилась вверх. Они ухватились за борт лодки, припали к ней, вытягивая шеи, чтобы не проглядеть вспышку разрыва. Нис только сейчас впервые увидел границу бухты, над которой дыбился отвесный белый занавес скал. И маленький форт наверху, у самого края обрыва. Неподвижный, неодоушевленный. Это оттуда летел на них раскаленный свинец.

Он ждал разрыва.

Мина ударилась в скалу много ниже форта. Заклубилось облако белой пыли. И только потом долетел звук.

— Ни к черту, — заревел Берк.

Стоун стоял под самым дулом миномета, и на его мокром красном лице бродила

улыбка сумасшедшего. Берк вставил в другую мину заряд, громко ругаясь из-за чего-то. В эту минуту их залило волной. Стоун на ощупь, но осторожно стал поворачивать винт подъемного механизма, и ствол поднялся немного выше. Он укрепил плиту, чтобы ее не сдвинуло силой отдачи, и снова заорал.

— Давай.

Нис уже стоял на борту перевернутой лодки и, напрягая глаза, изо всех сил всматривался сквозь пелену дождя в маленький форт. Ждал разрыва.

Разрыв пришелся высоко, под самым обрывом, левее форта. Но почти на одном уровне с ним.

— А, сволочь, доберусь же я до тебя, — радостно закричал Стоун.

Тут пулемет снова накрыл их тучей раскаленного свинца. Где-то позади, в бухте, стрелял еще пулемет. Но они не следили, что делается в бухте. Теперь уже не имели значения никакие планы, никакие узники на Гавдосе. Просто они трое только что внезапно родились, здесь, на песчаной отмели, у разбитой лодки, и родились уже вооруженные минометом, подобно Минерве, в полном вооружении явившейся на свет. Они трое против форта там наверху, который тоже возник уже вооруженным. То был мир в мире. Понятно? Ясно? Все только для того, чтобы разгромить ту сволочь наверху. Сволочь — это обозначало не людей. Сволочь — это было все вместе. Форт, пулемет, раскаленный свинец, летевший сверху, — все вместе.

Нис вынул мину из ящика и подал Берку. Берк вставил заряд и ждал Стоуна. Стоун снова менял наводку. Он наводил наугад. Все наугад. Потом Берк опустил мину в ствол. Стоун придержал плиту, и вода у отмели высоко всплеснулась вверх при отдаче. Опять они отошли от миномета, чтобы увидеть разрыв.

Они прождали несколько мгновений.

Белый клуб пыли взвился почти у самого форта. Только все еще чуть левее. Из-за дождя нельзя было разобрать, пришелся разрыв ближе или дальше цели.

— Есть, — заревел Стоун.

— Нет еще.

Звук долетел почти мгновенно. Облако песка стало рассыпаться. Нис сморгнул капли, скатывавшиеся с мокрых волос, и взгляделся, ожидая увидеть развалины форта. Но форт стоял на месте. И снова отвечал им тучами раскаленного свинца. Все трое соскочили с лодки и бросились плашмя на мокрый песок. И так лежали. Пули пролетали высоко над ними, при каждой волне их окатывало водой.

Стоун на коленях пополз к миномету. Море плескало ему в лицо, дождь поливал сверху. Снова он стал возиться с винтами.

— Он назад отъехал, — сказал Берк.

— Знаю. — При отдаче плита сдвинулась с места.

— Привяжи ноги, — сказал Берк.

— Достань мне веревку.

Берк полез на грудь обломком за веревкой. Нис посмотрел и тоже пополз к лодке.

— Помогите-ка оторвать вот это, — сказал ему Берк.

Они вытянули свободный конец кливер-фала, и Берк стал тереть его о железный крюк, пока он не перетерся. Все это время пулемет бил по ним, хотя за лодкой их не

было видно. Потом Берк обвязал веревкой одну ногу сошки, а Стоун стал обвязывать другую.

— Ладно, хватит, — нетерпеливо сказал Берк.

Нис передал Берку новую мину. Она была мокрая и скользила в руках. Берк быстро схватил ее. Вставил заряд. И, как только Стоун отошел, опустил ее в ствол.

Снова вулкан. Рев и грохот вулкана.

Выглянув из-за лодки, Нис увидел разрыв. Только верхнюю часть клуба пыли. Незначительный перелет. Но, должно быть, за самым фортом. И, должно быть, в форт попало тоже. Вот сейчас они увидят. Должно быть, попало в форт, потому что столб пыли застлал все кругом и не рассеивается.

— Молодец, сукин сын, — крикнул «Энгес Берк Стоуну.

— Давай еще. — Стоун бесновался от радости. — Еще давай.

Нис взял у Берка заряд и сам вставил его. Нис втокнул мину в ствол и отошел. Грохнул выстрел. У Берка уже была другая наготове. Снова грохнуло. И еще раз. Пять раз подряд: бум-бум-бум-бум-бум. И они отошли. Теперь хватит. Нис выпрямился и увидел еще, как разрывались две последних. Все трое стояли вокруг лодки. Не за ней, а вокруг, и это было удивительно и страшно.

— Ах ты чертова перечница, — крикнул Энгес Берк Стоуну.

— Сам чертова перечница, — крикнул Стоун в ответ.

Нис ругнулся тоже, по-гречески и про себя. Он знал, что в форт не попало. Но он ждал, полетит ли снова раскаленный свинец. И он знал, что не полетит.

— Готов, — сказал он остальным. Форт больше не стрелял. И тут их существованию вне мира, отдельно, вдруг наступил конец. Они возвращались в мир. Три человека на желтом песке, одни, без лодки, без всего — только вот этот миномет и последний десяток мин.

Нис уже смотрел назад, в бухту, глазами отыскивая остальных.

Шесть рыбацких лодок растянулись от края до края бухты. Они путались между рифами, которые надо было обходить. Одна застряла в невидимом лабиринте скал. Она беспомощно вертелась на месте, паруса ее полоскали. Три литтосийца судорожно цеплялись за борта.

Остальные пять лодок разогнал пулемет, стрелявший с внешнего форта, того, который не был виден с отмели. Была только слышна стрельба.

— Входят они? — Стоун поднимал миномет из воды.

— Войдут, — сказал Нис. — Теперь надо взяться вон за тот.

Мокрый ветер пробирал их до костей, с одежды текла ручьями морская вода. Нис, волоча за собой ящик с минами, уже шел по направлению к проволоке. Отсюда хорошо была видна вся бухта. Средний форт, расположенный как раз над ними, замолчал еще в самом начале. Ничто не обнаруживало его существования. Вероятно, подумал Нис, оттуда все ушли, когда заработал миномет. Или еще тогда, когда нас выбросило на песок. Но третий форт стреляет и держит под огнем вход и выход из бухты. Веселое будет дело выбираться отсюда на этих лодчонках.

— Идем. Идем скорей, — крикнул он, оглянувшись. Стоун уж тащил миномет, зажав ствол под мышкой.

— Наверх незачем подниматься, — закричал он Нису.

— Нужно взорвать и тот форт тоже, — ответил Нис.

— Мы его достанем отсюда.

Нис повернул назад.

— Отсюда ведь не видно, — сказал он.

— А нам не надо видеть, — сказал Стоун.

Стоун установил миномет у полукруглого изгиба ржавой проволоки, вне поля зрения форта. Берк пошел вдоль проволоки, до изгиба. Потом лег и ползком стал пробираться дальше.

— Он у нас будет корректировщиком, — сказал Стоун Нису. — Вы заряжать сумеете?

— Сумею.

— Ну вот давайте. — Стоун бросил ему ящик с зарядами, потом отбежал туда, где проволока упиралась в стену ущелья, и посмотрел на единственный форт, который еще проявлял активность. Потом в несколько прыжков вернулся на прежнее место, чуть-чуть передвинул миномет и навел на высокий край берега, где должен был находиться не видный отсюда форт.

Когда все было готово, он сказал Нису:

— Давайте.

Нис опустил мину в ствол, и сейчас же загрохотало. Они услышали разрыв, хотя и не могли его увидеть. Но Берку с его места было хорошо видно.

Стоун повернулся к Берку, тот помахал ему руками. Но тут же припал к земле, потому что вокруг стали зарываться в песок пули.

Нис вдруг забыл думать о пулемете. Он смотрел, как входят в бухту шесть маленьких рыбачьих лодок. Он видел лодку Хаджи-Михаля, которая шла под одними кливерами, прямо к тому месту, где были они. Сам Хаджи Михали сидел у руля, белые волосы мокрыми гладкими прядями свисали ему на лицо. Встречный ветер гнал волну, и лодку все время захлестывало с носа. Хаджи Михали держал прямо по ветру, на то место берега, где залег Берк. Единственный свободный проход между рифами был в этой стороне. Он доберется, если будет все время держать так. И если его не накроет огнем маленький форт.

— Продолжайте огонь, — закричал Берк.

Стоун торопливо готовил мины. Когда Нис повернулся, вспомнив свои обязанности, он уже сам опустил одну мину в ствол:

Тогда Нис оставил Стоуна одного управляться с минометом. Он бросился в сторону Берка бегом, сажеными прыжками, ожидая, что вот-вот настигнет его раскаленный свинец. Он пробежал мимо Берка. Чем скорей он бежал, тем сильнее били ему в лицо потоки дождя.

— Куда вас черт несет?

— Туда. Вон туда, — отрывисто выкрикнул Нис.

Нис видел, что Хаджи Михали уже совсем близко и старается повернуть лодку так, чтобы не опрокинуться у самого берега. Второй рыбак в его лодке спешно убирал киль.

Нис со всего разгона влетел в воду и сразу лег плашмя. Он пополз по песчаному дну отмели, преодолевая тяжесть разбухшей одежды, чувствуя песок, замутивший воду, ощущая его вкус во рту. Потом вдруг выставил голову из воды и, поднявшись на ноги, пошел через буруны, по пояс в воде, к тому месту, где пытался пристать Хаджи Михали. Он услышал две короткие пулеметные очереди и почти одновременно выстрел миномета. Он поспешно присел, потому что отхлынувшая волна на миг открыла его почти с головы до ног.

Прыжками, от волны к волне, Нис довольно быстро подвигался вперед. В это время высокий вал подхватил лодку Хаджи Михали и понес к берегу. Нис остановился, ожидая.

Хаджи Михали крикнул ему, чтобы он не шел дальше.

Когда лодка полетела вниз, Хаджи Михали круто повернул руль. Кливера яростно заполоскали. Лодка встала по ветру, носом прямо к Нису. Он ухватился за нос и стал тащить к берегу. Второй рыбак торопливо убирал кливера. Хаджи Михали соскочил в воду и помогал Нису вести лодку, подпрыгивая и проезжая вместе с ней на каждой волне.

— Туда давай, — сказал Нис, указывая на разбитую плоскодонку, куда не долетали пули с единственного стрелявшего форта. Теперь они втроем боролись с морем за лодку. Море хотело швырнуть ее на песок с высоты и разбить, как уже разбило плоскодонку. Они пригибали нос книзу и не давали морю вскинуть ее на гребень. И все тащили ее вперед, пока, наконец, Нис не почувствовал под ногами уж не песчаное зыбкое дно, но песчано-каменистую почву берега. Тогда он смелее потащил лодку из

ВОДЫ.

— Давай на берег, — закричал он. — Здесь они ее не достанут.

Они дождались волны и вытащили лодку на берег. Они придержали корму, чтобы нос не зарывался в песок. Потом оттащили лодку подальше от воды.

Снова Нис услышал бум миномета.

Тогда он повернулся, чтобы идти навстречу остальным лодкам.

Пулемет постепенно пристреливался. Он теперь бил по двум суденышкам, только что вошедшим в бухту. Одно шло под гротом и приближалось к берегу с пугающей быстротой. Нис поспешил навстречу. Он увидел, как раскаленный свинец зарядил воду вокруг лодки. Когда же, наконец, Стоун справится с этим фортом? Ему бы надо передвинуться туда, где Берк. Если эти лодки не пристанут к берегу, никого нам отсюда не вывезти. Ну же.

— Грот убери, — закричал он идущей лодке.

Убрать грот. И киль тоже в воде. Ко всем чертям этот грот.

Обе лодки шли к берегу. Хаджи Михали и другой рыбак встречали вторую. Нис ждал первую, ту, на которой был поднят грот. Она развернулась совсем уже недалеко от него.

— Спускай грот к такой-то матери, — выругался он.

И тут он понял, почему грот не убран. В лодке был один только человек, другого, должно быть, настигла пуля с маленького форта. Этот единственный человек возился с килем, который уже скреб по песку. Ему удалось втянуть киль в ту самую минуту, как Нис повис на носу лодки и вместе с ней поехал на волне. Тогда литтосиец ухватился за грот и, шатаясь от качки, стал дергать его вниз. Но тут лодку залило волной и его смыло за борт. Грот упал. Волна швырнула лодку вбок, и Ниса сильно стукнуло по голове.

— Корма. Корму держи, — исступленно зарычал он.

Литтосиец стоял в воде, удерживая корму, борясь с напором волн. Опять море принялось выдирать у них лодку в злобном стремлении бросить ее с размаху на крутой откос. Лодка, залитая водой, отяжелела, и волны то и дело перекатывались через нее. Нис упирался в песок своими разбухшими от воды дрянными метаксистскими сапогами. Пригибал нос лодки. Глотал соленую морскую воду пополам с песком. От соли нестерпимо жгло глаза. В голове стучало.

Но он дотащил лодку до лодки Хаджи Михали. Последние силы ушли на это. Он изнемог совершенно еще и потому, что его тошнило от соленой воды. Он повернулся и побрел к морю, встречать еще лодки. Он не слышал больше ни пулемета, ни разрывов мин, ему уже было все равно. Он смотрел по сторонам, не покажется ли последняя лодка. Смотрел, почти не видя. Мешал дождь, и холодный, режущий ветер, и боль в налитых кровью глазах. Он не видел последней лодки. Он знал, что она где-то тут. Он слышал голоса кругом, крики. Хаджи Михали догнал его. Нис понуро брел в полосе прибоя, колени у него подгибались, тошнота подступала к горлу. Он уже ничего не видел. Совсем ничего. Море накрыло его. Он не сознавал ничего. Остались только смутные ощущения. Теплое прикосновение воды, теплое потому, что половина его тела оставалась на воздухе. Теплое.

Ну тут его подхватили. Вдвоем взяли под мышки, и вытащили из воды, и почти волоком дотянули до лодки. Он был полон воды и песка и холоден, как вершина Иды, и внутри у него все слиплось в комок.

— Ну, ну, только без этого, — услышал он голос Берна.

Кто-то уложил его на песок и стукнул по спине. «Что я сделал? В чем провинился? Зачем они мучают меня, не дают покоя?» Но в глазах у него уже прояснилось.

— Ну, обошлось?

— Ему уже лучше.

— Переверни его.

Тогда он согнулся вдвое и выкашлял из себя все, что мешало внутри, — морскую воду, и горечь, и желудочный сок, и маслины, и вчерашнюю сушеную рыбу, и вино, выпитое два дня назад.

Потом он поднялся на ноги и посмотрел на остальных.

— Стою, — все еще как в тумане сказал он по-гречески.

— Мы идем за проволоку, — сказал Хаджи Михали.

— Идите. Я тоже пойду.

И Стоун и Энгес Берк были здесь же. Берк нес ручной пулемет. Это был большой солотерн, тот, из которого нужно было стрелять с треноги. У Стоуна был маленький пистолет-пулемет. Ему, Нису, втиснули в руки люгер. Нис увидел, как Хаджи Михали дернул проволоку, рыжую от ржавчины. Она поддалась под бешеным рывком маленького человека. У Ниса все еще барабанило в ушах. Он почти вслепую полез через проволоку вслед за остальными, слушая их голоса, видя перед собой спины шести литтосийцев с Хаджи Михали во главе.

А Стоун и Берк подгоняют его, Ниса, английскими словами, смысла которых он сейчас не в силах уразуметь. Он только и может что покрепче сжать тяжелый люгер и постараться ускорить шаг. Ускорить шаг.

Зигзаги колючей проволоки рвались довольно легко. Особенно внизу, где железо проржавело от мокрого песка. Они раздвигали ее, сгибая и разгибая, и постепенно продирались сквозь заграждения. Шедшие впереди уже очутились в ущелье. Один из ловцов губок поравнялся с Нисом. Нис услышал его голос:

— Это Сарандаки пошел ко дну? — В голосе было любопытство.

— Да, — сказал Нис.

— Его убил пулемет с форта?

— Да.

— И он пошел ко дну? Ты сам видел?

Нис подвигался следом за Стоуном, который намокшими башмаками раздвигал проволоку на пути.

— Да. Он пошел ко дну. Куда же ему еще было деваться? Он утонул.

— А может быть, он застрял среди рифов?

— Нет. Нет. Не может этого быть. Нет.

Ниса раздражала настойчивость этого человека. Сейчас только начинается самое главное. Сарандаки убит. Как и что — об этом можно подумать после. Сейчас вся цель — добраться до лагеря. Туда, наверх. Так было, когда они гнались за железноголовыми по берегу реки вместе со Спада. Спада и Сарандаки. Жили, жили и дожили до виселиц и пуль метаксистов и железноголовых. Вот и нужно туда, наверх, освободить заключенных литтосийцев. Литтосийцев, которые вели борьбу с Метаксасом.

Стоун и Берк громко говорили по-английски, и он лез за ними, сторбившись под дождем, раздвигая проволоку, переступая через нее. Ноги путались в проволоке. Но Стоун и Берк все подгоняли его.

Когда начался подъем, в голове стало проясняться и сделалось легче. Теперь они были уже в самом ущелье. Карабкались по склону вверх. И он знал: все зависит от того, что ждет их на вершине. Они войдут в лагерь. Они встретят сопротивление, если только охрана не разбежалась. Но, вероятно, метаксисты там и поджидают их. Продолжая взбираться, он оглядел остальных, у всех ли есть оружие. Литтосийцы почти все были вооружены: у ловцов губок, вереницей растянувшихся по песчаному склону, были маузеровские винтовки, у Стоуна висел через плечо пистолет-пулемет Эрма. И Нис порадовался этому.

Берка нигде не было. Потом вдруг Нис увидел его. Этот невысокий человек на своих пружинных ногах ушел уже далеко вперед и поднимался теперь рядом с Хаджи Михали. Он нес громоздкий пулемет Солотерна. У Хаджи Михали оружия не было. Ему не пристало носить оружие. Оно показалось бы неуместным в руках ясноглазого Хаджи Михали. Зато у Берка, шедшего с ним рядом, был длинноствольный солотерн, он нес его на плече, придерживая за конец ствола. Эта пара уже почти достигла вершины.

К Нису полностью вернулось сознание происходящего. Оставался только какой-то мертвящий гул в голове. Он лишь тогда почувствовал это, когда гул прекратился. В ухе была водяная пробка, от сотрясения при подъеме ее пробило, вода вылилась наружу, и

тогда все стало совсем хорошо.

Помогая себе руками, он преодолевал последние сорок ярдов подъема.

— Ну, как вы там? — крикнул Стоун, оглянувшись назад.

— Хорошо. Идите, — сказал он.

И тут же инстинктивно припал к земле, потому что откуда-то сверху понеслась назойливая чечетка пулемета: так-так-так.

— Ничего. — Стоун очутился рядом с ним. — Это наш солотерн.

— Берк?

— Да.

Они вместе вскарабкались на известняковые скалы, окаймлявшие склон. И вылезли на плато, вдоль которого тянулся лагерь. Ветер ударил им в лицо, как только они выпрямились и стали оглядываться, ища Берка и Хаджи Михали.

Нис смотрел на лагерь, длинный, серый, мокрый от дождя. Это был четырехугольник неправильной формы, обнесенный стеной из бурого камня. Они стояли перед этой стеной со стороны ущелья.

И вдруг немного в стороне он увидел Энгеса Берка. Берк сидел верхом на стене и неловко, с бедра, стрелял из солотерна. Дав очередь, он оглянулся и сделал знак литтосийцам, вылезавшим из-за ближнего бугра, чтобы они подошли помочь ему. Стоун уже тоже сидел на стене и неловко размахивал пистолетом.

Нис полез за ним. Цепляясь за выступы камней, он подтягивался на руках. Руки скользили и срывались. Он вдруг снова почувствовал слабость и, наверно, упал бы, но в эту минуту здоровенная ручища Стоуна ухватила его и втащила наверх.

Нис увидел самый лагерь. Это был обыкновенный двор, огороженный стеной. Земля была голая, кругом стояли лужи от дождя. Кое-где торчала пучками чахлая, низкорослая трава. По сторонам стояло несколько каменных домов. Один, посреди двора, был недостроен. Людей не было видно. Совсем никого. Но Берк стрелял по недостроенному дому.

Нис соскользнул со стены и упал на землю. Что-то с треском ударилось в стену над его головой. Судя по звуку — ружейная пуля. И только одна. Но почти тотчас же прожужжала другая.

— Бегите, — закричал сверху Стоун.

— Они в недостроенном доме. — Нис уже был на ногах. Не то чтобы он не замечал ружейных пуль, сыпавшихся кругом. Он и слышал и видел все. Но ведь они всегда летят мимо. Всегда летят мимо. В правой руке у него был люгер, но он забыл про это.

— Бежим вместе, — закричал он Стоуну.

Стоун никак не мог слезть со стены. Тогда Нис побежал один.

Он пробежал пятьдесят ярдов до недостроенного дома, тяжело увязая в мокром песке. Снова полил дождь, но он и без того был весь мокрый, так что это не имело значения. Его кидало то в жар, то в холод. Из недостроенного дома больше не стреляли.

Но тут он увидел Берка и Хаджи Михали, которые бежали вдоль стены в другую сторону. Вдоль стены, к низким, нескладным строениям, стоявшим среди тощих

деревьев.

— Эй, вам что, жизнь не дорога? — крикнул Стоун Нису, догоняя его.

Нис видел впереди ломаный контур недостроенных стен. Рыхлый песок кругом, белые срезы известняковых плит, пустой проем окна. Он вплотную подбежал к дому, потом стал обходить его, ища вход. Четвертую стену только начали возводить, с этой стороны вся внутренность дома была открыта.

Нис увидел грека.

Грек стоял и молчал. В руке он держал винтовку. Рука безжизненно висела. Грек точно не совсем понимал происходящее. Он был в армейской, навозного цвета, форме, с желтыми нашивками капрала. Вид у него был недоумевающий.

— Клади оружие, — приказал ему Нис.

О своем люгере он по-прежнему не вспоминал. Так и держал его в опущенной руке. Он быстро шагнул к греческому солдату и вырвал у него винтовку. Он не знал, что же делать дальше. Выходило неловко и глупо.

— Стон здесь. Если выйдешь, тебя застрелят, — сказал он.

Он повернулся и выбежал из недостроенного дома, держа винтовку наперевес. Стоун ждал его с пистолетом в руке, готовый выстрелить в любую минуту.

— Там есть один, — сказал Нис.

Затрещала длинная очередь солотерна. Кругом никого не было видно. Но Нис отчетливо слышал выстрелы со стороны барака, куда раньше пробежали Берк и другие.

— Пока хватит, — сказал Стоун.

Нис не понял. Но Стоун уже побежал в том направлении, откуда стреляли. Нис посмотрел по сторонам и увидел группу строений побольше в дальнем углу лагеря. Он решил, что это главные корпуса. Других решений от него пока не требовалось.

— Вон туда, — сказал он Стоуну.

Он не стал смотреть, повернул Стоун за ним или нет. Он побежал по лужам, по реденькой траве, ветер с воем забирался под его раздувающуюся рубаху и обжигал его. Винтовку он бросил. Она мешала бежать. О роли оружия он не думал. Самое важное был он сам, его присутствие здесь. Он был мухой, пугающей паука.

Из ближайшего дома по нему открыли огонь. Он бросился на землю. В эту самую минуту Стоун поравняйся с ним и, подняв пистолет-пулемет, дал очередь по сбившимся в кучу домам. Он держал пистолет невысоко, и сила отдачи едва не сбила его с ног. Потом он побежал дальше. Теперь еще откуда-то слышалась стрельба. Берн со своим солотерном.

Нис поднялся и побежал за Стоуном. Недалеко от первого дома великан вдруг остановился. Из двери выскочили трое людей и бросились к соседнему дому. Стоун упер свой эрма в бок и расстрелял их к чертовой матери. Всех троих. Двумя короткими очередями.

— Осторожно. Не надо спешить, — закричал ему Нис. — Тут могут быть заключенные. Осторожнее.

— Где они, здесь?

Оба стояли теперь у самой стены дома и прислушивались к шуму и крикам где-то рядом.

— Не знаю, — сказал он. И закричал по-гречески: — Выходите, литтосийцы! Хаджи Михали здесь.

Шум сразу стих. Слышны были только одиночные выстрелы в соседнем доме.

— Идите вы сюда, — крикнул кто-то на диалекте. — Мы не можем выйти.

— Там есть солдаты?

— Один. Но уже наложил в штаны.

— *Эпа*, — подхватили другие голоса.

— Они говорят, чтобы мы вошли, — сказал Нис Стоуну.

Вдвоем они прошли вдоль стены первого дома и подошли к следующему. Этот был почти квадратной формы, не так вытянутый в длину, как остальные. В двери было окошечко, забранное решеткой. В окошечко видна была квадратная кухня с двумя печами. Заключенные литтосийцы столпились у единственного окна, забитого крест-накрест тяжелыми деревянными брусьями.

— Литтосийцы, — окликнул Нис.

Они бросились к двери. Их было четверо — бородатые, похожие на мертвецов люди, босые, полуголые, в одних только бумажных солдатских штанах.

— *Эпа*, — закричали они.

Крича наперебой, они осаждали дверь. Откуда-то вдруг появился пятый, с винтовкой в руках, и Стоун, подняв свой пистолет-пулемет, просунул дуло сквозь решетку, окна.

— Нет, нет, — сказал ему Нис.

— Метаксист! — закричал ему человек с винтовкой. — Клади оружие.

Винтовка со стуком упала на каменный пол. Литтосийцы даже не оглянулись. Они успели уже отодвинуть тяжелый засов, и один за другим выскочили из дома.

— Где Хаджи Михали?

— Как вам это удалось?

— Мы слышали стрельбу. Вас тут целая армия?

— Остальные в том доме, что у ворот.

— Их перевели к воротам, когда с фортов открыли огонь. Тот дом укреплен.

— Скорее туда.

Они говорили, перебивая друг друга. Точно дети. А с виду совсем старики. Стоун с изумлением разглядывал их. Все четверо на одно лицо. Никакой разницы. Одинаковые черты. Одинаковое выражение. Четыре живых мертвеца.

— Идем, — торопили они Ниса.

Они заговорили со Стоуном на диалекте. Но он в ответ только таращил на них глаза. Тогда Нис, который несколько напряженных секунд молча всматривался в их лица, сразу опомнился.

— Хаджи Михали вон там, и с ним еще люди, — сказал он, показывая рукой.

— У тебя есть оружие, иди освобождать остальных.

Это было сказано Стоуну.

— Он — *инглезос*, — объяснил Нис про Стоуна.

— *Инглезос*? Они свою войну кончили. Что он здесь делает?

Нис оставил этих четверых. Стоун уже бежал через двор лагеря к дому у ворот.

Оттуда снова слышалась стрельба. Быстрая перестрелка двух сторон. Одиночные ружейные выстрелы и ответные очереди солотерна. Нис догнал Стоуна, когда выстрелы затрещали опять. Они раздавались из-за длинного, одиноко стоящего барака. За ним были ворота, обитые рифленным железом и опутанные колючей проволокой. Стреляли где-то рядом. Пули щелкали по воротам с характерным звяканьем железа о железо.

Стоун побежал к высокой куче водорослей и камней, наваленной у ворот. Укрывшись за ней, он открыл стрельбу по окну барака. Нис повернул туда же, но на ходу оглянулся — посмотреть, куда целит Стоун.

Тут пистолет Стоуна вдруг умолк, хотя Нис ясно видел двух солдат у низенькой двери барака.

— В чем дело? Стреляйте, — сказал Нис.

— Больше нет патронов, черт его дери. — Стоун дергал спусковой крючок, но слышалось только металлическое щелканье.

По-видимому, те двое в дверях их еще не заметили. Стрельбу они прекратили. Они смотрели в сторону жиденького кустарника у ворот, где, должно быть, засел Берк со своим солотерном.

— Можно? — шепотом спросил Стоун Ниса и потянул люгер из его стиснутых пальцев. Люгер был тяжелый, и рука Ниса давно затекла, но он до сих пор не подумал о том, чтобы стрелять из него. Теперь его взял Стоун. И, выставив для упора правую ногу, стал наводить на цель.

— Крикните им, пусть выходят, — сказал Стоун Нису.

— Стреляйте так, — сказал Нис.

— Пусть выходят, — повторил Стоун.

Нису вдруг как никогда захотелось смеяться. Над этим великаном, который стоит, вытянув вперед руку с люгером, и ждет, пока солдаты двинутся с места, чтобы выстрелить в них. Но дело было не в этом. Просто Стоун не был уверен в своем оружии. И он ждал, когда Нис окликнет солдат.

— Эй, вы там! — закричал Нис. — У нас оружие. Выходите. Не прячьтесь. У нас оружие.

Один солдат круто обернулся, взглянул на кучу водорослей и бросился бежать. Стоун тотчас же выстрелил ему вдогонку. Раз и потом еще два. Звук выстрелов люгера показался очень тихим после солотерна.

Стоун промахнулся, и грек продолжал бежать. Зато второй солдат, опустив винтовку, бросился к ним.

Тут все и кончилось.

Хаджи Михали и Берк появились из-за барака с другой стороны. Значит, они были вовсе не в кустах. Где они были, Нис догадаться не мог. Но сейчас они уже скрылись в дверях длинного низкого барака.

И это был конец.

Нис вбежал в барак, чуть опередив Стоуна, и сразу же увидел двух солдат, лежавших на полу. Пол был каменный, ступенчатый, и весь залит кровью. Хаджи Михали, Берк и литтосийцы, вбежавшие через другую дверь, стараясь не ступать по кровавым лужам, отодвигали деревянные засовы на дверях, ведущих в маленькие

камеры по сторонам. Оттуда стали выходить еще заключенные, литтосийские рыбаки и ловцы губок, похожие на первых четырех. Их набралось восемнадцать человек. Со двора вошли еще четверо — те, которых освободили Нис и Стоун. Они все столпились в тесной комнате, окружив Хаджи Михали и Берка. Берк все еще держал под мышкой свой солотерн, и лицо его хранило напряженное, сосредоточенное выражение.

Тогда Хаджи Михали сказал:

— Пусть принесут юношу Антроста и Политиса тоже.

Несколько литтосийцев вышли из барака и пошли к воротам. Вскоре они вернулись, неловко, с трудом неся двоих. Один был долговязый подросток лет пятнадцати, с гладким безусым лицом. Другой — маленький, сморщенный, немолодой. Это был тот самый рыбак, которого Нис расспрашивал о Талосе в первый день. На месте правого уха у него зияла дыра. Закругленный край какой-то кости торчал наружу. На теле мальчика Антроста ран не было видно.

— Кончились?

— Не знаю, может быть еще и живы, — сказал один из литтосийцев.

— Они мертвы оба, — сказал другой. — Мальчику угодило в живот.

Нис приложил ухо к груди мальчика. Но нечего было и слушать. Тело еще сохраняло живое тепло, но на нем уже проступила желтизна и липкая испарина смерти.

— Он умер, — сказал Нис, выпрямившись.

— А Политис и подавно, — спокойно сказал другой литтосиец. — С такой дырой в голове.

И в самом деле, с такой дырой в голове рыбак Политис не мог быть живым.

— Несите их, — сказал Хаджи Михали.

И один за другим все потянулись через двор лагеря в сторону ущелья. Хаджи Михали говорил с освобожденными, рассказывал про Сарандаки, про то, как они будут выбираться отсюда. Самое трудное — это выйти из бухты в такой ветер, в такой дождь, при таком море.

Их было двадцать два человека.

Они то бежали, то теснились кучками вокруг литтосийцев и ловцов губок, пришедших с Хаджи Михали. Стоун и Берк все еще не могли отдышаться после недавнего бега. Они переговаривались на австралийском диалекте, которого Нис не понимал. Он шел посередине между ними и чувствовал исходившую от них душевную теплоту. И ответственность, которую он делил с ними, чувствовал тоже. И удовлетворение, и гордость, и покой — всю сложность сходных и различных чувств, волновавших всех троих. Великан Стоун и циник Берк, расстреливавший метаксистов из большого солотерна. И сам он, Нис. Это странное существо, жилистый маленький человек, который был он сам и который так остро чувствовал серый гнет, лежавший на лагере. Эти мокрые стены. Голый двор. Пустота. Холод. Однообразие. Каменные бараки. Грязные, оскотиневшие солдаты, стерегущие их. Это он, он сам был заперт здесь. Его давил этот безжизненный холод, это уныние под дождем. И ему вдруг захотелось выбраться отсюда как можно скорее, как будто может еще случиться что-то страшное, и ему придется на три года, как в Лариссе, остаться здесь. Трудно было

отделаться от этого чувства. Но ему противостояла близость Стоуна и Берка. И непреклонная решимость Хаджи Михали. Это служило ему защитой. Их сила. И душевная теплота литтосийцев. Особенно Сарандаки. Сарандаки.

Когда великан Стоун протянул ему руку, чтобы помочь влезть на стену, в этом было то же самое. Стоун, Сарандаки. Стоун, Сарандаки. Джин не выходил у него из головы, когда он, скользя, спускался по склону ущелья и потом дальше, к берегу, где пять лодок лежали рядом на песке. Нелегко будет вывезти столько людей на пяти углых рыбацких лодках, да еще при таком бурном море.

Хаджи Михали велел двоим литтосийцам отнести юношу Антроса и Политиса подальше в ущелье, чтобы метаксисты не могли найти тела и надругаться над ними, хотя бы и мертвыми. Нис смотрел на мальчика, который лежал на земле, мертвый, совсем мертвый. Он смотрел и думал.

Двадцать два человека они освободили из лагеря.

Наших, которые сделали это, было двенадцать. Двое погибли. Тридцать два. Тридцать третьим был бы Сарандаки.

Образ джинна вставал перед Нисом на фоне зеленых и желтых огненных шаров, красиво исчертивших небо над бухтой Хавро Спати. Цена за спасенье двадцати двух антиметаксистов, которые могли попасть в руки к железноголовым. Сарандаки, шотландский капрал Макферсон, маленький лондонец, одноглазый, литтосийцы из лодки, разбившейся о риф, юноша Антрос и рыбак Политис. И Сарандаки. Сарандаки — в отсветах желтых и зеленых огней. И — кончено.

А теперь нам нужно выбираться отсюда на пяти маленьких рыбацких лодках.

В утесе, нависшем над ними, была угроза; он напоминал о том, что в любую минуту форты могут снова открыть по ним огонь. Или со стороны лагеря вдруг начнет стрелять уцелевшая охрана. Не один Нис то и дело с опаской поглядывал наверх. Стоун и Энгес Берк тоже все время вертели головой, куда шло распределение, кому в какую лодку садиться.

— Скажи *австралос*, пусть садятся ко мне, — услышал Нис голос Михали.

Все стояли толпой вокруг пяти лодок. Литтосийцев распределили просто по числу, без разбора. Одна лодка отошла уже, взяв семерых. От перегрузки она очень глубоко сидела в воде, почти до самого планшира. Она тяжело подпрыгивала, стараясь встать наперерез волнам. Но волны всякий раз поворачивали ее боком, и в конце концов она возвратилась на берег. Теперь в нее садились снова, чтобы сделать еще попытку.

Хаджи Михали вдруг побежал назад, к проволочному ограждению. Нис окликнул его и спросил, что случилось.

— Миномет, — сказал Хаджи Михали. — Мы про него забыли.

Он добежал до того места, где Стоун бросил миномет, и, ухватившись за ствол, поволок по песку. Берк, увидев это, спросил Ниса:

— Зачем это он ему понадобился?

— Хочет взять с собой, — сказал Нис.

— Он потопит лодку. Скажите, что нельзя этого делать.

— Лодка его, и миномет тоже его.

— А головы наши. — Берк ощерился совсем по-старому.

— *Австралос* говорит, чтобы ты не брал миномет в лодку, — сказал Нис Хаджи Михали.

— Как? Почему? Ведь они видели, какое это замечательное оружие. Они видели сами.

— Да. Но они боятся, как бы лодка из-за него не потонула.

— Ничего, — сказал Хаджи Михали. — Он будет вместо балласта. Такое хорошее оружие жалко бросать. И мины тоже захвати.

Солотерн и пистолет-пулемет Хаджи Михали еще раньше уложил в лодку.

— Мин больше не осталось, — сказал Нис. Он говорил наугад, потому что миномет перестал стрелять, когда он лежал без сознания.

— Все равно миномет еще пригодится. — Хаджи Михали старался приподнять его, чтобы уложить в лодку. Стоун покорно помог Хаджи Михали погрузить миномет в последнюю, самую маленькую, лодку. Хаджи Михали широко улыбнулся Стоуну и ухватил его за могучее плечо.

— Ну, давайте, давайте, — торопил Берк.

Нис тоже чувствовал, что надо спешить. Вместе с двумя освобожденными литтосийцами он принялся сталкивать лодку к воде. Они стащили ее с песчаного наноса и втолкнули в полосу прибоя. Когда лодка закачалась на воде, Нис ухватился за

борт и влез в нее. Он распустил кливера, закрепил шкоты совсем свободно, так что ветер мог трепать их. Он стоял, держась за мачту, а остальные вели лодку по воде к свободному проходу между рифами. Другие литтосийцы и ловцы губок тоже спускали свои лодки на воду. Две лодки уже шли под всеми парусами наперерез волнам, то высоко взлетая, то круто ныряя вниз.

Спутники Ниса сели в лодку. Садись они неловко и чуть не перевернули ее. Волной их прибило почти вплотную к другой лодке, которая беспомощно барахталась рядом и никак не могла отойти от берега. Дождь утих, и теперь только слегка моросило.

Стоун влез последним. Он пробрался на нос, и тогда Хаджи Михали направил нос против волны и сам вскочил в лодку. Как только Хаджи Михали уселся на руль, Нис выдвинул киль примерно до половины. Потом он туго натянул кливер-шкоты, и кливера тотчас же надулись ветром. Никаких слов не было сказано. Все разумелось само собой.

Ветер вздул кливера, и лодку понесло вперед. Оттого, что Стоун сидел на баке, маленькая лодка глубоко зарывалась носом. Волны стали заливать лодку спереди, и Нис закричал Стоуну, чтобы он перешел на корму.

Хаджи Михали правил прямо в море, и кливера сильно отдувало вперед. Нис выдвинул киль до отказа и стал поднимать грот. В лодке было полно воды. Литтосийцы вычерпывали ее горстями. Лодка была так перегружена, что почти не кренилась под ветром.

Когда грот был поставлен, началось затейливое круженье между рифов. Наконец лодка очутилась у края первой подводной гряды. Нис невольно оглядывался по сторонам, не видно ли каких-нибудь следов Сарандаки или шотландского капрала, хотя он отчетливо понимал, что они погибли. Джин наверняка погиб.

Рифы Ниса не беспокоили. Хаджи Михали, как и он сам, сумел найти дорогу сюда. Найдет и дорогу обратно. Две лодки шли впереди, лавируя между рифами, вытянутыми в два длинных ряда. Остальные следовали сзади, но уже на значительном расстоянии от берега.

Дело было сделано.

Нис посмотрел на Берка, который сидел рядом с Хаджи Михали. Редкие пряди волос распластались по его черепу, точно цветочные лепестки. Вода стекала по лбу, по щекам, вдоль крыльев круглого носа и вокруг плотно сжатых губ. Рубашка хаки, намокшая до черноты, местами прилипла к телу. Глаза, как и у других, покраснели от соли. Щеки тоже покраснели, и лицо стало такое, каким оно, вероятно, было шесть или семь лет назад.

И Стоун, с рыжими волосами, рыжей порослью бороды. Лицо, красное всегда, не от соли только, открытое лицо, на котором пролегли суровые складки от холода и от всего, что было. Великан с ясной душой. Но что-то еще прибавилось к этой ясности теперь, после Хавро Спати. Великан, умевший приходить в бешенство, когда в него стреляли или чем-нибудь мешали ему.

А те в свою очередь видели перед собою Ниса, маленького черноволосого грека с расширенными зрачками. Нис, который врезался на плоскодонке в песчаный берег,

потому что нужно было уничтожить береговые форты. А для этого — доставить миномет в такое место, откуда он мог бы стрелять. Он сам пришел к решению. И сам сумел его осуществить.

Нис, чьи белые руки держали грота-шкот, а глаза медленно переходили с одного на другого. Лицо у него было очень белое и казалось еще белее в черной кайме бороды. Взгляд словно жег что-то, сосредоточенный и напористый. Та сила в нем, которая заставила их пойти, и взяться, и сделать, которая вела их за собой, а ему помогала без боязни стоять под пулями. Да. Та внутренняя сила, которая делала его таким напористым и неумным.

И дальше эти — с лицами мертвецов, освобожденные ими. Сумрачные, видевшие смерть люди.

И Хаджи Михали. Этот человек, который верховодил всем. Верховодил мягко и без усилия. Это была его затея. Отчаянная и продуманная только наполовину и только наполовину удавшаяся. Его затея. Хаджи Михали. Все они помогали осуществлению ее. Но то, что сделало это возможным, жило в ясном, немигающем взгляде Хаджи Михали.

А Хаджи Михали в это время думал только о Сарандаки. Для него Хавро Спати, Сарандаки, Гавдос — все это было одно. Все это нагнеталось в нем против метаксистов, которые притесняли их, и эксплуатировали, и сажали в лагеря, и поэтому должно было случиться то, что случилось.

Умом или чувством он пришел к этому убеждению, но оно было в нем сейчас сильнее, чем когда-либо. Метаксисты. Они виноваты во всем. Они и их старшие братья — железноголовые.

А Берк вдруг вспомнил о третьем миномете.

— Куда же все-таки девались те? — спросил он. — С пятисантиметровкой?

— Гоняют где-нибудь по морю, — сказал Нис.

— А не все ли равно теперь, — устало сказал Стоун.

И они вышли в открытое море. Хаджи Михали правил рулем, упираясь ногами в 8,1-сантиметровый миномет. (Никто, кроме железноголовых, не вспоминал никогда про эту десятую долю.) Назад Хаджи Михали не оглянулся ни разу. И никто не оглянулся.

Дело было сдельно.

И Нис думал: «А что, если железноголовые уже добрались до Литтоса?»

Ближе к Криту стало теплее, потому что ветер доносил теплый воздух с земли. Люди выпрямились, разогнули сгорбленные спины. Хаджи Михали, не глядя и не думая, правил прямо на бухту Литтос. Он подошел к острову в двух милях от бухты и отсюда пошел вдоль побережья. Уже была видна деревня в тени громоздившихся над нею гор. Отсюда казалось, что вся она состоит из нескольких домиков на взморье.

Чем ближе был берег, тем тягостнее становилось возвращение без Сарандаки и остальных. Хаджи Михали с самого Гавдоса ни разу не заговорил о Сарандаки. Освобожденные ловцы губок расспрашивали его. Он давал короткие, односложные ответы. Они спросили Ниса, как случилось, что Сарандаки утонул. Нис рассказал им. Но Хаджи Михали не говорил ни слова.

И вдруг, когда они подходили к Литтосу, он сказал с обычным спокойствием:

— Несправедливо вышло для Сарандаки.

Все молчали.

— Он погиб за освобождение узников с Гавдоса. Это большое дело. Но лучше, если бы это случилось в борьбе за главное. За то, чтобы пришел конец метаксистам или железноголовым. Хотя, мне кажется, это связано. Мне кажется, что так.

И больше он об этом ничего не сказал.

— Мы бедные люди, — сказал он затем Нису. — Но ты скажи *австралос*, что эта лодка теперь ваша, твоя и их. Можете плыть на ней куда вам угодно.

— Я скажу, — ответил Нис. — А ты что будешь теперь делать?

— Дела много. Надо приниматься за железноголовых, — сказал Хаджи Михали немного погодя.

Нис давно уже передумал все это снова. Что пользы здесь оставаться? Колоть железноголовых булавками в толстые спины — вот все, что можно делать здесь. Больше ничего. Да, да. Больше ничего. Но Нис знал хорошо, что он нарочно говорит себе это, нарочно, чтобы подкрепить свое основное решение ехать в Египет или вообще туда, где готовится окончательный разгром железноголовых. И принять участие в этом, а не в булавочных уколах. Для Хаджи Михали и такие уколы — дело, потому что у него терпения много. Но для него, Ниса, — нет. Он слишком нетерпелив, слишком томится чувством бессилия, невозможностью прямо вцепиться в горло железноголовым и метаксистам. Старшим и младшим братцам.

— Я все-таки не знаю, для чего тебе, собственно, понадобилась связь с англичанами, — сказал он Хаджи Михали, продолжая нить своих мыслей.

— Для того чтобы не действовать особняком. Иначе мы только и можем, что дергать железноголовых за волосы.

— А что же делать?

— Англичане скажут что. Им нужна будет военная помощь.

— Много вы им тут поможете, — сказал Нис.

Лодка теперь легко скользила вдоль берега к бухте Литтос, до которой осталось не больше мили.

— Мы больше всех можем помочь.

— Но чем, чем? — настаивал Нис.

— Вот таким сопротивлением, — сказал Хаджи Михали. — Только мы можем оказать настоящее сопротивление железноголовым. У нас все было готово для отпора метаксистам. Теперь мы это используем против железноголовых, вот и все.

— Вас задушат.

— Всех не задушить. Останутся другие. Есть литтосийцы. Есть крепкие люди на Ласити, и среди сфакиотов тоже немало найдется. А ты думаешь, в Дикте или даже в городах будут молчать? Нет. Нет. Но действовать могут только те, кто готовился к организованной борьбе с метаксистами. Другим это еще не под силу. Только революционеры могут выступить сразу.

— Неплохо, — сказал Нис. — Совсем неплохо. А англичане знают про это?

— А вот для того я и послал к ним Экса. Но я думаю, они и так знают. И всегда знали.

— А если знали, то не очень считались с этим, иначе бы они не поддерживали Метаксаса.

— Да, правда, — сказал Хаджи Михали, прощая англичанам былые грехи. — Но это было раньше, когда они, быть может, боялись крутых перемен. Понятно тебе? Сейчас другое дело. Было бы просто глупо не понимать этого.

— Для них, может быть, не так уж глупо.

— Почему?

— Может быть, они предпочитают метаксистов нам.

— Ну, не настолько уж они глупы, их цель сейчас — разбить железноголовых. Если кто-нибудь может помочь им в этом здесь, так не метаксисты, а мы. А это для них сейчас самое важное.

Нис согласился. Он спорил с Хаджи Михали так же, как недавно Стоун спорил с ним. Ему нужно было, чтобы его самого все время убеждали. И он обрадовался, поняв, что Хаджи Михали смотрит на дело так же, как и он. Ему хорошо запомнилось, с каким цинизмом даже Стоун толковал об этом. Но сейчас дело было не в интересе англичан к внутренней политике Греции. Дело было в том, что здесь они могли найти существенное подкрепление в борьбе против железноголовых. Вся Греция будет против железноголовых. Вся Греция, кроме метаксистов. Да, да, да.

Разговор между тем сделался общим, все литтосийцы и ловцы губок, сидевшие в лодке, приняли в нем участие, и все сказанное было повторено с начала, с обстоятельным перечислением всех за и против. Нис слушал краем уха. Он смотрел на приближающуюся деревню и думал: а что, если туда пришли железноголовые?

— Наверно, уже сидят там и ждут нас, — сказал Берн. Он отгадал мысли Ниса.

— Не знаю, — сказал Стоун. — Я знаю только, что я хочу спать.

— Выспишься, — сказал Берк. — Мы для того так и стараемся, чтобы ты мог поспать спокойно, а наутро познакомиться со всей немецкой армией.

— Устал я, — сказал Стоун.

— Вот, вот. Особенно у тебя, должно быть, шея устала.

Нис рассказал им, что лодка теперь в их распоряжении.

— Все равно придется подождать английского майора, — сказал Стоун.

— Того, который с Талосом? — спросил Нис. — Они не пожалеют, что не попали в Хавро Спати.

— Да, с этим чертенком не выйти бы им живыми, — сказал Берк.

— Мне жаль Макферсона и другого *инглези*, — сказал Нис.

— Все равно — не здесь, так в другом месте, — сказал Стоун.

— Помнится, Макферсон что-то такое говорил, что вот пришли сюда воевать против немцев, а кончили тем, что воюем против каких-то греков. Он понимал, в чем тут дело.

И Стоун и Берк усомнились в том, что Макферсон понимал. Но они промолчали. Говорить было уж некогда, потому что лодка огибала песчаную косу, замыкавшую бухту. Узники с Гавдоса оживленно переговаривались, стараясь разглядеть, не видно ли на берегу тех, кто был на первых лодках.

— А вдруг здесь железноголовые? — сказал Нис по-английски.

— Вот и я об этом думаю, — сказал Берк.

И они повернули в закрытую бухту, чтобы пройти последние пятьдесят ярдов, отделявшие их от берега.

Но железноголовых не было. Зато литтосийцы высыпали на берег всей деревней, включая женщин и детей. Они издали увидели подходявшие лодки и ждали теперь на пологом берегу, там, откуда отчалили лодки. Толпились небольшими кучками. Без шума, без криков. Но как только лодка вошла в бухту, голые ребятишки ловцов губок бросились в воду и поплыли ей навстречу. Хаджи Михали кричал им:

— Эй, губки, вы мне весь киль залепите.

А они гнались за лодкой глубоко и подолгу ныряя, пльвя не в воде, а под водой, как их учили старшие.

— Где Сарандаки? — кричали они.

— Началось, — сказал Хаджи Михали.

Он повернул и направил лодку прямо к берегу. Потом сам спрыгнул в воду, и все остальные последовали его примеру. От неожиданного холода у Ниса стянуло внутренности, и тут он почувствовал, насколько он ослабел. Но он твердо брел по воде, подталкивая лодку к берегу, откуда уже бежали на подмогу.

Теперь со всех сторон поднялись крики, посыпались вопросы. Где остальные? Удалось ли все, как хотели? Где Сарандаки? Где другие заключенные с Гавдоса? Есть там железноголовые? Двое освобожденных литтосийцев, которые приехали с ними, окликали кого-то по имени. И со всех сторон спрашивали про Сарандаки. Сарандаки.

— Спарити, — повторял один из узников. — Я Спарити. Есть тут кто Спарити?

Никто не отзывался. Видимо, этих людей было трудно узнать. Но Нис все ждал, что вот-вот случится что-то. Наконец вперед выступила черноволосая, белолицая женщина, по виду крестьянка, и сказала просто:

— Я твоя двоюродная сестра.

Они стояли и смотрели друг на друга. Обоим было неловко, и они не знали, как быть. Оба не говорили ни слова.

А над вторым узником плакала маленькая старушка в черном одноцветном платье, повязанная шалью, как носят рыбацки, и в критских башмаках с загнутыми носами. Старенькая, старенькая. Разговор у них тоже не клеился.

— Ты совсем старик, — сказала она ему, с тоской глядя на него.

— Я не так стар, мать, — почтительно возразил он.

— Чтоб им всем провалиться в пекло, — сказала она, думая о метаксистах.

— Где же дочь Аксея, моя жена?

— Сидит дома и вся дрожит, боится, что тебя нет.

— Пойдем, мать, — сказал он.

Они прошли через толпу взрослых и ребятишек, которые молча стояли кругом, деликатно ожидая конца этой сцены. Но когда узник и старуха стали подниматься по тропке, ведущей к деревне, многие побежали за ними, посыпались вопросы о Гавдосе, о Сарандаки и других; женщины спрашивали о прочих, кто был в лагере на Гавдосе, и он говорил что-нибудь о каждом... Кроме Сарандаки.

Женщины не плакали, только вдруг у какой-нибудь вырывался стон облегчения.

Ему задавали все новые и новые вопросы. Когда приедут остальные? Потом все побежали назад и окружили Хаджи Михали.

Ниса и Хаджи Михали забрасывали теми же вопросами.

Где Сарандаки?

Где Лактос, сын Менианда?

— Я ведь никого по имени не знаю, — повторял Нис, — спросите Хаджи Михали.

— А Спатиса не было там... винодела Спатиса?

— Спросите Хаджи Михали.

Ниса оставили в покое, и он молча побрел вслед за австралийцами вверх по тропке. Он думал, что делать дальше. Что дальше? Ждать тех, что ушли на лодке Талоса? Ехать без английского майора? Поскорей пробираться в Египет? Ну да, конечно. Пока сюда не пришли железноголовые. И так очень уж долго Литтос остается незамеченным.

Тут он услышал голос Хаджи Михали: пусть все литтосийцы соберутся на площади, где сушат сети, и там он расскажет им обо всем.

И один за другим они потянулись на площадь, послушать рассказ Хаджи Михали.

Он стоял среди толпы, разбившейся на неравные кучки. Ловцы губок — их было человек десять или двенадцать — держались в стороне.

Всю площадь запрудили литтосийцы, главным образом женщины. Нис присел на камень позади Хаджи Михали. Стоун и Берк сели тоже.

Хаджи Михали рассказал обо всем очень просто. Он рассказывал по порядку, простыми словами, как позволяет греческий язык. И когда он дошел до гибели Сарандаки, он и об этом сказал просто, без всякого пафоса, и сейчас же перешел к рассказу о том, как Нис приставал к берегу. После этого он сделал короткую паузу и потом закончил свой рассказ. Многие женщины теперь плакали в голос, почти выли, и не умолкали, даже когда Хаджи Михали заговорил опять.

— Очень это жаль, — сказал он, — что все, что мы тут готовили прошив метаксистов, пришлось использовать не совсем по назначению. Но это было необходимо. Вы сами понимаете. Железноголовые придут на Гавдос, может быть уже пришли. Они и сюда придут тоже. И, уж конечно, они сразу же повесили бы антиметаксистов. Потому что метаксизм очень похож на их собственные порядки.

Он продолжал, и временами казалось, что он говорит сам с собой.

— У нас уже появилась надежда, что мы сумеем одолеть метаксистов. Но тут железноголовые затеяли эту страшную войну против всех. И теперь все наши силы должны быть направлены главным образом против железноголовых. С метаксистами еще не покончено. Но железноголовые — старшие братья. Железноголовые проглотили метаксистов, и потому нужно прежде всего разбить железноголовых. Но чтобы разбить железноголовых, нужна большая армия, и потому мы должны действовать вместе с *инглези*. Вместе со всеми, кто борется против железноголовых. Сейчас против них борются англичане — значит, мы должны быть с англичанами. Вот Экса вернется и скажет, какой военной помощи *инглези* потребуют от нас.

Он сделал паузу, но никто ничего не сказал, и он продолжал:

— Если говорить о Сарандаки и других, мы никогда не считаемся за них

сполна. Жизнь Сарандаки — дорогая цена для такого малого дела. Но все наше большое дело состоит из малых дел. И если человек способен рассуждать, да и чувствовать тоже, он знает, что про метаксистов нам ни на минуту нельзя забывать. Англичане не могут примириться с железноголовыми, и точно так же мы не можем примириться с метаксистами и с железноголовыми тоже.

Он подходил к концу. Он додумывал все это для самого себя.

— Мы готовимся, пока Железноголовые еще не пришли. Они могут прийти завтра, послезавтра, в любой день. Самое важное для нас сейчас — это дожидаться ответа от англичан. А тогда мы будем точно знать, что нам нужно делать. В конце концов мы зависим от чужой большой силы, без нее железноголовых не одолеть. Но мы должны делать свое дело здесь, потому что это важно для нас самих. Так же, как и раньше. Тогда мы шли против Метаксаса. Теперь мы идем против обоих братьев, старшего и младшего. И это будет наш расчет за Сарандаки и других. Малыми делами — такими, как Гавдос.

— Мы потеряли три лодки. Я не знаю, где Талос из Сирноса. Он не пришел в бухту Хавро Спати, и я ничего не знаю о нем. Мы потеряли две большие плоскодонки и лодку Лактоса, сына Менианда. А свою лодку я должен отдать *австралос* и *инглези* за ту помощь, которую они нам оказали. Вот тот, с рыжими волосами, это он заставил замолчать форты. А Нис, сын Галланоса, сумел привести лодку к берегу, потому что из минометов с моря стрелять нельзя. Я дал обещание и сдержу его. Лодка принадлежит им. Они не могут ждать, пока вернется. Экса. Железноголовые скоро придут сюда.

— Вместо Экса приехали другие, — сказал кто-то из толпы.

Это сразу подвело черту и поставило точку. Все сошли со своих мест и окружили Хаджи Михали, как будто кончился урок и теперь речь уже пойдет о другом.

— Из Египта приехало четверо, — сказала какая-то женщина. — Они сидят в той хижине, где склад губок.

— А Экса не вернулся, — сказал один мальчик.

— Они знают что-нибудь об Эксе? — Хаджи Михали как будто сразу опомнился. Он уже проталкивался сквозь толпу, видимо решив сразу же идти к хижине.

— Они ничего не говорят. Они ждали тебя.

— Это англичане прислали их.

— Они скажут только тебе, — сказала та же самая, женщина. — У них есть оружие, и двое из них — афиняне. Они не разговаривают, только все время просят есть, — целую гору съели, пока дожидались тебя.

Хаджи Михали шел, не останавливаясь. Люди, мимо которых он проходил, громко разговаривали между собой, кое-где плакали женщины. Ловцы губок стояли в стороне, группой человек в пятнадцать, обособленной и неподвижной.

Хаджи Михали подошел к ним.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Примите мою дружбу.

— Я принимаю ее, Хаджи Михали, — сказала одна женщина.

Она была такая же загорелая, как и мужчины, с широким квадратным лицом и

волосами, наполовину выгоревшими от солнца. У нее была большая грудь, натянувшая жиденькую ткань бумажного платья. Глаза, похожие на терновые ягоды, были сухи. Это была жена Сарандаки.

— Когда теряешь такого человека, нет слов утешения даже для жены его, — сказал Хаджи Михали.

— Я понимаю твои чувства, — сказала она.

Остальные дожидались в стороне. Там были двое мужчин, совершенно седые, хоть и не старые еще (ловцы губок не доживают до старости), женщина со скуластым лицом и целая куча черных от загара ребятишек. У всех большие, широко раскрытые глаза.

— Вы теперь останетесь в Литтосе, — сказал он им.

Никто не ответил. Жена Сарандаки только пожала плечами в знак того, что у нее нет другого выхода.

— Прими мою дружбу и располагай мною, — сказал опять Хаджи Михали.

— Благодарю тебя, — сказала она.

И Хаджи Михали пошел дальше, к хижине, где был склад губок.

Нис рассказал Берку и Стоуну о тех четверых, что прибыли из Египта, и они все пошли за Хаджи Михали посмотреть, в чем там дело.

В хижине сидело четверо греков. С ними был старик солдат, тот, который не ездил на Гавдос. Когда Нис, вместе с Хаджи Михали и с обоими австралийцами, вошел в хижину, один из греков разговаривал со стариком по-английски. Увидя, что в хижину входят незнакомые люди, все они поднялись на ноги. Первое впечатление от них у Ниса было самое неопределенное. Бросилась в глаза только самоуверенная манера держаться, отличавшая одного из них. У него были черные волосы, черная небольшая бородка и бархатные глаза. Тип красивого афинянина. Это он говорил по-английски.

Остальные трое были греки как греки. Один толстяк, чванливый и надутый, с волосами, даже сейчас аккуратно расчесанными на пробор.

Двое других казались помоложе. Один был без особых примет. Другой — тщедушный и малокровный на вид.

Они приветствовали Ниса и других обычным *калимера* и строго уставились на Хаджи Михали.

Старик солдат объяснил австралийцам, что эти люди прибыли из Египта.

— Это ты — Хаджи Михали? — спросил наконец один из приезжих.

Обращение на «ты» при данных обстоятельствах было очень бесцеремонно. Нис, как и Хаджи Михали, сразу же насторожился.

— Да, я, — ответил Хаджи Михали коротко, но вполне вежливо.

— Мы приехали из Египта.

— От англичан?

Никто из четверых не ответил. И с этого началось.

— Мы о тебе слыхали, — сказал один, упорствуя в своей бесцеремонности.

— Я послал в Египет человека по имени Экса, вы видели его?

— Нет, мы ничего об этом не знаем, — сказал красивый.

— Откуда же вы узнали, где меня найти?

— Нас послали сюда. Больше мы ничего не знаем. — На этот раз говорил тщедушный.

Хаджи Михали ничего не ответил. Бесцеремонность их обращения сразу настроила его почти враждебно. Впрочем, дело было даже не в бесцеремонности, а во всей повадке этих четверых. Они держались слишком развязно. Нис ждал, когда они подробнее расскажут о себе. Но они молчали. Положение становилось все более неловким. Наконец Хаджи Михали сказал, что если они хотят говорить с ним о чем-либо, незачем откладывать.

— Мы хотим, чтобы ты нам рассказал, как ты тут готовишься к борьбе с железноголовыми, — ответили ему. Говорил снова красивый, и в тоне его теперь ясно чувствовалось пренебрежение.

— Кто вы такие? — спросил Хаджи Михали. — Я вас совсем не знаю.

— Мы приехали из Египта, — сказал толстяк.

— Этого еще мало, — живо ответил Хаджи Михали.

— Мы здесь являемся представителями правительства.

— Какого правительства?

Теперь шел поединок между Хаджи Михали и красивым, который становился все наглее.

— Правительства эллинов.

— Да, но какого правительства эллинов?

— Того, которое в Египте.

— Не понимаю, — сказал Хаджи Михали. — Что же это за греческое правительство в Египте? Откуда оно взялось? Кто в него входит?

— Правительство, которое существовало всегда. С некоторыми изменениями. Это законное правительство.

— Значит, это метаксистское правительство? — быстро спросил Хаджи Михали.

— Называй как хочешь, — сказал щедушный.

— Это законное правительство, — сказал толстяк.

— Кто утвердил его? Кто? Если это те же люди, которые были при Метаксасе, то вся Греция ненавидит их. Кто утвердил это правительство?

— А кто его раньше утверждал? — ехидно спросил щедушный.

— Иоанн Метаксас, вот кто. Сами они себя утвердили пулеметами и автоматами.

— Это законное правительство, — сказал толстяк.

Нису очень хотелось шумно поддержать Хаджи Михали в этом споре, но приходилось молчать и слушать.

Стоун расспрашивал его:

— Кто это такие? Что им нужно?

Нис ответил отрывисто, что это метаксисты, и стал ждать продолжения спора.

Спор продолжался.

— Я такое правительство не поддерживаю, — сказал Хаджи Михали.

— Никому твоя поддержка не нужна, — сказал красивый.

Хаджи Михали презрительно засмеялся.

— Зачем же обращаться ко мне?

— Нужно помочь делу здесь, в Греции.

Хаджи Михали сразу переменял тон.

— Если так, я готов слушать, — сказал он.

— Нам известна твоя прежняя антиправительственная деятельность, — сказал толстяк. — Но мы обещаем тебе и твоим пособникам амнистию, если теперь вы будете помогать.

Хаджи Михали оставил его слова без внимания и только спросил:

— Помогать? Но как помогать и чему? Все это очень неясно.

— Надо по всей Греции организовать группы для содействия правительству.

— Я уже вам сказал, что я такое правительство не признаю. — Хаджи Михали, не сдержавшись, почти выкрикнул это.

— Речь идет не о том, чтобы признавать или не признавать, — сказал толстяк. Он был хитер, это сразу чувствовалось. Гораздо хитрее того, помоложе, с красивым лицом. — Речь идет о том, чтобы помочь. Нужно у кренить правительственные группы в Греции и на островах.

— Вот как. А для чего? Для чего, я вас спрашиваю? Чтобы помочь вашим старшим братьям? Вашим защитникам и покровителям, железноголовым?

— Чтобы помочь англичанам.

— Разве англичане прислали вас сюда, метаксисты?

— Нет, — сказал толстяк, прежде чем успели ответить другие.

— Как же вы собираетесь помогать им?

— Организацией сторонников правительства в Греции и на островах.

— А что будут делать эти сторонники? Просто так, числиться сторонниками?

— Нет. Вооружаться.

— Против железноголовых?

— Да. Если будет необходимость.

— Как это — если будет необходимость? Ведь это же главное. Или сторонников правительства это не касается? Сторонники правительства. Говорите прямо — метаксистская организация.

— Метаксас умер.

— Метаксас жив. Вот сейчас со мной говорят четыре Метаксаса. Просят меня помочь им устроить так, чтобы, если англичане выиграют войну, метаксисты могли сейчас же вернуться и начать с того самого, на чем остановился Иоанн Метаксас.

— Мы хотим одного: сохранить единую Грецию.

— Да, да. Не дать раздробить ее, — сказал красивый.

— Не обращай на него внимания, — сказал толстяк. — Нам известна твоя прежняя антиправительственная деятельность, и мы даем тебе возможность загладить свою вину. Ты напрасно называешь правительство метаксистским. Иоанн Метаксас умер.

— Скажи, кто входит в это правительство. Назови имена. Это те же люди, что и при Метаксасе были?

— Некоторые да, но не все, — сказал толстяк.

— Кто же именно?

Толстяк назвал несколько имен.

— Они сотрудничали с Метаксасом. Это всякий знает. — Хаджи Михали вышел из себя. Окончательно вышел из себя. Он повторил три или четыре имени и потом сказал: — Всякий, кто сотрудничал с Метаксасом, есть метаксист. Я такому правительству помогать не стану. Все равно не стану, даже теперь. Организовывать группы по всей стране. Понятно, зачем это. Ну да, для борьбы с железноголовыми. Но прежде всего для укрепления метаксистов. Знаете ли вы, где мы только что были? Знаете или нет?

— На острове Гавдос, — презрительно сказал красивый. Он об этом узнал от старика солдата.

— Да. На Гавдосе. — Хаджи Михали вызывающе выпрямился. — Мы ездили туда освобождать ловцов губок и литтосийских рыбаков, которых Метаксас посадил в тюрьму за то, что они были против его политики. А вы в это самое время являетесь сюда и требуете, чтобы мы помогли вам укрепить в Греции влияние метаксистов. Да я раньше удавлю тебя.

— Это нужно для того, чтобы разбить железноголовых, — коварно заметил

толстяк.

— Если бы только в этом было дело, я стал бы помогать даже метаксистам. Но дело не только в этом. У вас свои планы. Вы хотите насаждать метаксизм. Фашизм. Вы хотите того же, что и железноголовые.

— Почему ж мы тогда не остались здесь, с ними? — вмешался самый младший из четверых.

— Потому что вы знали, что старший братец проглотит вас, а это в ваши расчеты не входит. Вы не захотели оставаться здесь с железноголовыми. И вы не хотите, чтобы железноголовые хозяйничали в Греции. Но это несколько не меняет дела. Ваш метаксизм — тот же фашизм. Он не станет пригляднее оттого, что вы-как будто хотите помогать англичанам в их войне с железноголовыми. Вы потому выбрали англичан, что они не станут мешаться в ваши внутренние дела в Греции. А железноголовые стали бы. Впрочем, есть среди вас и такие, что предпочитают железноголовых.

— Мы за англичан и против железноголовых, — сказал тщедушный. — Этого довольно. Для тебя этого должно быть довольно.

— Нет, этого не довольно.

— Тогда мы будем считать, что ты по-прежнему идешь против правительства, — сказал тщедушный. — Против законного правительства. И против англичан тоже.

— Вы не можете говорить от имени англичан. Я — против железноголовых, и против метаксистов, и против всех, кто хочет угнетать нас.

— Против правительства, — спокойно повторил толстяк.

— Какого правительства? — Хаджи Михали тряско от бешенства, но он сдерживался. — Вы, которые сбежали, бросив Элладу и острова, объявляете кучку проходимцев правительством и думаете, мы тотчас же признаем его? Греческое правительство может существовать только на греческой земле. А с вами, метаксисты, мы покончили. Напрасно вы думаете, что, как только англичане выиграют войну, вы можете вернуться сюда и сказать нам: «Вот и мы, правительство». Кто назначал вас? Откуда вы взялись? Пули и снаряды — вот чем мы встретим вас. Довольно с нас метаксизма. Довольно с нас вашего правительства. Вы всю Грецию держали под страхом вооруженной расправы, вы гноили в тюрьмах ваших противников. Что же, вы думаете, мы забыли? Уходите отсюда, метаксисты. Понятно вам? Уходите отсюда.

Хаджи Михали говорил спокойно, но ярость его дошла до белого каления. Слова, которые он говорил, огромность того, что было вложено в эти слова, делали этого маленького человека выше, значительнее. Нис чувствовал страсти, кипевшие в нем, чувствовал его гнев, его силу. Ту силу, которая повела их на Гавдос. Ту силу, которая была и в нем, в Нисе. Ему казалось, что это он говорит эти гневные слова, что этот маленький человек — он сам. Их жизни были нераздельно переплетены. Сегодня. В прошлом. В будущем.

— Никуда мы не уйдем, — сердито сказал толстяк.

До сих пор толстяк не сердился. Но Хаджи Михали вывел его из себя.

— Мы останемся здесь и еще поспорим с вами, — сказал он. — Слушайте, что я вам скажу. Войну выиграют англичане. Это случится не сразу, но рано или поздно они выиграют ее. А после этого мы все равно придем в Грецию. И вы не можете этому

помешать.

— Так вам кажется издалека. А в Греции все покажется иначе. Вся Греция встанет против вас. Теперь мы сумеем справиться с вами.

— С тем, с чем мы придем сюда, вам не справиться, — закричал толстяк. — Мы придем с целой армией, с вооруженной «силой». Мы придем с техникой. Устоишь ты тогда против нас, Хаджи Михали? Устоишь?

— Если даже так — это будет греческая армия и греческая техника... И это все обратится против вас. В Греции ничего у вас не выйдет. Если греческие солдаты дерутся в чужих краях, они дерутся, чтобы разбить железноголовых. А не ради вашей выгоды.

— Им не придется выбирать, — высокомерно сказал тщедушный.

— Ошибаетесь, — спокойно сказал Хаджи Михали. — Заставить их вы не сможете. Разве только немногих. Я не знаю, что там делается, в Египте. Но уверен, что там найдется достаточно греков, которые не захотят больше стараться для метаксистов.

— Это ничего не изменит, — сказал толстяк. — Мы тебе дали шанс, Михали, а ты не воспользовался им. Ты — государственный изменник.

— Уходите прочь, метаксисты. Вернитесь к тому, кто вас послал, и скажите, что время Метаксаса в Греции кончилось, и никого вам тут организовать не удастся. Сторонники правительства, — закричал он вдруг. — К черту. Чтоб духу вашего здесь не было.

— Мы останемся здесь, — сказал самый молодой. — И мы требуем, чтобы вы освободили тех, кто заперт в мэрии.

Хаджи Михали не ответил. Он обвел их взглядом, не задержавшись ни на ком из четверых, и ничего не сказал. Ни единого слова. Потом он повернулся и вышел. В этом не было даже презрения. Просто они для него больше не существовали. Он велел им уйти. Они уйдут. И делу конец.

Но все это было не так просто.

Нис внимательно посмотрел на толстяка.

— Я не верю, что вас сюда прислали, — сказал он.

— Не веришь и не надо, — сказал толстяк.

— Как вы попали сюда?

— Это наше дело, — сказал красивый.

— Ну вот, как приехали, так и уезжайте.

— Это уж мы сами решим, — сказал толстяк.

— Посмотрим, — спокойно сказал Нис.

— Мы ждем, чтобы освободили тех, что сидят в мэрии, — сказал тщедушный.

— Придется вам ждать, пока Ида не дорастет до небес. А если вы так долго засидитесь тут, мы вас повесим. Убирайтесь вон.

— Это что же, ты и этот старый смутьян будете указывать нам? — У красивого даже язык стал заплетаться от бешенства.

— Да, — просто ответил Нис.

— Грязное мужичье. Все вы на одну статью.

Нис не стал исправлять ошибку. Рыбак, крестьянин, ткач, ловец губок — для них ведь это все равно. Все на одну статью; Нис не трогался с места, ожидая, чтобы они ушли. Куда, он сам не знал. Но чтобы ушли.

— Мы требуем, пусть сейчас же освободят тех, кто заперт в мэрии, — сказал тщедушный.

Нис медленно покачал головой.

— В таком случае мы освободим их сами, — сказал красивый.

Нис с минуту молчал, сдерживаясь, но потом слова хлынули сами.

— Попробуйте, это будет как раз то, что нужно, — сказал он. — Трудно убить человека, если он стоит и никого не трогает. Но если он замышляет что-то против тебя, тогда это просто. Понятно вам, метаксисты?

— Убивать — это вы умеете, — с волнением сказал самый молодой.

— Жаль только, что слишком поздно научились, — спокойно сказал ему Нис.

И они стали выходить из хижины. Первым вышел тщедушный, его так и трясло от злобы и возмущения. За ним потянулись остальные. Самый молодой, взволнованный и красный. Потом красивый, с бешено горящими глазами. И толстяк, неторопливым, мерным шагом, позади всех.

— Все равно, вы бессильны против нас, — сказал толстяк в дверях. — Против правительства вы бессильны.

— Какого правительства? — спросил Нис. — На Гавдосе, вот где вам место. Но их уже не было.

— В чем дело? — сейчас же спросил Стоун. До сих пор он и Берк ни разу не проявили нетерпения. Они покорно выслушали весь рассказ Хаджи Михали о Гавдосе,

несмотря на большую усталость. И здесь, в хижине, они ждали, когда, наконец, кончатся разговоры. Они не могли понять слов, но, стоя в стороне вместе со стариком англичанином, видели, что идет спор, и чувствовали в нем и озлобление, и вражду, и смертельную угрозу. Не в словах, а в чем-то за словами.

— Это метаксисты, из Египта приехали, — сказал Нис.

— А как они попали сюда? — спросил Энгес Берк.

— Не хотят сказать.

— Черт. Может, они на обратном пути захватят нас с собой?

— Мне этот черный говорил, что они приплыли на лодке с Кипра, — сказал старик солдат. — Они высадились на берег дня два тому назад.

— Эти люди не компания вам. Я бы не принял от них услуги.

— А зачем они вернулись сюда? — спросил Стоун.

— Чтобы укрепить влияние метаксистов. Они говорят, в Египте составилось греческое правительство. Такое же, как было при Метаксасе. Все из метаксистов. Но я этому не верю. То, что их послали метаксисты, это, может быть, и правда. Но правительства такого англичане не потерпели бы.

— А почему? — устало спросил Стоун.

— Они хлопочут об одном: сохранить тут метаксистские организации до конца войны. Они просили содействия у Хаджи Михали, сказали, что их прислало правительство. Неужели правда, существует такое правительство?

— Как видно, существует, — сухо сказал Берк.

— Если они хотят создать здесь метаксистскую организацию, чтобы захватить власть, как только *инглези* выиграют войну, — значит, это такие же враги, как и железноголовые. — Нис горячился все больше и больше.

— Так или иначе, прежде всего вам нужно избавиться от железноголовых, — сказал Энгес Берк. — Так что об этих делах можете не думать, пока не кончится война.

— Нет, тогда уже будет поздно, — сказал Нис. — Надо, чтобы здесь, в Греции, мы были готовы заранее.

— Да врут они все, — сказал Стоун. — Наверно, там, в Египте, сколько угодно и метаксистов, и этих ваших антиметаксистов.

— Может быть. Но если там уже организовалось метаксистское правительство, будет так, как сказал этот человек. Они используют поддержку англичан и снова сядут нам на голову. И у них будет армия, это верно.

Берк думал о том, что без Ниса им трудно будет добраться до Египта. Стоуна это не тревожило. Он слушал о борьбе метаксистов с антиметаксистами, и разговор занимал его по существу.

— А зачем же вы их выпустили? — спросил Стоун.

— Не знаю, — сказал Нис. — Я поступил так по примеру Хаджи Михали, ведь он велел им убираться отсюда.

— Так они говорят, их правительство послало? — еще раз переспросил Стоун.

— Да. Но они все метаксисты.

— Ну, и что ж из этого?

— А то, что, значит, правительство, которое организовалось а Египте, —

метаксистское правительство. Если же не метаксистское, то известно ли ему, что метаксисты засылают сюда своих людей?

— Прямо парламентский запрос по всей форме, — сказал Берк и прибавил сухо: — Жаль, что вы не можете спросить об этом у самого правительства.

— Да, жаль, — серьезно сказал Нис.

— Помогло бы это, — засмеялся Стоун.

— Да, любопытно было бы послушать ответ, — сказал Нис.

— Меня сейчас занимает только одно: как нам отсюда выбраться, — сказал Берк. — Может, этот козлоногий чертенок объявится с англичанами, мы бы тогда сегодня же уехали.

— А я лягу сейчас спать, хотя бы даже фрицы уже съпались с гор, — сказал Стоун, кладя конец всем разговорам о метаксистах. — Поесть и выспаться, больше ничего не хочу.

Нис слушал молча, но никак не мог успокоиться. Все это вышло точно в насмешку. Освободить тех, кого метаксисты держали в заключении на Гавдосе. Вернуться, и здесь застать метаксистов из Египта, которые явились с предложением о сотрудничестве.

— Как лодка, в порядке? — спросил Берк Ниса.

— Да, — рассеянно ответил Нис.

— А где мы возьмем провизию, питьевую воду?

— Литтосийцы дадут нам все.

— Наконец-то мы куда-то едем, — сказал Стоун.

— Подожди, мы еще не уехали, — сказал Берк.

Стоун с трудом опустился на пол. От сырости у него все члены онемели. Он еще сидел, когда старик солдат вдруг спросил:

— А что с Макферсоном и остальными?

Казалось, это все было так давно, что они успели уже позабыть.

— Каюк, — не сразу ответил Берк. Он нарочно употребил грубоватое, жаргонное выражение.

— Мак убит? — испуганно и громко.

— Да. И второй тоже. А офицеры где, не знаю. — Берк так и рубил.

— Господи боже. Как же это случилось?

— Пулемет. — И помягче: — Там и потонули.

— Господи боже.

— Прими мои сожаления, — устало сказал Нис.

Старик ничего не ответил. Он сидел точно оглушенный. Если убивают немцы, это в порядке вещей. Но греки? И ради чего? Нелепица какая-то.

— Господи боже, — сказал он опять. — Мак.

— Он все правильно понимал, — сказал Нис. — Да. Он понимал.

— Что понимал? — спросил старик.

— Ничего, — сказал Берк, прежде чем Нис успел ответить. — Ничего. Просто вот — бывает так, и все. Завтра мы уедем отсюда. Так вот и бывает.

Нис молчал. Он решил, что Берк нарочно сказал это, для англичанина. Он не стал

возражать и улегся, продолжая раздумывать о четверых метаксистах и содрогаясь от гнева, покуда на всю хижину не разнесся его гулкий храп.

Он проснулся, когда вошли Талос и оба англичанина. Его разбудил шум. Тоненькая дощатая дверь пронзительно закрипела в темноте.

— Вы здесь? — Это был голос юного Талоса.

— Здесь, — отозвался Нис, еще полусонный. — Где тебя носило до сих пор?

— Это мы. Я, и со мной *инглези*, — сказал Талос.

— Слышу. Слышу. Где вы были?

— За вами шли.

Оба *австралос* тоже проснулись, и Берк стал расспрашивать английского лейтенанта, что с ними приключилось.

Лейтенант отвечал:

— Все напасти.

Нис старался слушать сразу и английскую речь и греческую и в конце концов совсем запутался. Тогда он стал слушать одного Талоса, который так и сыпал словами. Нис перебил его:

— Почему вы не пришли в Хавро Спати?

— У нас грот порвало. Мы неслись за вами как сумасшедшие. Разве вы не видели нас?

— Когда?

— В первый день, только уже поздно, под вечер. Как это вы нас не видели? Мы уже почти догнали вас. Но налетел шквал, и грот сорвался. Мы чуть не опрокинулись. *Инглези* не могли помочь мне, потому что я не знал, как им сказать, а этот длинный еще смеялся.

— Представляю себе, — сказал Нис. Он чувствовал усталость во всем теле.

— Я пробовал идти под одними кливерами, но ничего не вышло. Надо было возвращаться на берег, починить грот или поставить новый.

— Как же ты сюда добрался?

— А вот, под кливерами. Слушай, Нис, что я тебе скажу. Когда мы шли обратно, мы наскочили на целую флотилию *бензинас*. Это были железноголовые. Мы их встретили у Эргаса, в двадцати километрах отсюда. Они там все в бухте стоят, на причале.

— Что им там понадобилось? — допрашивал Нис.

— Уж что-нибудь да понадобилось. Я не стал входить в бухту, а до Хавро Спати под кливерами было не добраться. Тут мы встретили одного рыбака из Эргаса на лодке. Он сказал, что по всему побережью полно *бензинас*. И в нашей стороне тоже. Завтра они могут быть в Литтосе. И мы решили идти сюда. Утром мы видели вас. Мы шли вдоль берега. Но на одних кливерах не разгонишься.

— Значит, *бензинас* стояли на причале? — Нис приподнялся и сел.

— Да. Ждали чего-то. Они и сюда придут.

— Да. Обязательно придут.

— А как там все было, в Хавро Спати? — спросил мальчик.

Нис рассказал ему вкратце и сказал про Сарандаки. Талос слушал, нахмурившись, и мальчишеская веселость его сразу пропала, но он не сказал ни слова. Ни слова, как и все. А Нис упорно думал о бензине.

Потом Нис прислушался к тому, что говорилось по-английски. Лейтенант спрашивал:

— Но теперь-то мы лодку получим?

— Да, — сказал Стоун.

— Слава богу. И когда можно ехать?

— Сейчас, — сказал Энгес Берк.

— Утром, — сказал Стоун. — Выспаться надо.

— Который теперь час? — спросил Берк.

— Час ночной, — язвительно ответил майор. Нису странно показалось слышать его голос. Но майор продолжал: — Чем скорей мы отсюда выберемся, тем лучше. Моторные лодки не зря появились у берегов.

— Вам этот чертенок сказал про моторные лодки? — спросил Берк Ниса.

— Да.

— Вот и нужно выбираться не медля, — сказал Берк.

— До утра подождать можно, — сказал Стоун.

— Как вы думаете? — Это Энгес Берк спросил Ниса.

Нис чувствовал всю ответственность этой минуты. И чувствовал, что именно теперь, когда пришло время решать, он снова колеблется. Сильней, чем когда-либо, его тянуло остаться с Хаджи Михали. Эти четыре метаксиста заставили его призадуматься над тем, так ли уж много он может сделать в той большой войне, которая ведется в Египте. Но того, что можно делать здесь, ему мало. Все это мелькало у него в голове. А надо было решать. Сразу. Сейчас же. И он решился сразу, чтобы не было времени передумать еще раз.

— Лучше ехать сейчас, — сказал он.

— Уже опять ехать, — запротестовал Стоун. — Я выспаться хочу.

— Выспишься в немецком Stalag, если мы задержимся здесь, — сказал лейтенант.

— Все равно, нам нужен хлеб, нужна вода, не можем же мы сейчас будить людей, — сказал Стоун.

— Люди уже встают, — сказал Нис. — Лучше нам не откладывать.

— Ладно, ладно, — сказал Стоун, засмеялся и сел. Слыша этот смех в темноте, Нис сразу представил себе вихрастые рыжие волосы, неровные зубы, круглые улыбающиеся глаза. Великан Стоун.

Стоун встал на ноги.

— Ну что ж, пошли, — сказал он.

— Мне надо поговорить с Хаджи Михали насчет припасов, — сказал Нис. — Я хотел бы, чтоб кто-нибудь из вас пошел со мной.

— Если насчет припасов, то я пойду, — сказал Стоун.

— Вы бы пока спустились на берег и вычерпали воду из лодки, — сказал Нис Берку. — Знаете, какая лодка? Та, на которой мы ехали, лодка Хаджи Михали.

— Мы сейчас же и выедем? — спросил лейтенант.

— Попозже, под утро. Приготовления займут часа два-три. — Нис ждал, пока Стоун управится с полусгнившими шнурками башмаков.

Талос спросил по-гречески:

— В чем дело?

— Мы едем, — сказал Нис.

— Уже?

— Да. Вот только я поговорю с Хаджи Михали.

— Он у тех литтосийцев, которые вернулись после вас. Он их ждал на берегу.

Когда мы подошли, они уже были здесь. Почему вы уезжаете? Из-за бензи́на?

— Да, — ответил Нис нетерпеливо. — А где это?

— Я тебя провожу, — сказал Талос.

— Когда справитесь, приходите сюда, — сказал Нис Энгесу Берку и остальным.

— А почему вам не спуститься прямо к лодке? Зачем опять заходить сюда?

— Не надо, чтобы Хаджи Михали видел, как мы спешим. Я не хочу обидеть его.

Он придет сюда проститься с вами.

Берк вздохнул в темноте и сказал:

— Ладно.

Нис и Стоун вышли из хижины и пошли вслед за Талосом разыскивать Хаджи Михали.

Хаджи Михали вместе с другими литтосийцами они встретили на пороге низенького домика, к которому их привел Талос. Хаджи Михали тащил меньший, пятисантиметровый, миномет. Босоногий рыбак, шедший за ним, держал в охапке солотерн, пистолет-пулемет и люгер.

— Вы готовы? — сейчас же спросил Хаджи Михали Ниса.

— Мы снова прибегаем к твоей помощи. Нам нужна питьевая вода и какая-нибудь провизия на дорогу, — сказал Нис.

— Я только отнесу в мэрию это оружие и сейчас же все тебе устрою.

Стоун нагнулся в темноте, взял из рук Хаджи Михали миномет, и понес. Для маленького Хаджи это была ноша великана. Для великана Стоуна она была маленькой.

— Первого человека встречаю такого же, как Сарандаки, — с ласковой теплотой в голосе сказал Хаджи Михали, когда они все пошли по улице.

— Если ты не имеешь возражений, мы выедем сейчас же, — сказал Нис.

— Тебе молодой Талос из Сирноса рассказал о бензинас?

— Да. Чем скорее мы будем на пути к Египту, тем лучше.

— Я хотел бы, чтоб рыжеволосый великан научил меня обращаться с этим оружием. — Хаджи Михали держал свою руку на опорной плите миномета, из вежливости и в то же время в знак своей готовности помочь.

— Он просит показать ему, как стрелять из миномета, — сказал Нис Стоуну.

— Да это совсем просто, — сказал Стоун. — Ладно, я покажу.

— Он тебе покажет. Но зачем переносить миномет в мэрию?

— Я хочу сложить все там, потому что завтра и мы думаем уходить из Литтоса. Железнодорожные на бензинас идут вдоль побережья и в любой день могут быть здесь. По крайней мере оружие возьмем с собой в горы.

— Я сожалею, что расстаюсь с тобой, Хаджи Михали.

— Ты оказываешь мне честь. Я тебя хорошо узнал, Нис Галланос. Приедешь в Египет, постарайся выяснить, что случилось с Экса. И помоги мне связаться с *инглези*, расскажи им о нас, о том, на что можно рассчитывать в Дикте и в Сфакии. Но самое главное — узнай насчет Экса.

Они уже подошли к дверям мэрии. Это был единственный двухэтажный дом во всем Литтосе. Кроме того, самый новый дом и самый крепкий. И в одной из комнат сидели метаксисты и сборщики налогов, запертые там литтосийцами, потому что в селении Литтос не было тюрьмы.

Хаджи Михали ошупью пошарил в первой, пустой комнате, нашел длинные итальянские спички и засветил фонарь.

— Я расскажу тебе подробно, о чем надо говорить с *инглези*.

— А все-таки, как ты думаешь, что могло случиться с твоим Экса? — спросил Нис.

— Не знаю сам.

— Может быть, он не попал в Египет, — негромко сказал Талос.

— Этого не может быть. Ясно, что он разговаривал или с *инглези*, или с метаксистами, не зная о том, что они метаксисты. Кому-то он рассказал все. Эти четверо знают про Литтос, знают про меня, про метаксистов, которых мы держим здесь, в мэрии. Все это они могли узнать только от Экса. А Экса не стал бы рассказывать метаксистам. И потом, почему он не вернулся? Экса — человек верный и крепкий.

— Куда это? — спросил Стоун про миномет.

Нис сделал жест, означавший: на пол, куда угодно.

— А как ты велел Экса действовать? — спросил Нис Хаджи Михали.

— Это он должен был сам решить на месте. Нужно было просто сказать англичанам, что мы можем оказать им тут кое-какую военную помощь. И что мы готовы дать отпор железноголовым, потому что средства у нас приготовлены еще раньше, в расчете на метаксистов. И потому мы, именно мы, можем сделать тут все, что они укажут.

— Может быть, вышло так, что сами *инглези* направили его к метаксистам?

— Не знаю, — сказал Хаджи Михали. — Но мне не нравится, что этим метаксистам так хорошо все известно. Только Экса мог сказать им, а он бы не сказал, если б знал, что они метаксисты.

— Ты еще должен рассказать мне, какие связи у тебя с Дикте и сфакиотами. Мне это может понадобиться.

— Хорошо, — сказал Хаджи Михали и неторопливо прибавил: — только это тебе одному. Даже *инглези* об этом знать незачем. Но все подробности я расскажу тебе после, а сейчас попроси рыжего великана объяснить мне миномет.

— Покажите ему, как управляться с минометом, — сказал Нис Стоуну.

— Да он устроен так же, как и тот, большой. Ведь вы знаете уже.

— Все-таки расскажите мне все еще раз, а я передам, — сказал Нис.

И Стоун стал показывать ему, как работают винты бокового движения и подъемный механизм. И рассказал, что прицелом пользоваться нельзя, так как для этого нужно знать правила дистанций и немецкие меры, в которых даны деления. Потом он показал ему мину, покорооче и потолще, чем в большом миномете, и показал, как вкладывать взрывной заряд. Это было все, что требовалось знать. После этого они все трое склонились над минометом, и Нис стал по-гречески повторять все объяснения Хаджи Михали, а Талос и литтосиец, пришедшие с ними, тоже слушали, стоя позади.

Вдруг вошли те четверо, из Египта. Они были в коротких крестьянских куртках и в бурках сверху, несмотря на теплую погоду.

Никто не произнес ни слова.

— Где те, кого вы тут держите взаперти? — сказал красивый, вызывающе выступив вперед.

— В надежном месте, — сказал Хаджи Михали. — В надежном месте и под замком.

— Мы пришли за ними, — сказал красивый.

— Могли бы так же прийти за призраком самого Метаксаса.

— Мы требуем, чтобы нам выдали этих людей.

— Они метаксисты. Они годами выжимали соки из Литтоса. Ты сам не знаешь, чего требуешь. Уходи, как я сказал тебе. Уходите все.

— Теперь уж поздно нам договариваться, Хаджи Михали, — сказал толстяк. — Мы предлагали тебе добром, ты отказался. Говорю это сейчас, чтобы все слышали.

— Скорей я стану есть свое дерьмо и пить свою мочу, чем соглашусь.

Они стояли не двигаясь: толстяк и красивый впереди, лицом к Хаджи Михали и Нису; Стоун на одном колене, у миномета, Талос и литтосиец позади него. Так они стояли, точно застыв в перерыве между действиями.

— Освободите их, — выкрикнул красивый.

— Ты себя освободи. Освободи себя, а то тебя Иоанн Метаксас держит.

— Ну? — угрожающе сказал красивый, и из складок его бурки выставился томпсоновский ручной пулемет. — Ну? — выкрикнул он. — Ну?

— Подожди, — сказал ему толстяк.

— Нечего ждать, — сказал красивый. И снова обратился к Хаджи Михали: — Ну?

Стоуна появление пулемета удивило. Он смотрел на него снизу вверх, не отводя глаз. Желтый жир смазки не был вытерт и блестел на свету. Не знают, что ли, эти греки, как его вытирать? Появление пулемета несказанно изумило Стоуна. Он не понимал, о чем шла речь. Он не видел, как лицо красивого исказили растерянность и испуг. Испуг — теперь, когда он сам довел до этого. А у Хаджи Михали глаза налились черной кровью, и в них словно плясали пьяные змеи.

— Метаксист, — холодно сказал Хаджи Михали красивому. — Собачье семя.

— Ну, — крикнул красивый опять, но уже не так резко.

Хаджи Михали посмотрел на него в упор. Оттого что угроза не сломила Хаджи Михали, красивый не знал, что ему делать дальше. Нис видел, что он выдохся, и ждал, когда вступится кто-нибудь из его спутников.

И, может быть, ничего бы не случилось, если б Стоун не вскочил вдруг на ноги и не обрушился бы на красивого, точно приземляющийся парашют.

Может быть, и не случилось бы.

Может быть, толстяк не стал бы спорить дальше и увел бы красивого из мэрии. Но Стоун не знал этого так, как знал Нис. Стоун не знал, что красивый под конец выдохся.

В нем действовал издавна выработавшийся рефлекс; увидев пулемет, услышав крик, сразу же, не дожидаясь, броситься на того, кто направил на тебя дуло оружия.

Так сделал Стоун. Но у томпсона легкий спусковой крючок, он сразу соскочил, и затрещали, догоняя друг друга, короткие захлебывающиеся очереди: так-так. И еще: так-так-так-так. И снова, в неустанном хвалебном гимне. Славься, Томпсон, творец сего.

Стоуну попало в живот и в левый желудочек сердца. Он был так близко, что пули прошли его насквозь. Они разворотили ему внутренности, подбросили его в воздух силой толчка и опрокинули навзничь, на пол деревенской мэрии, с пробитым, изуродованным животом.

Одна. Только одна пуля угодила Хаджи Михали в глаз. Она пробила отверстие, равное томпсоновской пуле. Но сила ее разрослась на лету, и, выходя, она размозжила череп. Так разрушается земная кора под действием жара, трескается, морщится,

крошится в ничтожную долю секунды, со скоростью света. Хаджи Михали отбросило назад, и он без единого звука повалился на ствол миномета. Только из головы вытекало кипящее месиво, образуя лужицу на полу, и судорожно брызгала кровь.

И так они лежали оба. Так и лежали.

Рыбак литтосиец подскочил к красивому, как только раздался выстрел, подскочил и ногой ударил его по голове. И тут же вцепился в горло толстяку, сдавил его пальцами, готовый задушить. Двое других не решились бежать, и когда Нис и Талос стремительно навалились на них, они поддались с удивлением. Это было то самое удивление, которое минуту назад испытал Стоун. И только в силу защитного рефлекса они пытались отражать удары, пока их не отшвырнули в угол, как отшвыривают падаль.

А юноша Талос, Талос из Сирноса, держа пулемет Томпсона в руках, дергал и дергал спусковой крючок. Но тут случилось обычное. Защелка спускового крючка ходит легко, когда она оттянута вниз, — так, как ее держал красивый. А Талос держал ее ровно. И потому, сколько он ни дергал, выстрела не было. Не раздавалось даже щелканий. Ничего.

Красивый уже лежал без сознания, глаз у него был в крови и запух, а рыбак все бил его каблуком по голове. Толстяк ничего не мог сделать, потому что чувствовал против себя силу, которой не властен был противостоять. А остальные двое были точно парализованы тем странным удивлением.

Нис старался приподнять Стоуна. Зачем? Приподнять его. Заставить двигаться. Чтобы он встал на ноги, рыжий великан со страшным развороченным животом, весь залитый красною кровью из внутренностей, вывалившихся наружу. Рыжие волосы, совсем красные в отсветах фонаря, красные, как и кровь. Красное все. Борода. Волосы. Кровь. Весь красный великан. И внутренности разворочены, и нет широкой улыбки на лице. Только гримаса боли, которая в первую секунду исказила лицо и так и пристыла к нему. Не ударил бы собаки. Неровные зубы в окровавленном рту, струйки крови на красном лице. Стоун. Великан Стоун, великан даже еще и сейчас. Стоун, дервиш-плясун из Дикте, в кресле цирюльника, так хотел выспаться сегодня утром, так смеялся смехом человека с безмятежной душой. Красные волосы, все теперь на нем красное. До больших, неуклюжих, размокших башмаков, до коротких штанов, коротких не по мерке. И волоски красные на тыльной стороне руки.

Конец великану Стоуну.

И Нис опустил его, чтобы не видеть его мертвым. Знать, что он умер — пусть, но не видеть его вот таким, растерзанным, и неловко обмякшим, и в крови, следы которой и на нем, на Нисе. Кровь на рубашке. На рубашке Стоуна, слипшихся, грязных лохмотьях.

Конец великану Стоуну.

А рядом Хаджи Михали. Отец литтосийских рыбаков и всех антиметаксистов. Человек без возраста, который так легко отходил после вспышки и умел смеяться от души и от души обласкать, но знал и суровость и гнев. Постоянный неостывающий гнев, но только против метаксистов. И за это за все томпсоновская пуля вошла теперь ему в глаз и раскрошила череп и мозг.

Седая распушенная грива над морщинами в уголках черных глаз. А глаз один вытек, глаза нет.

Размозжена вся голова.

Такой выстрел из томпсона, на расстоянии трех ярдов. Он мог бы разнести Хаджи Михали на куски. Тело осталось нетронутым. Только голова. Но без нее ничто не могло привести тело в действие.

Он лежал скорчившись, лицом вниз, без звука, без движения, без мысли.

Без теплой грусти о джинне Сарандаки.

Без ненависти к метаксистам.

Без тревоги за Экса.

Без думы о помощи англичанам.

Без всего, что в нем было.

Одно лишь тело, которое все могло бы, но нечему было побудить его к действию, потому что голову разнесло в прах.

Томпсоновская пуля это сделала. Ее сила.

И метаксисты, которые скрывались за этой силой.

И теперь он лежит тут, спокойный, настойчивый Хаджи Михали, и на месте одного глаза, и половины носа, и бровей в голове у него страшная дыра. Волосы, слипшиеся прядями, намокают кровью, становятся красными, как у Стоуна. Красный цвет. Цвет крови. Цвет самой жизни. И он уже не человек без возраста больше. Он мертвец. Он мертв.

Стоун, рыжий великан.

Хаджи Михали, отец литтосийских рыбаков. Брат ловцов губок и заклятый враг метаксистов.

Оба лежат. И кровь вытекает из них. И жизнь ушла, Ушла совсем.

Талос пошел на берег за Берком. Литтосиец еще по разу ударил каждого из четверых метаксистов ногой в пах и втолкнул их в комнату с замком на дверях, где сидели те, кого они пришли освободить. Он хотел убить их, но Нис чувствовал, что смерть Хаджи Михали требует чего-то большего, чем простая расправа с метаксистами.

Он велел литтосийцу запереть их вместе с прежними пленными и пойти за родными Хаджи Михали, так как он, Нис, никого из них не знает. Литтосиец сказал, что у него нет никого, только старуха, жена его брата, которая ведет его хозяйство. И Нис сказал, чтобы он пошел и привел ее.

Потом он взял фонарь и томпсоновский ручной пулемет и вышел в коридор. Хаджи Михали и Стоуна он оставил там, где они лежали. Выйдя, он притворил за собой дверь комнаты. Один, в пустом коридоре, он смотрел на оружие, которое держал в руке, и думал о Стоуне. Стоуне, который теперь был прах, смешанный с прахом Хаджи Михали. Но ему он вспомнился таким, каким он его встретил в Кандии, в широкополой австралийской шляпе, из-под которой широко улыбалось его веселое лицо, и не было в нем ни растерянности, ни отчужденности, которая чувствовалась во всех других. И как они бежали вместе потом, когда парашютисты начали очищать район. И Стоун дожидался его, когда он отстал, и смеялся, и сказал ему по-английски: «Идем, идем, мальчик с пальчик», — просто так, чтобы что-нибудь сказать. И как же он был удивлен, когда Нис вдруг ответил ему по-английски: «Сейчас иду». Как он остолбенел, услышав английскую речь, и как гулко, раскатисто смеялся, когда они взбирались по ближним склонам Белых гор. Тогда-то он, Нис, и решил, что стоит держаться вместе с этим великаном, потому что ему незнакомо чувство растерянности. И спокойное, незлое упорство его, и то, как он сжимал губы поверх неровных зубов. Весь он, весь, человек. Настоящий человек, встретить которого в этом хаосе было удачей.

И тут в мэрию вошел Энгес Берк. Он уже кое-что знал. Талос не мог рассказать ему. Но Талос повторял одни и те же слова и подкреплял их жестами. И Берк уже знал, что случилась беда. Нис молча передал ему фонарь и распахнул дверь. Энгес Берк взглянул раз, потом шагнул назад и прикрыл дверь за собой. Он стал таким же желтым, как Стоун.

— А, черт, — сказал он. — Как?

— У них был пулемет, — сказал Нис.

— У кого? — Берк вдруг оказался беззащитным. Никакая маскировка не могла служить защитой против этого. Он стоял как в тумане, внутри у него все куда-то провалилось, рот был полуоткрыт, глаза смотрели, не видя.

— Те четверо, что приехали из Египта, вы видели их. У них был пулемет.

Энгес Берк машинально кивнул головой.

— Они потребовали, чтоб выпустили заключенных метаксистов. У одного оказался пулемет в руках, и Стоун бросился на него, чтобы отнять.

— Сволочи, — сказал Берк, не найдя других, более сильных слов.

У Энгеса Берка внутри было пусто. Пустым было выражение всегда насмешливых губ. Никаких чувств, кроме чувства неловкости. Они стояли вдвоем на пороге и не знали, что нужно делать. Берк не пытался скрыть отупения, которое на него нашло.

— Вы их схватили? — спросил он, наконец, и губы у него шевелились как-то вяло и голос тоже был вялый.

Нис показал на запертую дверь сбоку и сказал:

— Они там, вместе с остальными. Они хотели освободить остальных.

Энгес Берк взял томпсоновский пулемет из рук Ниса.

— Он не стреляет, — сказал Нис безразличным тоном, словно только для сведения.

Энгес Берк отпустил рычаг затвора, и пули посыпались из ствола.

— Не надо убивать их, — сказал Нис без особой настойчивости. — Есть многое, что нужно у них выяснить.

— К черту.

— Не надо убивать их, — повторил Нис.

— К черту ваши выяснения. Чему они теперь помогут?

— Помогут.

— Но ведь эти мерзавцы только что убили вашего Хаджи Михали и Стоуна.

— Нужно выяснить многое.

— Сам перестреляю сейчас эту сволочь.

— Нет, — спокойно сказал Нис и взял у него пулемет.

— Ну, так выясняйте поскорее. Что тут тянуть? Пусть скажут, зачем они это сделали. Вы-то ведь знаете, зачем.

— Я знаю, но не все. Может быть, ничего бы и не случилось, если б Стоун видел, что метаксисты испугались. Они не думали сделать это. Но все равно.

— Ну, выясняйте. А потом я сам посчитаюсь с ними.

— Хорошо, — сказал Нис с тем же самым безразличием.

Но для Ниса с неожиданной смертью Хаджи Михали все приняло четкую, ясную форму. Это было напоминание, словно даже он, Нис, побывавший в Лариссе и на Гавдосе, нуждался в напоминании, что кровь — единственное оружие против них. Что метаксисты легко не сдадутся. Что они не станут сидеть в Египте и ждать, а будут стараться изнутри укрепить метаксистское влияние в Греции, оккупированной железноголовыми.

— Как же быть со Стоуном? — услышал он голос Берка. — Что вы думаете делать? Оставить так, здесь? О господи, и надо же было случиться. Именно теперь. — Берк все еще говорил, не выбирая слов.

Нис видел все, что происходит в Берке. Его чувство к Стоуну. Душевную теплоту, вдруг обнажившуюся, когда исчезла защитная маскировка. И привычная враждебность в тоне исчезла тоже. Она существовала, эта враждебность, но она теперь устремлена на другое, на главное. И она не скрывала и не туманила чувств, которые связывали его

со Стоуном. Которые обнаружались теперь, потому что Стоуна не стало. Не стало — вот так.

— Я буду ждать литтосийцев. Они соберутся сюда.

— Но ведь здесь его нельзя оставить.

— Нельзя. Мы положим его там же, куда положат Хаджи Михали.

И на это Берк ничего не ответил. Он прислонился к стене и стал ждать того же, чего ждал Нис.

Под утро, еще до восхода солнца, мэрия стала наполняться народом. Собрались почти все жители деревни. И первым их побуждением, как и у Берка, было тотчас же покончить с метаксистами. Нис, как и в тот раз, помешал этому. Но он поставил зажженный фонарь в комнате, где лежали те двое, чтобы все могли видеть.

Когда рассвело, пошли на сушильную площадь. Разобрали тяжелые каменные плиты посредине, двуглавыми критскими кирками выдолбили яму в мягкой породе и стали ждать.

Потом из мэрии принесли Стоуна и Хаджи Михали. Они уже заоченели в тех положениях, в каких лежали на полу, и сделались очень желтыми, и кровь больше не текла. Четверых метаксистов тоже привели на площадь по приказанию Ниса. Их не тронули, даже руки им не связали. Толпа обтекала их со всех сторон — рыбаки, женщины, ловцы губок.

Все молча стояли и смотрели, как четверо из тех, что были на Гавдосе, с трудом и неловко уложили Стоуна и Хаджи Михали в круглую неглубокую яму. Потом сообща стали забрасывать яму комьями земли и обломками камня, и, наконец, женщина, которая жила в доме Хаджи Михали (жена его брата, совсем старуха на вид), попыталась сдвинуть тяжелую каменную плиту, чтобы закончить дело. Ей стали помогать, но она отошла в сторону, и литтосийские рыбаки, виноградари и ловцы губок сами утоптали мягкую породу, уложили плиты на прежнее место, и вскоре не осталось никаких следов, только свежая красная земля, разбросанная вокруг, и неровность почвы в этом месте.

Но жители Литтоса не расходились и ждали, потому что Нис недаром велел привести сюда четверых метаксистов.

А Нис в это время рассеянно слушал разговор англичан. Лейтенант и майор толковали с Берком о моторках. Оба они, и с ними старик солдат, пришли в мэрию вслед за Берком и там узнали о Стоуне. То, что произошло, удивило англичан. Но они сказали только пустые, незначащие слова. Майор сказал:

— Надо было нам раньше выбраться отсюда.

— Выбраться бы хоть теперь, — сказал лейтенант.

Теперь они об этом же говорили Берку. Все трое стояли позади Ниса, в группе ловцов губок. Нис слушал их, как в тумане.

— Идем, — говорил майор. — Надо ехать. Тут становится опасно.

— Вы ступайте к лодке, — сказал Берк. — Я еще тут подожду.

— Чего ждать? — спросил лейтенант. — Стоун, бедняга, в земле уже.

— Я хочу посмотреть, как вздернут эту четверку.

— А что вам-то до этого?

— Идите вы на берег. Я хочу остаться до конца.

— Послушайте, — сказал майор. Он теперь стал разговорчив, потому что

поговорить было о чем, и дело касалось самого насущного, и его одолевал страх. — Немецкие моторные лодки не сегодня-завтра пристанут здесь. Я слышал от этих греков, что они рыщут по всему побережью, из деревни в деревню. Эта деревня на очереди. Надо нам поторопиться.

— Все равно ведь мы не можем ехать без Ниса, — с раздражением сказал Берк. — Подождите немного, ничего не случится. Я хочу посмотреть, как эта четверка получит свое.

— Ты не беспокойся, — сказал старик. — Уж они от веревки не уйдут.

— А я хочу видеть сам, — сердито сказал Берк.

Кругом вдруг стало тихо.

И тогда Нис начал. Он обращался к четверым метаксистам, которые стояли посреди площади, а литтосийцы и освобожденные узники Гавдоса плотной стеной теснились за ними. У всех четверых растерянный, бегающий взгляд, неловко повисшие руки, страх перед чем-то, что должно произойти.

— Слушайте меня, — сказал он им. — Вы четверо пришли в мэрию с пулеметом и убили рыжего великана *австралос* и Хаджи Михали. Намеренно убили или случайно, знает, лишь тот, кто это сделал. — Нис указал на красивого. — А он не скажет. Но я был при этом и готов признать, что произошла случайность. Может быть, ничего бы и не было, если бы рыжий великан не поторопился, хотя он только сделал то, что сделает каждый под дулом пулемета. Мы не можем обвинить метаксиста в заранее обдуманном убийстве. Но мы обвиняем его в том, что он грозил смертью с оружием в руках. Он не имел права требовать освобождения заключенных с оружием в руках, разве только если б он был представитель власти, а мы преступники. Он говорит, что его прислало сюда эллинское правительство, которое находится в Египте. Но я этому не верю. Его прислали метаксисты. Он — метаксист. Значит, если его прислало правительство, то это метаксистское правительство. Мы такого правительства не признаем. А значит, он не имел права грозить смертью с оружием в руках. Он действовал от имени метаксистского правительства, которое незаконно. Для нас оно не существует. И потому он виновен в том, что действовал незаконно, а остальные виновны в том, что были с ним заодно.

— Да ведь он убил Хаджи Михали, — сказал один из литтосийцев. — В этом-то он, наверно, виновен.

— В его смерти — да, — возразил Нис. — Но не в убийстве. Нужно помнить, что это не одно и то же. Главное же — нужно выяснить, кто прислал их сюда.

— Нечего тянуть так долго. Что на них смотреть? Ведь ты же сам был при этом, — заговорили в толпе.

— Они-то не стали бы тянуть.

— Прикончить их — и все. Ты не прав, молодой орел, — говорили ему.

Нис помолчал немного, не сводя глаз с четверых метаксистов, и во взгляде его появилась неистовая прыть. Та самая прыть.

— Я прав вот в чем, — сказал Нис, обращаясь ко всем. — Как бы ни погибли

Хаджи Михали и рыжий великан *австралос*, их смерть — не простая случайность.

— Хороша случайность, собаке под хвост.

— Не то важно, случайность или нет. Важно другое. Эти четверо — метаксисты. Они явились к Хаджи Михали, чтоб он помог им, метаксистам, укрепить метаксистское влияние в Греции и на островах. И нам важно узнать, кто же послал их. Это, может быть, стоит смерти Хаджи Михали.

— Да, да, я согласна с тобой. — Это сказала жена Сарандаки, которой вдруг ясен стал большой, жизненно важный, политический смысл» того, что произошло.

— Они говорят об эллинском правительстве, которое находится в Египте, — продолжал Нис. — Правительство должно быть выборным органом. У нас после Вензелоса не было выборного правительства. Диктатура метаксистов — вот все, что мы имели с тех пор. Но эти люди говорят, что их прислало правительство. Спросим же их о нем.

Литтосийцы ждали молча. Заговорил толстяк метаксист.

— Нас прислало правительство. Оно дало нам задание организовать вас для борьбы против железноголовых.

— И это все? Только для борьбы против железноголовых?

— Нет, — сказал вдруг самый молодой. Он не помнил себя от страха, и ему казалось, что он говорит именно то, что надо сказать. — Я скажу вам все. Мы должны были провести организацию сторонников правительства по всей стране. Это необходимо, чтобы оказать сопротивление железноголовым. И для того чтобы после окончания войны не наступил хаос.

— После окончания войны, — повторил Нис его слова. — Кто же дал вам такое право? Кто создал это правительство?

Толстяк понимал, что спор идет о жизни и смерти, может быть, даже о чем-то большем. И он боялся, как бы его спутники не запутали и не испортили дело, а потому он тотчас же вмешался опять.

— Кто-то должен действовать за рубежом, — сказал он. — Такая зарубежная организация Греции сейчас необходима. Выборов нельзя было провести, потому что Греция в руках железноголовых. Вот и пришлось назначить правительство.

— Значит, это опять-таки метаксистское правительство.

— Не совсем. Многие из его членов расходятся с Иоанном Метаксасом.

— Но метаксисты достаточно сильны в нем, раз они могли послать таких, как вы, чтобы укрепить здесь свое влияние. Видно, перевес на их стороне?

— Да ведь Метаксас умер, — раздраженно сказал тщедушный.

— Метаксас, но не метаксизм. А метаксизм недалеко ушел от политики железноголовых. Одна порода. Умирает человек, но не его политика.

— Интересы Греции должны быть выше всего. Предполагали же мы действовать совместно с мятежником Хаджи Михали. — Слово «мятежник» сорвалось нечаянно, и толстяк опасливо помедлил, но Нис был точно водопад, холодной, ровной струей журчащий по камням.

— Вы искали его содействия, — сказал Нис, — потому, что вы знаете, что вся Греция против метаксизма. Что существует целая организация, готовая к отпору

метаксистам. И что мы не признаем метаксистского правительства. Никакого правительства не признаем, если его захотят нам навязать извне. Все равно, сейчас или после того, как железноголовые проиграют войну.

— Но если войну выиграют *инглези*, — сказал молодой, — они вправе будут делать, что захотят.

— А разве ваше метаксистское правительство утверждено англичанами? Разве так, метаксисты?

Они не ответили.

— Разве они доверяют вам? После того как половина из вас осталась тут, чтобы помогать железноголовым, а другая половина бежала только из страха перед старшим братом. И они доверяют вам? Они, непримиримые враги железноголовых?

— Да, — сказал тщедушный. — Доверяют. И вы должны доверять.

— Не верю, — резко крикнул Нис. — Я этому не верю. И ни в какое ваше правительство в Египте не верю тоже. Потому что *инглези* не позволили бы метаксистам разгуливать на свободе. Вы — фашисты, такие же, как железноголовые.

— Пора всем грекам быть греками, — сказал толстяк.

— Так говорил Метаксас. И он же преследовал греков за то, что они греки. Но больше этого не будет, метаксист. Скажи нам лучше, откуда вы узнали про Хаджи Михали и про тех, кто заперт в мэрии Литтоса?

— Нам сказали те, кто послал нас.

— Кто же это вас послал?

— Нам дали официальные полномочия.

— Кто, назови имя.

— Полковник Спатис.

— Это он рассказал вам о Хаджи Михали?

— Да.

— А он не упоминал имени Экса? Не говорил о человеке, который был послан в Египет отсюда?

— Нет.

— Кто такой полковник Спатис?

— Он командует полком в армии.

— Он командовал полком при Метаксасе?

— Да.

— Кто дал ему задание послать вас?

— Не знаю. Он полковник, военный, вот и все.

— Так он, может быть, просто метаксист.

— Не все ли равно? — сказал красивый, морщась, как от боли. До сих пор он молчал. Его подбитый глаз весь запух. На щеке запеклась кровь, и капли свежей крови все еще сочились из виска.

— Разве в Египте существует сейчас греческая армия? — спросил Нис.

— Формируется, — быстро ответил толстяк.

— А офицеры кто? Из прежних?

— Большею частью — да. Из тех, что прибыли отсюда вместе с *инглези*.

— Метаксистские офицеры?

Толстяк промолчал. Он был доведен до предела и боялся теперь самого себя. Он думал, что Нис нарочно дергает его. Он понимал, что все это — приговор им четверым.

Солнце всходило. Оно уже было за вершиною Иды. Красноватая пыль критской земли висела в воздухе, и небо от нее быстро розовело.

Англичане и Энгес Берк стояли в стороне. Они прислушивались к разговору. Английский майор переводил им все, что ему удавалось понять. Понимал он многое, так как разговор велся медленно и в сдержанных тонах. Но у Берка не хватало терпения, и он то и дело переспрашивал, кто что сказал.

— Расскажи нам об этом правительстве, — продолжал Нис допытываться у толстяка.

— Что рассказать?

— Может ли каждый свободно высказываться за него или против?

— Такой свободы даже у *инглези* нет, — сказал толстяк. — Не может ее быть во время войны.

— Верно. А при Иоанне Метаксасе ее и без войны не было.

— Послушайте. — Толстяк даже улыбнулся, чтобы подчеркнуть, как он терпелив, и все понимает, и хочет быть честным в споре до конца. — Ведь мы не исключение. Во всех странах, оккупированных железноголовыми, есть свои правительства.

— Старые правительства?

— Да.

— Что ж, значит, и у них то же, что и у нас.

Но толстяк не ответил, потому что разговор зашел слишком далеко, и этот быстроглазый грек говорил с уверенностью, от которой у него, у толстяка, внутри накопала злоба, бессильная злоба против угрозы, нависшей над ними. Против неминуемого и близкого конца. Остальные трое испытывали то же чувство.

Все-таки он еще сказал с подчеркнутой кротостью:

— Но ведь Греции нужна какая-то организация за границей.

— Слушай, метаксист. — Нис обращался непосредственно к нему. — Если такая организация нужна, нельзя, чтоб ее возглавляли люди, которые были заодно с железноголовыми, — да не только были, а и сейчас заодно с ними. Может быть, в других странах тоже есть такие организации, но народ в этих странах все равно не признает их. Народ кровью сердца всегда будет против железноголовых, так же как мы сейчас. Слышишь? Или ты думаешь, что мы примем этих людей обратно, зная, что они водили дружбу с железноголовыми, поверим, что они раскаялись, что они теперь стали другими? Что мы стерпим подобных людей? Нет, метаксист, как мы сейчас деремся с железноголовыми, так же будем драться с ними, если они придут сюда.

— За ними сила, — сказал тщедушный, и это были рискованные и глупые слова.

— Какая бы сила за ними не стояла, — сказал Нис, и вся земля слушала его, — кровью сердца мы будем против них. Мы встанем против них, как против самих железноголовых. И если вас прислали эти люди, то вы сами осудили себя. Вы говорите, что вас прислало греческое правительство, которое находится в Египте. Я этому не

верю. Я никакое греческое правительство не хочу обвинить в том, что оно в такое время послало в Грецию людей, чтобы подорвать силы сопротивления внутри страны. Но я обвиняю в этом всех метаксистов, в том числе и тех, которые в Египте, и мне все равно, сильны они там или слабы. А если ваше правительство терпит метаксистов в своем составе и поощряет заведомых метаксистов — значит, вина лежит и на нем. Ты метаксист — и, значит, ты умрешь. И с ними будет то же.

— За это не убивают, — выкрикнул молодой.

— Спросите Метаксаса. Он убивал и за меньшее.

— Не я убил вашего Хаджи Михали, — сказал толстяк. — Я даже пытался помешать.

— Сволочь, — крикнул красивый. Лицо у него исказилось от ярости и боли.

— Сам ты сволочь, — сказал толстяк. — Ты один виноват во всем.

— Вы все виноваты, — сказал Нис устало и с раздражением.

Теперь все четверо метаксистов кричали наперебой. Литтосийцы и ловцы губок угрюмо ждали, когда все это кончится или когда Нис прекратит это.

— Мы бы вас оставили железноголовым, — холодно сказал Нис, — но вы слишком много знаете. И вы сейчас выложите им все, что знаете.

— Если бы мы хотели рассказать им, мы давно могли это сделать, — сердито выкрикнул толстяк. Он все еще не терял головы, все еще боролся, хотя и знал, что конец неизбежен.

— Да, когда можно было выбирать себе старшего брата, вы выбрали англичан. Но любой метаксист, попав в руки железноголовых, не задумается вырезать кусок мяса из братнего тела и съесть его.

— Неправда, — крикнул тщедушный, и все четверо снова закричали сразу голосами, в которых были ярость, и предельный ужас, и смерть.

— Не знаю, — сказал наконец Нис, глядя не на них, а на толпу. — Пусть решают литтосийцы и все остальные. И *австралос* тоже.

Тогда поднялся шум со всех сторон:

— О чем тут еще говорить!

— Они и Экса, видно, убили.

— За Сарандаки, за наших литтосийцев...

— Прикончить их, и все.

Нис не останавливал никого. Слегка пожав плечами, он повернулся к Энгесу Берку.

— Требуют их смерти, — сказал он. — Всех четверых. Что скажете вы? Они разоблачили себя. Они — метаксисты. Этого довольно. Они тут много говорили.

— Я знаю, что они говорили.

Энгес Берк движением головы указал на английского майора, который сказал:

— Черт побери, нельзя же так, в здравом уме и твердой памяти, убить человека.

А Берк стоял рядом, невысокий, коренастый. С удивленно наморщенным лбом и редкими волосами, еще слипшимися от соли. Глаза широко раскрыты, а тонкие губы сомкнуты плотно. Стоял и слушал самого себя, внутренний голос, звучавший только ему... и английского майора слушал тоже и Ниса.

И тишину кругом. Толпа примолкла, когда увидела, что Нис обратился к нему, к австралос. Ждали молча, с большой деликатностью, с большим уважением к австралийцу.

А Берк думал о себе, о том положении, которое создавалось. Вот он, австралиец, чужой здесь, и он тоже должен решать, выносить смертный приговор за политическую борьбу и за убийство бедняги Стоуна, потому что все смешалось тут в одно. И Гавдос и все вместе. Но в основе всего — политическая борьба, и это он понимал. Он должен решать, исходя из одного: они — метаксисты. Так решал Нис. Но ко всему припутывался еще и Стоун. Бедняга Стоун, славный рыжий великан.

И перед глазами у Берка был только Стоун, желтое лицо, страшные дыры в животе, чернота вывалившихся внутренностей. Стоун в земле, на сушильной площади. Большой почет ему от литтосийцев. В красной литтосийской земле, с самим Хаджи Михали рядом, скорченный, застывший так, как упал. Так и сгниет там, в земле, и смешается с ней...

Не было колебаний. Только чувство удивления перед самим собой.

— К черту их, — сказал он с силой.

И когда Нис повторил его слова, снова поднялся шум кругом. Даже английский майор кричал, выражая свой протест и свое отвращение. И маленький старик солдат кричал тоже, но только одобрительно. Он с самого начала был за смертный приговор, о том и кричал. Зато лейтенант растерялся совершенно. Все это было слишком сложно, слишком стремительно для него. И он ни к какому решению не пришел, только сбился совсем.

И все литтосийцы кричали тоже. Голос Талоса звенел громче всех. Эхо разносило шум.

И только Нис хранил молчание, стоя посреди всего этого и все стараясь охватить. Гнев и горе, бушевавшие кругом. И Стоуна и Хаджи Михали, зарытых здесь же, под его ногами. И метаксистов, которые за это должны умереть. И близость железноголовых, тенью надвигающуюся на все.

Потом толпа молча отхлынула, и метаксисты остались посреди площади совсем одни. Все четверо понимали, что это конец, и потянулись за литтосийцами, крича и в страхе оглядываясь, здесь ли пулемет. Точно перья, подхваченные мощным течением, они устремились вперед, но толпа распалась на маленькие кусочки, и снова они остались одни. Ясно было, однако, что кому-то придется держать их, иначе не выйдет ничего.

Тогда кто-то сказал, что здесь, прямо над Хаджи Михали и *австралос*, не место для этого. Другие заспорили, утверждая, что именно потому и надо все сделать здесь. Потом четверо с лицами мертвецов, из спасенных гавдосских узников, и с ними еще несколько литтосийцев схватили отчаянно отбивавшихся метаксистов и повели.

— Куда вы их ведете? — спросили из толпы.

— К известняковым скалам, — ответил один рыбак.

— Их же оружием надо, — сказал еще кто-то.

— Слышите, как надрываются? — сказал другой рыбак. Метаксисты теперь не переставали сыпать проклятиями, красивый громче всех.

— Если так страшно, не надо было идти против нас.

Метаксистов увели. С ними пошли те четверо, с Гавдоса, и еще несколько рыбаков. Остальные не тронулись с места. Зрелище не интересовало никого. Вынесенного решения было довольно.

Нис не смотрел, как их уводили. Он разговаривал с Талосом. Берк стоял рядом и ждал, когда он кончит. Но Нис все продолжал говорить о чем-то настойчиво и быстро.

Берк взглядом проводил метаксистов, все еще испытывая чувство удивления перед самим собой, потом оглядел толпу, которая не расходилась.

— Черт возьми, Берк, идемте же наконец, — сказал майор.

— Надо запастись провизией, — неопределенно ответил Берк. — Вы пока ступайте на берег.

— А вы не задерживайтесь и тащите своего грека, — сказал майор.

Но у Берка не нашлось, чем огрызнуться на слова майора, и даже не захотелось этого. Он просто не обратил внимания. Лейтенант и майор повернулись и пошли вниз, к берегу. Старик солдат остался ждать Берка.

Потом Талос тоже ушел куда-то. Берк спросил Ниса:

— Вы уже достали провизию и воду?

— Нет. Сейчас займусь этим, — сказал Нис.

— Пожалуй, пора нам ехать, — сказал Берк как-то безразлично.

Нис заговорил по-гречески, обращаясь к литтосийцам, стоявшим кругом:

— *Австралос* сейчас уезжают отсюда, потому что *бензинас* железноголовых уже близко. Им нужен бурдюк с водой и какая-нибудь еда на дорогу. Они едут на лодке, которую им дал Хаджи Михали. — Это была просьба, и несколько литтосийцев тотчас же повернулись и пошли к своим домам, и Нис сказал Берку, что вода и провизия будут и он может идти на берег.

— А вы что же? — спросил его Берк.

— Я тоже приду, — сказал Нис. — Через несколько минут.

Толпа расходилась, и вскоре только два-три человека осталось на опустевшей площади. Берк пошел тоже, оглядываясь на ходу. Он видел дома, неправильными рядами окружавшие маленькую площадь. Кучу белых и коричневых сетей, приготовленных для просушки. Грубо сколоченные стойки на взморье, где волны тихо плескались о берег, и утлые рыбацьи лодки, покачивавшиеся у каменной стены. А посреди площади — серо-белые плиты и мелкие красные обломки раскрошенной породы. Красная земля, а под нею то, что осталось от великана Стоуна.

Он прибавил шаг и пошел к лодке; старик солдат молча следовал за ним.

У лодки они долго ждали Ниса, но он все не шел. Приходили литтосийцы. Они натаскали много всякой еды — соленую рыбу, изюм, гирлянды чеснока, принесли два козьих меха с водой, похожих на мехи волынки. Берк, старик солдат, майор и лейтенант ждали Ниса. Греки говорили что-то, что только майор мог понять. Но майор не слушал, он все повторял Берку:

— Черт знает что. С минуты на минуту могут подойти немецкие моторки. Куда он запропал?

Так они ждали Ниса, и нетерпение их все росло.

Наконец он появился. Талос шел с ним рядом, и они говорили о чем-то, оживленно жестикулируя. Они вплотную подошли к лодке и только тут остановились. Литтосийцы деликатно посторонились, давая Нису дорогу.

— Едем, — сказал Энгес Берк. И повернулся к лодке, чтобы столкнуть ее в воду.

— Я не еду, — сказал Нис.

Берк выпрямился.

— Талос отвезет тебя, — сказал ему Нис. Он стоял, широко расставив ноги, и его быстрые глаза смотрели не мигая и спутанные волосы стояли торчком.

— Это еще что за выдумки? — сказал Берк. — Едем, — повторил он уже с раздражением.

Но Нис покачал головой и твердо ответил:

— Талос отвезет тебя. Я рассказал ему, как надо держать курс. Он справится. Не беспокойся. Вы все доберетесь до Египта.

— Ладно, ладно. Не в этом дело, — сердито сказал Берк. — Вам-то здесь зачем оставаться? Не валяйте дурака. Едем.

— Нет, — сказал Нис. — Я очень сожалею. Но я не могу теперь ехать с тобой, австралос. Это будет бесполезно.

— Оставаться еще бесполезнее, — сказал Берк.

Нис сказал что-то литтосийцам, и несколько человек взялись за лодку, чтобы столкнуть ее на воду. Майор и остальные влезли в лодку. Талос обнял и поцеловал Ниса, потом тоже влез. Только Берк не трогался с места.

— Пойми, — сказал ему Нис. — Мы все будем драться с железноголовыми, все, кроме метаксистов. Они пойдут и против нас и против всей Греции, чтобы только захватить в свои руки власть после войны. А что нам даст победа над железноголовыми, если им на смену придут опять метаксисты! Для нас и те и другие

одинаковы. Мы должны уничтожить и тех и других, а это можно только в самой Греции, только здесь. Я хочу драться с железноголовыми, но не для того, чтобы расчистить метаксистам дорогу в Грецию. И чтобы наша кровь лилась даром, нужно и метаксистов уничтожить навсегда. Это достаточно важно. Разве ты не понимаешь, *австралос*? Неужели ты не понимаешь?

Берк сжал губы, словно с досады.

— Да, — сказал он, наконец. — Пожалуй, что понимаю.

— Ну вот. А теперь *адио*, и благодарю тебя за Хавро Спати.

— Ладно, — сказал Берк, и видно было, что он покорился.

— *Адио, австралос*.

— До свидания, — медленно произнес Берк.

Они торопливо и неловко пожали друг другу руки, и Берк влез в лодку.

Нис вдруг шагнул в воду и пошел за лодкой.

— Ты там расскажи об этом, — сказал он с неожиданной страстью. — Расскажи, *австралос*. И Талос тоже расскажет. Обещаешь? Расскажи всем, что мы здесь будем драться с железноголовыми. Но только не для метаксистов. А там пусть дерутся тоже. Разбить железноголовых должны они, англичане, и все, кто вместе с ними. Но не для метаксистов. Не для тех, кто еще недавно был с железноголовыми заодно. Объясни им: если сейчас метаксисты и готовы драться с железноголовыми, этого недостаточно. Они сами фашисты. Хорошенько объясни это там. И скажи, что мы не примем никаких правителей обратно, кто бы ни поддерживал их. Расскажи им все, что ты видел здесь сам, ты и брат твой Стоун. Скажи, что мы против всех фашистов, всех решительно. И скажи, что греческое правительство можно образовать только в Греции. Обещаешь, *австралос*? Все скажи им.

Нис задыхался. Он все шел по воде, стараясь не отставать от лодки. Но лодка вдруг рванулась вперед — это Талос, крикнув *адио*, поднял грот и разворачивался, чтобы лечь на курс.

— Скажи им, — повторил Нис Энгесу Берку, глядя ему прямо в глаза.

И Берка вдруг охватило то самое чувство, что и тогда, в мэрии, когда он увидел Стоуна. Он в упор посмотрел на этого своевольного грека с сердито взъерошенными волосами, с неистойвой прытью в глазах. Грек стоял по пояс в воде литтосийской бухты. Грек молча, напряженно ждал... И Энгес Берк почувствовал, как внутренняя скованность вдруг отпустила его, и он сказал быстро, негромко, почти про себя:

— Скажу. Все им скажу.

— Я принимаю твою дружбу, *австралос*, — крикнул Нис ему вслед.

— А я принимаю твою, — как прежде, подтрунивая, крикнул Берк в ответ.

И оба они улыбнулись. Нис широко и восхищенно, а Энгес Берк с сердечностью Стоуна и пониманием Ниса. И это было все. Нис стоял, улыбаясь, и смотрел вслед лодке, пока она не вышла из залива и не повернула в открытое море, держа курс на юго-восток.

Потом он повернулся и пошел назад, к литтосийцам, ждавшим на берегу. Он теперь думал о том, как быть с остальными метаксистами, с теми, которые сидели в мэрии. Что-то нужно было придумать, пока железноголовые не пришли.

notes

1

лагерь для военнопленных (нем.)

минометы (*нем.*)

гранатомет (нем.)